

КОНСТАНТИН КОКОЗОВ

ЦАРЬ БОРИС

Константин Кокозов

Царь Борис

«Издательские решения»

Кокозов К. В.

Царь Борис / К. В. Кокозов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904265-1

Кокозов Константин Владимирович стал известен читателям с 1998 года, когда в г. Владимире вышел в свет его первый роман «Приключения на двойнике земли». Вслед за этим романом были изданы его книги «Феерия» (М., 1989), «В каменном мешке» (М., 1999), роман-эпопея «Бизнесмен» (г. Владимир, 2000), сборник современных повестей «В этом ужасном Вавилоне. Новое произведение автора «Царь Борис». В нем рассказывается о жизни героя, которому предначертано судьбой стать руководителем Российского государства.

ISBN 978-5-44-904265-1

© Кокозов К. В.
© Издательские решения

Содержание

Книга первая.	6
Глава 1.	6
Глава 2.	12
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	37
Глава 7	44
Глава 8	52
Глава 9	75
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Царь Борис

Константин Владимирович Козлов

© Константин Владимирович Козлов, 2018

ISBN 978-5-4490-4265-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга первая.

Борис на вертикали

Глава 1.

Приятная новость

1

Бориса Ивановича Елина, первого секретаря Павловского райкома партии Краснодарского края, жарким августовским днём тысяча девятьсот восемьдесят первого года срочно вызвали в Москву, к самому Генеральному секретарю ЦК КПСС Леониду Ильичу Брежневу.

Как обычно, ровно в восемь-ноль-ноль Борис Иванович проводил ежедневную утреннюю планёрку со своими секретарями и завотделами. Планёрка на этот раз посвящалась уборочной страде. Настроение с утра у первого было отличное. Только что он поговорил с младшей, самой шустрой и любимой дочерью. Она сообщила отцу, что получила на руки красный диплом МГУ им. Ломоносова и скоро, а может быть на днях, приедет домой, и не одна, а со своим парнем, женихом, исключительно хорошим человеком.

Борис Иванович всегда, когда говорил с младшенькой, с Таней, озорной и необыкновенно умной дочкой, таял прямо на глазах, как снег под палящими лучами весеннего солнца. Таня имела обыкновение телефонный разговор оканчивать следующими словами:

– Пап, береги себя для России! – и вешала трубку.

При последних словах дочери Елин долго хохотал, поднимаясь со своего кресла и бесцельно шагая по большому секретарскому кабинету. А в этот раз он ещё и подумал, что надо будет готовиться к свадьбе и затеять такой пир, чтобы весь край ахнул. Великолепное расположение духа первого в районе человека вызывалось ещё и неплохим состоянием райкомовских дел. Уборочная страда шла полным ходом. Погода в этом году приняла сторону Елина и ни разу ещё не подвела. Почти с первого дня уборки стояли сухие солнечные дни. С каждого гектара в хозяйствах селяне получали невиданные доселе урожаи, на пять-шесть центнеров с гектара больше, чем в прошлые годы.

Получалось, что у первого секретаря не оставалось причин для плохого настроения. Ну как же? – Хорошо всё дома. На работе так же. В сердечных делах тоже одни радости. Сказать по секрету, так у Бориса Ивановича была очень молодая любовница, учительница английского языка первой школы станицы Павловской. Её недавно, месяц тому назад, удалось пристроить третьим секретарём райкома комсомола, тем самым приблизив её рабочее место, а значит, и её самое, к себе самому. Благо райком комсомола находился в том же здании, что и партийное руководство – двумя этажами ниже. Так что теперь её можно было видеть чаще и по поводу и без повода.

Однако Борис Иванович имел привычку даже при самом превосходном настроении напускать на себя пасмурный вид, собрав на лбу все морщины лица, так что рыжие густые брови закрывали глаза. Это он делал так, чтобы своим подчинённым не давать расслабиться, не расхолаживать дисциплину в райкоме, строгую, твёрдую, держать своих подчинённых на дистанции от себя. И это ему удавалось. Его огромный богатырский вид, двухметровый рост, широкие плечи и пудовые кулаки поневоле

даже на расстоянии вызывали у окружающих уважение, переходящее в оторопь. А должность первого секретаря райкома, делающая люфбого человека могущественным и всесильным в масштабе района, многократно увеличивала возможности Елина, чтобы с ним по-настоящему считались.

2

Его признавали, его уважали, а вернее, немного боялись. Боишься – значит уважаешь, – любил повторять Борис Иванович слова Сталина, вычитанные им много лет назад в библиотеке Высшей партийной школы при ЦК КПСС в столичном городе Москве. Кстати, там он, Борис Иванович, и познакомился с Николаем Андреевичем Вороновым, тридцатидвухлетним молодым человеком, работавшим инструктором обкома партии в Омске и так же, как сам Елин, заочно повышавшим свои политические знания в ВПШ. С Вороновым Елин подружился очень крепко, жили в одной комнате вдвоём, ели с одного стола, ходили вместе по широким столичным улицам и бульварам. Случалось, и заходили в какой-нибудь приличный ресторан, чтобы пропустить стаканчик-другой хорошего армянского коньяка после многочасового выслушивания нудных речей преподавателей школы о бессмертных идеях марксистско-ленинского учения.

Воронов, как и он, Елин, был сложен собой по-богатырски, крупный, ладный, неотразимый. Правда, Николай Андреевич был более интеллигентен, чем Борис Иванович, и тем самым выигрывал больше в кругу знакомых и незнакомых, везде, где бы они ни находились вместе.

Николай Андреевич и одевался покладнее, поаккуратнее, чем Борис Иванович. Елин мог в парадном костюме с галстуком на шее плюхнуться на заправленную кровать и полежать, а то и вздремнуть, переворачиваясь во сне то на бок, то ничком. А потом, проснувшись в этом же костюме, похожем на тряпку, разжёванную коровой, мог выйти на улицу и даже отправиться на занятия. Николай Андреевич никогда этого себе не позволял. Приходя домой, он тут же переодевался в свой синего цвета шерстяной спортивный костюм, а парадную одежду, тщательно осмотрев со всех сторон, стряхнув с него все пылинки, с наслаждением, не торопясь, развешивал на предназначенном для одежды месте в шкафу. Кроме того, Борис Иванович мог одну и ту же рубашку носить целую неделю, не обращая внимания на то, что воротничок от пота и пыли изрядно почернел. Он любил подшучивать над Вороновым, который ежедневно натягивал на себя новую свежую рубашку и по этой причине занимался каждый день стиркой.

Коля, – говорил Елин, лёжа на боку и наблюдая за тем, как тщательно, с мылом, драил Воронов внутренние стороны тех мест рубашки, которые быстрее всего подвергаются изменениям под влиянием атмосферных явлений природы, – от частой стирки ты в два раза сокращаешь продолжительность жизни своего белья. И где ты там видишь грязь? – и он брал со стула ещё не замоченную одежду и скрупулезно исследовал, переворачивая её то так, то этак, подносил к носу и принюхивался. И, перекосив лицо в удивлении, заканчивал свою мысль:

Вроде идеально чисто, стоит ли из-за этого ежедневно на корточки садиться!

Николай Андреевич в первые дни знакомства и соседственного проживания старался приучить своего нового товарища из Кубанских степей к аккуратности, блеску в смысле ношения одежды.

Несколько раз, стирая свои рубашки, не чурался выстирать и Борькино ношеное бельё, вплоть до трусов. Но потом, видя, что молодого инструктора райкома из Краснодара не волнует и не тревожит, в каком виде он появится в обществе солидных людей, – в брюках со стрелками или без них, с воротником стоячим и снежной белизны или с измя-

тым воротником на горловине рубашки, перестал воспитывать вкус к шикарному ношению одежды.

Горбатого могила исправит, – подумал Воронов. – Больше будет жену любить и семьёй дорожить, если сам себя не способен обслуживать, разлучившись с ней на короткий срок. И то хорошо.

Воронов был и усидчивее и трудолюбивее Бориса Ивановича, целыми часами с карандашом в руках изучал классиков марксизма-ленинизма, что-то выписывал, что-то подчёркивал, а некоторые понравившиеся мысли прочитывал несколько раз вслух, восхищаясь удачно сформулированной идеей автора.

Борис Иванович, прохаживаясь по комнате (он не мог в этом случае просто тихо посидеть или постоять, он обязан был или полежать, философски поглядывая на потолок, или походить по комнате бесцельно туда и сюда), заливался смехом или приговаривал:

Как ты можешь, Коль, тратить время на чтение этих толстых трудов? Ну, ознакомился с текущими материалами партии и правительства – и баста. Ведь, помнится, Мао Цзе-дун говорил: «Читая много книг, императором не станешь».

Воронов со смешком в глазах поворачивался в сторону Бориса Ивановича и, долго задержав на нём взгляд, изрекал:

А ты что, Борь, себя в императоры готовишь?

Борис Иванович на мгновение останавливался, посерьёзнев лицом, но тут же расплываясь в широкой улыбке, произносил:

Да какой же из меня император, Коля? Хорошо бы нам с тобой, инструкторам, до первых секретарей райкома и обкома дойти. И то, наверно, невозможно в нашей любимой стране. Старики сейчас так крепко расселись на важных должностях в государстве, что молодым людям карьеру сделать практически невозможно, разве что случайность какая или какие связи помогут куда-то пролезть.

Воронов, не отворачивая свой взгляд от товарища, беспомощно вздыхал и кивал головой в согласии:

Да, тут я с тобой солидарен, Борь. Точно подметил. В партии нашей и государстве нашем сейчас позарез нужны свежие молодые силы. Против законов природы идти всё-таки нельзя. Старики должны своих внуков нянчить, а не государством управлять. Потому, наверно, в партии нашей нет новых мыслей, свежих идей, неординарных решений. Застряла, забуксовала партийная мысль в партии. Потому дела в государстве не такие важные, как должны быть. Помнишь, на занятиях секретарь ЦК товарищ Пономарёв рассказывал, как живут простые люди в Швейцарии? Они имеют возможность с семьёй, например, раз в году отдыхать в других странах. А наши люди, наши рабочие, крестьяне, интеллигенция – разве могут себе позволить такую роскошь, чтобы хотя бы раз в несколько лет взять да и прокатиться всей семьёй в жаркие и экзотические уголки планеты? Нет, конечно. Не имеют такой возможности. За исключением некоторых, конечно, – кто всякими правдами и неправдами умеет и привык за счёт государства на мир смотреть...

3

Елин и Воронов были разными людьми и по внешности и по внутреннему содержанию. Но их притягивало друг к другу, как разноименные элементарные частицы, и потому, подружившись в ВПШ, оказавшись жильцами одной и той же комнаты общежития, они продолжали в остальное время между сессиями дружить и на расстоянии. Кто знает, но, обладая диаметрально противоположными качествами, они симпатизировали друг в друге именно этим качествам, бывает и так. Воронову, интеллигентному, начитанному работнику аппарата обкома партии нравились в характере Елина наивная простота, рассуждения уровня рабо-

чего-бетонщика второго разряда, наплевательское отношение к принятым в обществе формам общения и ношения одежды и он даже завидовал в какой-то мере Елину, его лености в учёбе, и всё же умению сдавать экзамены вовремя. Привлекала в Елине и детская откровенность перед ещё не очень знакомым человеком о вещах, которые тогда не слишком было принято обсуждать. Ещё у Елина имелась черта характера, за которую Воронов по-настоящему уважал его как мужик мужика. Он не был жадным для друзей и даже для незнакомых людей, он мог расстаться с последней рубашкой, если приходилось ездить в такси, первым расплачивался за двоих Борис Иванович. В ресторане и кафе он тоже доставал деньги быстрее Воронова. А однажды, во время прогулки по парку имени Горького к ним подошли два подвыпивших мужичка и попросили дать на бутылку водки. Борис Иванович, не раздумывая, засунул руку в карман. Вытащив червонец, выдал им, и, когда обрадованные мужички рванули бегом к торговой точке, улыбнувшись, бросил им вслед:

– Первый тост за Воронова Николая!

Что касается Елина, то Воронов он считал выдающимся партработником с академическими знаниями и всегда ему говорил:

Хотел бы быть таким, как ты, да видимо не из того материала меня скроили. Куда мне, деревенскому парню, за вами, городскими, тягаться?

После окончания ВПШ они оставались друзьями. А через некоторое время пришло известие, что Николай Андреевич Воронов избран первым секретарём Омского обкома партии. Минуло два года, и по рекомендации Воронова, а вернее, по его тихому ходатайству во время очередного семинара перед коллегой из Краснодарского края, Елин был избран первым секретарём райкома.

Прошло еще девять лет. Николай Андреевич Воронов стал секретарем ЦК КПСС, но не забывал своего друга Бориса Ивановича. Именно он, секретарь ЦК партии Воронов, и позвонил ночью Елину и сообщил, что его вызывает к себе Генеральный секретарь партии товарищ Брежнев на конфиденциальную беседу. Николай Андреевич не сказал причину вызова в Москву, заметил только:

Зайдёшь ко мне домой и всё узнаешь, получишь полный инструктаж.

4

По весёлому голосу друга Борис Иванович понял, что его ждёт повышение, но какое конкретно, не мог знать. Он перебирал в уме посты, которые могли ему предложить в Кремле и на Старой площади. Хотелось бы ему вначале, чтобы перевели его в край, на должность второго секретаря крайкома (в это время должность пустовала, поскольку её обладатель покинул бранный мир).

«А вдруг меня назначат первым секретарём крайкома? Ну, понятно, что не назначат, а выберут, что одно и то же при одном только слове из ЦК», – размышлял он, и от этой появившейся приятной мысли защемило где-то близко в груди слева. Он глядел на своих подчинённых, которые докладывали ему по очереди о делах вверенных им участков работы. Они из кожи лезли, чтобы оставить у первого хорошее впечатление, а он почти и не слушал их, о чём эти клерки болтали. Получалось так, что Елина после звонка московского товарища уже не интересовали здешние дела. Они как бы его уже не касались, мысленно он уже витал в кремлевских кабинетах и всячески пытался предугадать, какую же должность предложит ему на сей раз родная и любимая партия, которая – нет-нет, да от времени до времени и вспоминает о своих преданных кадрах. Машинально кивая временами собеседнику, Борис Иванович, опустив голову к бумагам, лежащим на его огромном столе, продолжал мечтать.

«Может, меня пошлют вторым секретарём в какую-нибудь союзную республику?», – раздумывал Елин. – «А может, в аппарат ЦК переведут? Что же лучше – работа в аппарате

ЦК или высокая должность на периферии?», – спрашивал он себя. И сам себе же в следующую минуту отвечал: «Ну чего ж тут сравнивать, какая должность лучше? Уж куда направит партия, туда и пойдёшь! Не будешь ведь отказываться. Всю жизнь мечтал, и вот теперь мечты вроде бы стали сбываться, а ты ещё смеешь выбирать, что хуже, а что лучше».

5

Где-то в середине планерки по внутреннему телефону позвонила секретарша Людмила Борисовна и сообщила, что билет на Москву она заказала, рейс отправляется ровно в тринадцать. Поблагодарив Людмилу Борисовну, Елин прикинул время, необходимое для подготовки и поездки в столицу края и видя, что еле успевает на самолет, тут же прервал совещание и, широко улыбаясь, сообщил, что он вынужден покинуть их общество в связи с вызовом в Москву, в аппарат ЦК КПСС.

Присутствующие, увидев на лице первого добрую улыбку, которая весьма редко играла в его взгляде, поаплодировали своему руководителю стоя, засияв множеством глаз, словно в доме культуры района темной ночью включили множество светильников. Что греха таить, у кое-кого проскользнула на лицах тень удовлетворения, что наконец-то придется расстаться с этим угрюмым, чересчур требовательным и всегда недовольным подчиненными человеком. Кое-кто находил возможность незаметно для окружающих покоситься на широкое кожаное кресло с высокой спинкой, на котором увесисто восседал первый секретарь.

Многие из присутствующих понимали, что в Москву, в ЦК вызывали не на чашку чая, значит быть скоро в райкоме переменам, и потому у некоторых промелькнула мысль, что хозяином этого шикарного кресла станет он. Даже весьма честные партийцы, бросив взгляд на это могущественное в районе кресло, тайно подумали: было бы хорошо, если бы коммунисты района на эту высокую партийную должность избрали его самого, а может быть так и будет?

6

Борис Иванович, поручив второму секретарю вести дальше совещание, покинул свой кабинет. Водитель его служебной «Волги» сидел напротив стола секретарши Людмилы Борисовны. Увидев своего шефа, оба работника встали и начали от души, по-родственному поздравлять Бориса Ивановича, три раза по-христиански поцеловав его в полные красные щёки, про себя же мечтая, что и они, дай Бог, благодаря этому случаю, тоже сменят место работы на какой-нибудь более приличный город, чем эта провинциальная дыра, пыльная станция Павловская.

У них были основания думать так, их связывали с Ел иным почти родственные отношения. И сейчас, не убирая сияющих улыбок с лиц, вместе с первым они направились к выходу. Впереди шёл водитель служебной машины Коля Первухин, а позади Бориса Ивановича плелась, не спеша, но с достоинством, Людмила Борисовна, давая своему шефу последние напутствия и пожелания скорейшего возвращения с приятными известиями...

7

Выйдя из приемной и спускаясь по лестнице вниз, уже вдвоём с водителем, на второй этаж, где совсем недавно, месяца четыре назад, обосновался райком комсомола, Борис Иванович велел Коле пройти к машине и завести её. Сам же по длинному коридору, ворочая озираясь по сторонам, торопливо направился в самый конец, где с левой стороны на дверях была прикреплена табличка с надписью «Секретарь райкома ВЛКСМ Надежда

Владленовна Бойко». Схватив ручку двери, Борис Иванович толкнул полированное дверное полотно вовнутрь.

Надя была на месте, читала внимательно какие-то инструкции. Борис Иванович, окинув взглядом кабинет и убедившись, что никого больше нет, быстренько защелкнул кнопку внутреннего замка. Надя удивленно посмотрела на улыбающееся лицо Елина. Её глаза безмолвно спрашивали: что случилось? Ведь раньше Елин никогда не заходил к ней в кабинет и вообще мало интересовался её служебными делами. Он приблизился, и руки его привычно стиснули её в крепком кольце. Только, когда он её, лёгкую, пытающуюся выскользнуть, оторвав от стула, понёс на руках к стоящему у стены дивану, Надя обречённо закинув голову назад, улыбнулась:

– Ты что? Последний день видимся?

Вызывают меня в Москву, аж к самому Брежневу. На сколько дней расстанемся, неизвестно, а если тебя, любовь моя, не увидаю и дня, всё становится бессмысленным...

Что же ты делаешь, ведь постучат сейчас!

Да постучат и уйдут, – а у самого колотило сердце, в глазах потемнело от ударившего внезапно хмеля. Удивительно, но все последние годы только с ней первый секретарь мог испытывать такое наваждение, и тоже не всегда, а только когда появлялась опасность для его чувства, или видимость её потери, как и сейчас: казалось, что эта встреча – последняя, завершающая...

Любил ли он её всем сердцем, всем разумом, до последней извилины в голове? Мог ли он для неё, во имя этой любви сделать всё такое, чтобы если не всё общество, а хотя бы она была уверена в его настоящих чувствах к ней, – он не знал. Борис Иванович и не задавал себе подобных вопросов. Всё шло само по себе, как и сложилось...

Глава 2. Надежда Владленовна

1

Первый раз он её увидел на конференции райкома комсомола, где она выступала очень бойко от имени комсомольцев районного образования, и запомнил ее надолго. Уж очень подходила к ней её шустрая, оптимистическая, поистине комсомольская фамилия. В тот день, часто поглядывая на нее, высокую, статную, рыжую, со всеми соблазняющими формами, он испытывал непреодолимое желание узнать ее поближе, прикоснуться к ее коротким, соломенного цвета волосам. А если сказать честно, то, чем больше он смотрел на неё, тем больше она притягивала его взгляд своими невидимыми лучами юной красоты. «Хорошо бы подержать её в объятьях», – сразу подумалось ему. А через несколько минут в мозгу уже строились планы не упускать красавицу из поля зрения, найти способы сделать ее своей любовницей. В тот же день, выступая в конце конференции, читая свой доклад, Борис Иванович постарался и сделал всё, чтобы несколько раз упомянуть ее имя, похвалив свою будущую пассию за содержательное деловое выступление. Народу было много, будь его воля, он бы все время говорил о ней, о её красоте, о стройных ногах, о рыже-соломенных волосах, о её высоком, устремлённом из белой просвечивающей блузки своими кончиками прямо вперед, бюсте, – так она впала в сердце молодого партийного работника.

Через два дня представителей райкома пригласили на юбилей школы номер один, и Борис Иванович эту ответственную миссию не переадресовал никому, сам явился вместе с заведующей отделом образования. И тут, сидя в президиуме в актовом зале школы, Борис Иванович, лишь раз направив свой взгляд на молодую учительницу, сидевшую на первом ряду, так и застыл этим взглядом на ней, безотрывно любуясь ее обликом. Лишь иногда, когда произносили его имя, он поворачивал голову и бросал взгляд на человека, хорошо отзывавшегося о первом секретаре. Елину показалось, что и Надя догадалась, что означает пристальный, исполненный неподдельного интереса взгляд первого. Видимо, поняла, почему он смотрит на неё, не отрывая глаз. Вероятно, подумала, что первый, как говорят в таких случаях, положил на неё глаз, и от этой мысли сначала на её щеках появился легкий румянец, и она, чувствуя на себе его упорный взгляд, вынуждена была опустить глаза долу. Но и в таком положении Надя ощущала на себе его внимание, отчего становилось ей с каждой минутой всё более некомфортно.

Борис Иванович среди женского населения в районе как мужчина славился. Высокий стройный, светловолосый, с открытым лицом, к тому же первый человек, первый мужчина в районе, – ну какая женщина при виде его не будет мечтать о таком друге или муже, спутнике жизни? Надя бывала много раз свидетельницей того, как учительницы, собравшись в стайку, обсуждали мужчин и мужские проблемы и с завистью говорили о жене первого Нине Федоровне, сумевшей отхватить такого мужика. Одни достоинства, а недостатков у первого нет, – рассуждали учительницы. А математичка Кира Платоновна, немолодая, но с юмором женщина сказала:

– Такого мужика, как Борис Иванович, в нашем районе я на своём веку не встречала. Поэтому, бабы, не проходите мимо, особенно молодые. А то жизнь бежит быстрее ветра, придёт время, от вашей женской красоты останутся только бескорыстные воспоминания, взглянуть на вас страшно будет, не только мужикам, но и самой на себя.

Тогда все женщины прыснули от смеха, простреливая друг друга блеснувшими от шутки глазами. Но Надя по дальнейшему молчанию присутствующих поняла, что с мнением заслуженной математички согласны фактически – все.

Борис Иванович, к тому же женатый мужчина, был для Нади недостижим, их пути-дороги почти нигде не могли бы пересечься, поэтому никакие виды Надя и не могла на него иметь, когда, случалось, не раз в женском коллективе речь заходила о могущественном молодом секретаре райкома. Теперь, сидя в актовом зале на первом ряду и перехватывая почти беспрерывный взгляд Бориса Ивановича на себе, она ощутила, как что-то дрогнуло у неё слева в груди. Мужчина он, конечно, что надо, только вот женатый. Надежда Владленовна считала, что только вертихвостки могут влюбляться в молодых женатых мужчин. Поэтому, краснея внутренне от пристального взгляда первого и чувствуя, как и снаружи горят порумяневшие щёки, ей очень хотелось отогнать несбыточные мысли. А после перерыва она поменяла место и уселась где-то в задних рядах.

2

Прошло еще два дня, и вдруг её включают в состав делегации, направляющейся на Украину перенимать прогрессивные методы ведения сельского хозяйства. Надя сразу догадалась, чьих рук это дело: её, учительницу английского языка, сельскохозяйственные проблемы волновали не больше, чем хоккей на траве. Она могла отказаться, даже, размышляя о полезности этой поездки, решила не ехать, но сказать вслух не решилась и на вопрос директора школы: «Поедете, Надежда Владленовна?», – ответила утвердительным кивком головы.

Шесть человек во главе с Елиным должны были за три дня объехать всю Донецкую область, везде побывать и везде успеть. Борис Иванович хитроумно разделил свою делегацию на две группы. И таким образом делегация с

Кубани стала уже который раз знакомиться с делами и новостями сельских тружеников Донецкой области.

В группе, где кроме самого Елина и Надежды Бойко, был инструктор сельхозотдела райкома Винченко, родом как раз из этих мест. Борис Иванович дальновидно включил его в своё звено, чтобы он после рабочего дня отпросился и уехал повидать своих родителей. Борис Иванович знал, что будет именно так, а не иначе, что случалось уже не раз, когда они приезжали на Украину. Винченко в таком случае сразу же приставал к Елину: поедем да поедем к моим родителям, сала настоящего попробуете! Обычно сам первый не поддавался. Но Винченко благосклонно отпускал. Полагал, что и на этот раз будет так, и не ошибся. Винченко насел с давней просьбой, как только они втроём оказались в гостинице райцентра Первомайский, немедленно получил «добро» главы делегации и, довольный, исчез...

3

Оказавшись вдвоём в гостинице, Борис Иванович пригласил Надю в ресторан поужинать. Она не отказалась, хотя отчётливо понимала цель такого внимания со стороны Елина. Просто она была уверена в себе, считала, что посещение ресторана ни к чему её не обязывает и вовсе не означает согласие на какие-то близкие отношения. Но раздумывая об этом, она замечала, как что-то с нею происходит, и когда она об этом думает, некие тёплые, сладостные волны проходят по всему телу, – как бы и что бы ни было, но приятно всё-таки, если на тебя очень серьезно обращает внимание первый секретарь райкома, да к тому же шикарный, классный мужчина, тайная мечта многих женщин района.

В тот день, вернее, вечер в ресторане она ещё не знала, к чему приведёт этот безобидный ужин, что произойдёт именно сегодня то, к чему так стремится подвести их отношения Борис Иванович. Зал наполняли незнакомые

люди, только Борис Иванович, такой внимательный, такой весёлый, весьма галантный и щедрый, сидел напротив неё, понемногу потягивал коньяк и казался прямо-таки родным человеком. Вообще-то Елин любил опрокидывать стаканы залпом, но сегодня он не ставил задачи выпить для души собственной. Нужно было кое-что показать перед этой молодой особой, глядя на которую переворачивается всё внутри, при которой прут наружу все душевные и физические силы, а голова пьянеет и без вина. Что там говорить, так или иначе представляешь её в своих объятиях, и надо с помощью малых доз коньяка поднять главным образом настроение Нади. Поднять до той точки, когда у любого человека, молодого или немолодого, партработника или учительницы, существенно притупляется это противное для свободного мужчины чувство бдительности, когда буксуют все общественные и свои личные ограничители, придуманные какой-то частью общества для того, чтобы другую, менее активную часть общества держать в строгих рамках, но чтобы самой этой, активной части общества, было удобно и уютно.

4

Надя, слушая интересные рассказы Бориса Ивановича о каких-то, неизвестных большому кругу людей сторонах жизни больших политиков (якобы одному Елину они были известны и доступны), понемножечку пригубляя малыми глотками коньяк, замороженно глядела на своего поклонника (что-что, а это уже она поняла давно) и незаметно для себя стала веселее, свободнее в общении с ним и слегка даже развязной. Она стала в наиболее интересных местах заливаться звонким смехом, отчего заставляла других посетителей ресторана поворачивать головы в её сторону. Когда начинала играть музыка, она, подняв на Елина озорные, блестящие глаза, предлагала:

– Может, потанцуем?

Борис Иванович, радуясь в душе, что планы его благополучно претворяются в жизнь, улыбался, согласно кивал и, несвойственно для его массивной фигуры, легко поднимался со своего места. Кружась в паре с ней под популярную тогда мелодию, он всячески старался покрепче держать её в своих объятиях, чтобы бюст её, выпирающий из белой блузки, он мог ощущать на своей груди, и заодно, касаясь подбородком, вдыхать приятный запах её волос. Причем руки Бориса Ивановича не могли спокойно лежать на талии девушки, они всячески не спеша ползали по её спине, умудряясь почему-то успокаиваться именно тогда, когда ложились пониже талии. Тогда Надя, неторопливо откинув голову, поднимала на него глаза и, погрозив пальчиком, сама закидывала свою руку назад и беря его лапищу в хрупкую ладонь, перемещала её в более безопасное, никем не осудимое место. Потом принималась и за вторую заблудшую лапищу Елина.

Долго, почти до самого закрытия, они сидели в ресторане. Елин и Надя то продолжали свой затянувшийся ужин, то выходили в круг со всеми покружиться, попрыгать под новую музыку. Елин был на седьмом небе от радости, не торопился, не нервничал, ибо был уверен в своих расчетах, что Надя, длинноногая, светловолосая, кареглазая, девушка с лебединой шеей и продолговатым лицом, с аккуратным маленьким ртом и таким же аккуратным носом, со словно выточенной из мрамора фигурой, от прикосновения к которой кровь застывает в висках, будет в эту ночь, часом раньше или часом позже, лежать в его крепких и сильных объятиях.

Перед уходом Борис Иванович заказал еще бутылку коньяка и соответствующую закуску, чтобы продолжить начатый, приятный во всех отношениях вечер в номере гостиницы. «На всякий случай надо, вдруг понадобится», – подумал Елин. Поднявшись на свой этаж, он рядом с Надей, уже нетерпеливой походкой, направлялся по устланному красным дорогим ковром коридору, в самый его конец, где напротив друг друга «находились их номера».

Здесь Борис Иванович, увидев, что никого вокруг нет, попытался поцеловать девушку в губы, но она, смеясь, отвернулась, и его губы прошли по её щеке. Но и это было нормально для первого раза. Хотя она и увернулась от поцелуя, но смех её, добрый и ласковый, оставался многообещающим, поэтому Борис Иванович этому неподчинению, этой милой неудаче значения не придал. Так подошли к дверям. Надя, прислонившись, ввиду выпитого коньяка, на секунду к двери, достала из небольшого карманчика синей юбочки ключи от номера. Борис Иванович нахмурился и, словно обидевшись, тоже стал открывать ключом дверь своего номера. «Неужели все мои старания пойдут сегодня насмарку?», – промелькнуло у него в голове, и от этой мысли взбунтовалась вся его мужская гордость. Неужели перед этой длинноногой козочкой ему придётся сдаться, как когда-то, тридцать лет тому назад, когда только что приехал в город и перед девушками робел и краснел, отводя глаза?

5

Да, тогда он под их насмешливыми взглядами сильно пасовал. Много раз вспоминая о своих молодых, юношеских годах, Борис Иванович сам себя презирал за то, что не умел и прямо-таки не мог ухаживать за девушками. Ладно бы, если имел бы неказистую, невзрачную или уродливую внешность. А тут – по высоте как настоящий телеграфный столб, и всеми другими данными Богом не обделён. Девушки прилипали к нему, как мухи к мёду, а он сам, как красная девица, заливался розовой краской, отворачивал голову, забывая все нужные к месту слова, не умея ответить на самые элементарные вопросы. А однажды даже, можно сказать, перед девушкой заснул. Иначе как объяснить, что в ответ на вопрос девушки, откуда он родом, Борис онемел и не мог раскрыть рта, пока товарищ по институту не толкнул его в бок и не привёл в чувство: «Тебя спрашивает вот эта гражданка, откуда ты родом и сколько коров держат твои родители!», – сказал он и залился нахальным смехом вместе со стоящими рядом девушками.

Он вспомнил это и на сей раз. И это воспоминание как бы подхлестнуло его, перевернуло внутри Елина невиданный пласт запасной энергии и, бросив занятие по открыванию своего номера, он с сияющей улыбкой, сделав широкий шаг, оказался рядом с Надей. Она в этот момент как раз вдела ключ в замочную скважину и, забыв повернуть его, носком своей чёрной лакированной туфельки пыталась толкнуть дверь. Понятно, что ей это не удавалось.

Ну-ка, давай-ка я попробую помочь тебе, Надюш! – очень ласково произнёс он.

И от этого доброго сильного голоса Надя, немного повеселевшая от коньяка, встала боком к двери, спиной, покачнувшись, слегка оперлась на косяк, а правой рукой удержалась за локоть Елина. Борис Иванович, радуясь в душе этому доверительному движению, повернул ключ, кулаком толкнул дверь вовнутрь и она, скрипя, открылась в тёмное пространство комнаты.

Пожалуйста, Надежда Владленовна, можете войти в свое жилище! – со всей широтой улыбки Елин демонстративно показал рукой, куда именно ей следует входить.

Спасибо, товарищ первый секретарь, – на мгновенье взглянув на него прищуренными глазами, Надя юркнула в номер.

Борис Иванович, постояв секунду, прямо с порога нащупал на внутренней стене выключатель, щёлкнул им, – и мгновенно помещение ожило от рассыпанного вокруг, хотя и не слишком ярко, экономного света.

Елин не раздумывая вошел в комнату, грубо прихлопнув защёлкнувшуюся дверь. Надя стояла лицом к лицу и смотрела на него вопросительным взглядом. Борис Иванович, как в юношеские годы, восторженными глазами, но уже без румянца на загорелых скулах, смерил девушку с головы до ног и тут же, молча сделав полшага вперёд, подхватил её, словно букет гладиолусов, на свои по-медвежьи огромные ручища. И так же безмолвно, целуя

её лицо, широко раскрытые изумлённые глаза с подкрашенными тушью ресницами, нос, губы и виски с завитками светлых волос, подвигался к кровати, стоявшей слева у окна. Он бережно уложил её на заправленную кровать и, не отрываясь губами от её лица и шеи, не останавливаясь в помыслах, стал расстёгивать блузку, нашел молнию на юбке...

Таким образом всё у них произошло в первый раз. Борис Иванович овладел ею стремительно, и в этом она, к своему собственному удивлению, ни малейшим движением не сопротивилась. И не сказать, чтобы она не понимала, что это может произойти, ведь уже продолжительное время знала, что означает это внимание, и к чему могут привести эти ухаживания. И ещё некоторое время назад, ясно видя, какую определённую цель ставит Елин, отвергала про себя возможность интимной близости. Но когда дело дошло до той самой критической точки, она всё же смолчала, приняла его ласки, мысленно махнув рукой на последствия своего поступка и на несоответствие его общественным правилам. В тот момент Надя и не думала, зачем она поддаётся и идёт на этот шаг. И цель была неясна, и любви, даже влюбленности в первого секретаря тоже не было. А что касается дальнейших их связей, которые могли бы перерасти в сильные и крепкие настоящие чувства, то здесь тоже, как говорят, «бабушка надвое сказала».

6

От Нины Фёдоровны, законной супруги Бориса Ивановича, не так-то просто уйти в сторону насовсем, без того, чтобы она выцарапала глаза обоим, чтобы она обоих не смешила с землёй. У неё князь превратится в грязь, но мужика своего Нина Фёдоровна чужим рукам не доверит, и уж троих дочерей без отца не оставит. «Акула, а не женщина», – говорили про нее женщины, если дело касалось интересов её семейного очага. Да честно говоря, Надя и не делала какие-нибудь далеко идущие ставки на Бориса Ивановича, хотя их отношения с каждым днем становились ближе и теснее. Она чувствовала себя в его широких и сильных объятиях словно в облаках, словно в раю, и это пока для неё было самое главное. Надя видела, что и он, Борис Иванович, в ее обществе чувствует себя комфортно, ищет её взглядом и, как маленький ребенок, которому купили дорогой подарок, сияет от счастья, даже случайно встретившись с ней.

О будущих своих отношениях почти не говорили, разве что Борис Иванович в начальный период их знакомства порой обронял:

– Надо тебя, дорогая моя, поближе ко мне пристроить на работу. Я придумаю что-нибудь. Сообразу, куда можно тебя перетащить.

В результате Надя однажды опомнилась в кресле секретаря ВЛКСМ района. Это было удобно в первую очередь Елину, он мог по желанию пригласить её к себе в любое время, как бы по служебным делам, а фактически для того, чтобы налюбоваться Надеждой Владленовной сколько душе угодно. Вот и сейчас, срочно уезжая в Москву, он не забыл, зашёл попрощаться, но, увидев ее загорелые ноги, длинную шею, не устоял.

Уходя от нее, приводя себя в порядок после внезапной и бурной встречи, глядя в зеркало, что стояло у двери в углу, Борис Иванович, видимо, для того, чтобы рассеять сомнения и тревоги о своей дальнейшей судьбе, возможно, появившиеся в голове девушки в связи с его переездом на новое место работы, растянуто произнес:

Скоро, Надя, сдаётся мне, переедем мы с тобой в другой город, возможно, большой, с широкими чистыми улицами, с театром, с концертными залами и прочими культурными центрами.

А куда, ты уже знаешь, Боря? – спросила Надя, прихорашивая губы с зеркальцем в одной руке и с помадой – в другой.

Ничего не знаю, тёмный мрак. Велели прибыть в Москву, к самому Брежневу – и всё, – серьёзно, с таинственным видом человека, уже одной ногой ступившего в сферы, малоопытные сознанию маленького человека, сидящего в невзрачном здании сельского райкома, сказал Борис Иванович и, сделав шаг в сторону Нади, поцеловал её в алые, только что подкрашенные губы.

Ну, бывай, Надюша. Почешу я, успеть надо к самолёту, – сказал Елин и, развернувшись, торопливо подошёл к двери. Нагнувшись, он приложился правым глазом к замочной скважине и, насколько ему позволяла видимость, обследовал коридор. Людей вблизи не было видно, на той стороне двери не слышалось голосов. Воровато оглядываясь по сторонам, он осторожно открыл дверь, немножко приоткрыл её, высунул голову. Неторопливо через щель двери осмотрел узкий коридорчик, иногда бывающий полон народом, и, убедившись, что всё в порядке, вышел из кабинета секретаря ВЛКСМ Надежды Бойко.

Куда, домой? – спросил водитель Елина, когда тот сел в машину.

Да, да, Коля, нажми на газ, надо переодеться, – с довольным видом скомандовал Елин, кивком головы показывая на дорогу. Чёрная «Волга», недавно переданная краевым начальством за хорошие результаты в уборке урожая, бесшумно напрягаясь и оставляя за собой из глушителя невидимый след, выехала со двора райкома и через несколько минут остановилась у пятиэтажного дома, в котором жил первый секретарь.

Пошли, Коля, поможешь мне собраться, – сказал Борис Иванович, выходя из машины и важно осматриваясь, а юркнув в подъезд, на радостях, как мальчишка, пробежался по бетонным ступеням лестницы на четвёртый этаж, где находилась квартира.

7

Нины Фёдоровны дома не было, она в отпуске отдыхала в санатории, в Геленджике. Поэтому, когда Борис Иванович вошел в квартиру, а за ним и Коля Первухин, Елин сразу открыл дверь в ванную, а Коле велел захватить из платяного шкафа свежую белую рубашку и светлый костюм. Мол, вон он висит с краю за синим баннным халатом, так и сказал Борис Иванович, потому что этот самый халат он надевать не любил, хотя жена то и дело за это пилила, стараясь приучить его к солидности, как обеспеченного человека, который по вечерам обязан облачаться в этот халат и уж потом заниматься своими делами. Однако Борис Иванович любил натягивать на себя, как в давние студенческие годы, тонкие спортивные трико, а сверху, если прохладно в комнате, рубашку-безрукавку. А в жару, в летнее время, бывало, что, занимаясь разными делами, хаживал и голым, будучи один в квартире или при жене.

Коля Первухин быстро нашёл костюм Елина, принёс и повесил его на вешалку в прихожей, напротив двери в ванную, так что Елину после душа, смывающего кубанский пот после нещадного солнечного пекла, оставалось высунуть руку через дверь ванной и забрать свежую одежду.

Чай поставить? – спросил предусмотрительный Первухин, зная, что Борис Иванович в самую жару любит выпить в день несколько стаканов чая, вместо того, чтобы, как все нормальные люди, ублажать себя прохладительными напитками, лимонадами, квасами и им подобными.

Да, да, давай, ставь чайник, Колюхй; – донёлся голос Елина, и на кухне послышался шум воды, заполняющей чайник. Через несколько минут Борис Иванович, с ног до головы в парадной форме, причесанный и с галстуком, болтающимся на шее, вошёл в кухню и сел на табуретку перед только что налитой чашкой чая. Сделав несколько глотков, Елин встал, освободил шею от слишком тесного галстука.

Что-то сегодня не идёт, – сказал он, вытирая свежим носовым платком выступившие от выпитого горячего чая бусинки пота на носу и на лбу. – Ладно, я спущусь вниз, а ты, как допьёшь, закрой дверь и проверь, захлопнулась ли.

Елин, торопливо схватив в прихожей портфель с вещами, направился к двери. Не успел он спуститься вниз, как с четвёртого этажа его уже достал хлопок закрывшейся двери, а затем по ступенькам быстрый топот ног водителя. Так что почти одновременно Борис Иванович и Первухин подошли к машине, стоявшей у подъезда.

Давай, Колька, жми на газ, – садясь в машину, повелел Елин своему водителю, – осталось три часа, мы должны успеть ещё на регистрацию.

Не беспокойтесь, успеем, – уверенно заявил Первухин и щелкнул ключом зажигания. Машина тихо, почти безмолвно заработала, – до аэропорта прокачу с ветерком, – улыбаясь, взглянул Коля на своего хозяина и включил передачу. Машина, словно встрепенувшись, ринулась в направлении главной дороги, а выехав на неё, повернула налево и стрелой помчалась в столицу края...

Глава 3

Иван Елин

1

Боря Елин родился во Владимирской области, в деревне Наумово, что примостилась у северной окраины небольшого городка Александрова. Отец его, Иван Петрович Елин был потомственным крестьянином, всю свою сознательную жизнь работал пастухом на ферме в колхозе. Мать нашего героя, Дарья Силантьевна, трудилась вместе с мужем тоже на ферме, дояркой.

Деревня Наумово в сороковые годы состояла из одной улицы. Дворов по двадцать пять на каждой стороне насчитывалось в то время, когда Иван и Дарья полюбили и решили соединить свои судьбы узами брака. До этого жили по соседству, их дома с террасами смотрели друг на друга, как солдаты при команде «равняйся». Террасы у них были почти без окон, зашитых не досками строгаными, а картоном, обрезками досок, старыми ящичными рейками из-под мыла и так далее: что нашли, тем и прикрылись от прямого ветра, снега и дождя.

Дом у Вани Елина был небольшой, хотя и пятистенок, с огромной русской печью на первой половине бревенчатого жилища. Жил он в родной избе вместе с матерью. А отец его, когда ещё Ваньке было пять лет, однажды в зимний морозный день ушёл в лес за дровами и не вернулся. Неделю всей деревней искали и не нашли мужика, как в воду канул, словно испарился. Как будто вот растаял человек, растворился в лесных чащобах. Очень бедно жили вдвоём с матерью, спасибо отцу, пусть земля ему будет пухом, пятистенок успел поставить. А то как бы и где жили, неизвестно. Братьев у отца было четверо, а жили всем семейством в одной большой горнице, женатые иль неженатые, с детьми или без них; все устраивались на ночлег в этой комнате. Кто был пошустрее, тот в холодную пору поближе к печке пристраивался. Женатым отводили место аж в самом дальнем углу, им-то легче, вдвоём и холод нипочём, пообнимутся как следует, подышат друг на друга, руки-ноги переплетут, не поймёшь, чья и где нога или рука, вот и тепло.

2

Четыре года было Ваньке Елину, а помнил многие картины той совместной жизни в большой и дружной семье деда. Там было весело. Ваньку на руках носили все, кому не лень, всё-таки первый мужчина появился в доме, а так у двоих дядей родились по двое дочерей. Помнил Иван Петрович, как отец его на лошади таскал из лесу вырубленные брёвна и с любовью очищал их от коры, готовил брёвна для будущего дома. За зиму всё и заготовил. А весной, как выглянуло солнце, почернели поля, почки на деревьях стали набухать, поставил и дом, переехал к концу лета. А вот жить в новой просторной избе на троих долго не пришлось, взял Бог душу.

Отец был хорошим трудолюбивым человеком, тихим, скромным, независтливым. Лишний раз на чужой двор глаз не направит, чтобы не подумали о нём чего плохого. А как только кликнут его на помощь, как позовут, так сиял от радости, бегом бежал подставлять плечо. Надо сено разгружать из телеги – зовут отца, надо помочь соседу избу ставить – позовут отца, даже по мелочам соседи звали батю подсоблять: поднять вдвоём мешок с зерном и сыпануть в амбар, постричь овец, что отец умел делать лучше всех в деревне. Не отказывал он никому, потому люди и уважали его и обращались к нему.

Может быть, поэтому, когда и отец ставил свою избу, соседи без приглашения приходили и помогали ему. От отца, по рассказам матери, Ваня унаследовал многое, – его тру-

долюбие, его умение делать многие вещи своими руками и, самое главное, как говаривала мать, – перенял он от отца любовь к земле. Мать рассказывала, что его, как хорошего, умного строителя, хотели забрать в город, сказали – мол, и пожить где дадим и зарплату хорошую назначим, лишь бы Петро перешёл к ним работать, хотя бы лет этак на пять, коли нас всем желания нет. Отец сказал: «Да что вы! Даже никакими меня хоромами не соблазнишь и никакими калачами и кренделями к чужому столу не приманишь. Уж где родился – там и пригодился. Мне ведь надо корову по холке погладить, на заре на пастбище её выгнать, по росе на лугах косою размахнуться и коня за морду потрепать, – всё лучше, чем в городе в подвалах среди тараканов жить».

– Не поменял твой батя свою деревеньку на богатые городские условия жизни, и, может, зря, – вытирая краешком платка чуть заметные слезинки, вспоминала мать. – Пошел бы, – может, и жил бы до сих пор. Вот только – знать, чёрная душа была у этого гостя из города. Много раз ходил к отцу и упрашивал уважить его просьбу и согласиться ехать с ним в город, аж в самую Москву, мать городов Российских. А когда отец наотрез отказался, видать, проклял его, потому и отец недолго прожил. Есть такие люди, сынок, как колдуны, черными магами называются...

Иван тоже, как и отец, всей душой любил деревню, даже в школу в ближний городок Александров напрочь отказывался ходить. Вернее, случилось по-другому. Когда ему исполнилось десять лет, знакомый священник приехал на бричке, захватил его с собой и отвез в школу, посадив за парту вместе с остальными учениками. Но уже со следующего урока Иван сбежал из класса и бегом, напрямик через дворы и огороды, добежал до дома и сказал матери, что больше в школу не пойдёт. Однако этот священник как-то ещё раз приезжал за ним, но увидев его ещё издали, Ваня дал дёру в направлении леса через луг. Потом ещё как-то рано утром, когда мальчик ещё не проснулся, священник вошёл в хату:

– Ну, Пелагея, буди сына, надо, чтобы мальчик хоть закон Божий выучил, а то как же ему жить без грамоты?

Мать захлопотала, Ваню разбудила, а сама побежала в сени за крынкой, чтобы батюшку молоком угостить. Поздоровался Ваня, протирая глаза, вышел на улицу, как бы по нужде, а как хлопнулась за ним дверь, дал стрекача, быстрее зайца пустился в направлении лесочка. Увидела мать, подняла шум, соседей на помощь кликнула, но всё было бесполезно: его и след простыл, вернулся затемно, когда спать ложились.

На этом ученье Ивана Елина закончилось, и начались трудовые будни. Он помогал матери по хозяйству, дядям в работе. Земля была общая. Хотя и отделился Петр, но после его гибели братья не оставляли его семью без куска хлеба, его долю всегда отдавали как положено, несмотря на то, что серьезных работников с его стороны и не было. Но через год пришла на русскую землю революция, большевики захватили власть в Питере. Началась гражданская война, хотя ещё не закончилась первая мировая, в которой завязла Россия.

3

Конечно, размеренную жизнь деревни Наумово война 1914 года нарушила, многих мужиков взяли на войну. Однако большевистская революция и гражданская война перевернула всю крестьянскую жизнь вверх дном. Отобрали большевики земли у крестьян и весь скот, что имелся у них, обобществили, создали коммунистические артели, колхозы, совхозы и прочие коллективные организации.

Была прежде жизнь у крестьянина тяжёлой, несладкой, а стала ещё трудней и невыносимей. Новая власть обирала крестьянина, как липку. Чтобы удержать власть в своих руках, большевики нуждались в деньгах – на вооружение, на обмундирование и на довольствие своей армии. Однако казна была пуста, помещики, капиталисты и купцы защищали свою собственность с оружием в руках, поэтому оставалось отбирать у самого тихого и трудо-

любивого народа, у незащищённого крестьянина. До последнего зерна опустошала новая власть амбары селянина. А когда амбары опустели, новая власть стала натравливать селян друг на друга, придумывала новые ярлыки разным категориям селян, из века живущим по-разному: одни чуть лучше, другие победнее. Хорошо работающих, трудолюбивых, побогаче крестьян называли кулаками, живущих чуть победнее – зажиточными, а самых ленивых и нетрезвых, которые с печки, как Емеля из сказки, не слезали, называли бедняками и самыми сознательными слоями сельского народа. Им, этим беднякам, большевики поручили организовать на селе новую жизнь, новые порядки. И они это делали, как могли и как умели. А уметь – они не умели ничего, кроме как знали, у кого в селе могли быть лишнее ведро картошки, мешок зерна или муки, банка мёда да моток шерсти. Вот с их-то помощью новая власть подбирала на селе последние крохи.

В своей сознательной жизни Ваня Елин был свидетелем и участником этих перемен в деревне, на себе испытал невзгоды в пору установления новых порядков. Десять лет ему было, когда в родной деревне начали создаваться товарищества, прообразы будущих колхозов и совхозов. Пока шла гражданская война, бедняки, не ушедшие на фронт, сообща обрабатывали свои – небольшие наделы. Потом организовали комбеды, коммуны. А уж когда началась коллективизация всей страны, тут же бедняцкие коммуны объединились в колхозы и совхозы.

Вот так двенадцати лет Ваня Елин стал участником исторического события в жизни своей деревни и страны. В доме дяди Михаила, самого младшего брата, который остался жить в доме дедушки, в той самой избе, где он родился, собрались крестьяне. На стол принесли, кто что мог, – простой крестьянской закуски и чистого самогону. На пустом уголке стола сын соседа Филимона – гимназист, нагнувшись над чистым листом бумаги, под перебивчивые советы и подсказки мужиков писал благодарственное письмо вождю Ленину – за то, что он осознал необходимость полного изменения политики по отношению к крестьянству и заменил продрозвёрстку продналогом. День этот в апреле 1921 года крепко запал в память, потому что потом в газетах и по радио подробно рассказывали об этом дне. Даже однажды, в шестидесятых годах, Ивана Петровича Елина пригласили в школу и попросили подробно рассказать школьникам, с каким энтузиазмом крестьяне-земляки поддерживали политику большевиков. И Иван Петрович, конечно, в целях воспитания подрастающего поколения, рассказывал. И конечно же, само это вполне обыденное событие пришлось приукрасить, изобразить восторг при отправке письма самому вождю Ленину, словно был не случайным свидетелем затеи взрослых, а непосредственным участником штурма Зимнего в Петрограде. Сами же крестьяне в тот день знали, что посылают благодарственное письмо властям не по своему замыслу, а по просьбе коммуниста деревни, участника гражданской войны красноармейца Алексея Бутурина, который пришёл с войны без ноги, зато живой. Уважили просьбу земляка, который, несмотря на потерю ноги, метил в начальство. Видел, куда ветер дует и какая ему может быть польза от этого ветра. Ну а на столе светилась бутылка очищенного самогона, возвышаясь с приличной для текущего момента закуской.

С другой стороны, Ваня сам почувствовал результат новой экономической политики, когда у него с матерью в амбаре проявилось зерно. На рынках и ярмарках, в лавках и в торговых рядах стало больше и разнообразнее товару. Мать даже подумывала завести вторую корову. А излишки молока можно было бы продавать на базаре в Александрове. Ведь надо было обзавестись обновками, посудой, крупой разной впрок. А самое главное, мечтали они с матерью купить новый железный плуг, – до того имелась у них деревянная соха, – да борону, их стали вовсе продавать на ярмарках приезжие люди из Мурома, из Кольчугина. Ваня помнил, как радовалась мать, ходила счастливой по деревне и приводила подружек показывать свою новую покупку, обыкновенный топор. Топора не было в доме с тех пор, как отец взял его с собой в лес. Так и исчез топор вместе с отцом. Да ещё два ведра железных она

привезла из города. Так она их долго жалела, не использовала и несколько раз в день смотрела, на месте ли они в проёме за печью, где зимой обычно держали маленьких ягнят и телят.

Но из всего того, что планировала молодая вдова с маленьким сыном, исполнилось очень мало. Топор да два ведра она успела закупить для своего хозяйства. Да одёжную кое-какую обновку себе да сыну. Кое-какую одёжку под его рост и комплекцию, поскольку он, четырнадцатилетний подросток, уже выглядел крепким парнем. Вообще-то Елины в деревне заметно выделялись. Они все были рослые, широкогрудые, светловолосые. Только дядя Михаил среди всех братьев отца Вани был вроде как чужим, непохожим на остальных. Даже две сестры Михаила по росту и цвету лица, волос повторяли породу Елиных. Девки из их породы выгодно отличались полновесными круглыми грудями, длинными полными ногами. Рослые, большезадые, девки елинского рода в деревне были у женихов нарасхват и быстро выскакивали замуж, становясь, ничего не скажешь, добропорядочными жёнами и матерями.

Исключение в роду представлял дядя Михаил, он получился – не поймёшь в кого, походил больше на цыгана, чем на русского русоволосого парня. Ну как же: глаза маленькие, как у китайца, чёрные волосы, яйцевидная голова, нос, правда, русский, как у всех Елиных, а так вообще чужой и ростом выше и худее, словно его в семье морили голодом. Вот неказистый высокий цыган – и точка.

Ваня Елин не подвёл семейную породу, тем более что у всех братьев отца рождались одни девки. Так что только он один среди нового поколения рос мужиком, а значит истинным наследником рода. Девки, что вышли замуж, поменяли фамилии и баста. Давай умножать род своих мужей, а Ваня, родившись, всю жизнь Елиным должен называться, до самой смерти. Может быть, это обстоятельство и помогло матери и сыну выжить в самые тяжёлые и голодные годы после революции в гражданскую войну. Дяди помогали всем, чем могли, почти не отделяя семью погибшего брата от своих семей, чтобы Ванька продолжал род Елиных. Потому, хотя и без главного кормильца, всегда на столе были хлеб и молоко. Особенно хорошо помогла родня в первое время после гибели отца, когда жив был дед. Через год и дед ушёл в лучший мир, но семья оставалась дружной и спаянной. Особенно помогал дядя Алексей, самый красивый и самый умный среди живых родных. Само собой сложилось, что он стал непререкаемым главой елинского рода. Скажет, к примеру, дядя Алексей, что пора засеять поля, те небольшие площади, которыми располагали Елины, – так значит и надо сеять, остальные семьи молча, кивнув головами, шли выполнять его наказ. Скажет, кому помогать, ходить по двору, за скотиной, так беспрекословно и без возражений и идут. Но он был и самым добрым среди родных Ваньки из старшего поколения, часто приходил в избу поговорить и выпить чаю, допоздна засиживаясь в беседах с матерью. Приносил сахарку к чаю, баловал иногда племянника и конфетами.

5

Однажды дядя Алексей вдруг срочно, не попрощавшись с племянником и его матерью, внезапно уехал из деревни. Отчего, почему – как ни спрашивал Ваня об этом мать, она молчала, пожимала плечами и уходила от ответа, переводя разговор на другую тему. Только став повзрослев, он узнал от своих сверстников, почему дядя Алексей устроился на завод в соседнем городке Кольчугино и остался там жить. В деревне секреты долго не держатся и оценку дают всему ясную и жёсткую: сказали вот, что дядя Алексей спутался с Пелагеей, матерью Вани, что соседи застали их двоих в самый неподходящий момент в новом доме, строящемся для одного из братьев. От раскрытой тайны, от срама перед родственниками хороший человек дядя Алексей ушёл из деревни и больше не появлялся.

Его уход послужил причиной россыпи елинского рода. Елины обособились друг от друга. Дяде Михаилу достался главный старый дом с одной большой горницей да пристроенной позже утеплённой террасой, служившей и кухней, и кладовой.

После раздела жизнь Ивана Елина и его матери утяжелилась, хотя пока и не безнадежно. Братья жили теперь не так дружно, общались через силу, нехотя, словно носили за душой какие-то обиды. Иногда дядя Михаил навещался и спрашивал о делах, но помощи толком не оказывал. Он был добр на словесные похвалы, но скуп на скорую поддержку. Приходя в избу, сразу начинал жаловаться на тяжёлые времена, на нехватку в доме того, другого, третьего. Словно оправдывался сам перед собой за своё скупердяйство. «Или боится, что мы чего-нибудь попросим?» – думал про себя после его ухода Иван. Он к тому времени сам умел исполнять все работы по хозяйству: и косить, и сеять, и скотину вести, – всё, чтобы с матерью не остаться голодными.

6

А к тому времени, когда Иван становился единственным и настоящим мужчиной в доме, в стране и в деревне Наумово жизнь понемногу крепла. В домах крестьян появилась невиданная доселе электрическая лампочка Ильича. Удивительное дело – щёлкнул выключателем – и в избе светло, как днём, веселее становилось на душе. А ведь ещё по вечерам, в тёмное время суток появились новые заботы – надо было учиться грамоте, у кого её нет. Вначале всех неграмотных, – а их в Наумове было большинство, – собирали в доме коммуниста Алексея Бутурина. А потом посредине деревни, около старинного развесистого дуба построили небольшую, крытую дранкой, избу, покрашенную по брёвнам в красный цвет, половину её отвели под сельсовет, а вторую под школу. Теперь неграмотные собирались в школе. Учителей в основном привозили на лошадях из Александрова. Учили крестьян арифметике и русской грамматике. Вот теперь можно было пожалеть, что в своё время Иван не захотел учиться. Вначале мать хотела его и сейчас в общую школу определить, но куда там – он отказался наотрез, заявил, что убежит из дома, но не сядет за парту с маленькими. Мать поговорила с учителями и решила: пусть со взрослыми учится грамоте, да и сама вместе с ним стала учиться, поскольку самой грамоты не хватало. Так что лозунг партии и правительства: «Долой неграмотность!» – и мать и сын таким образом поддержали.

Глава 4

Даша Крюкова

1

Со взрослыми Ивану Елину учиться показалось интересней, тем более, что вечерами в школу ходила соседская дочка Дарья Крюкова, на четыре года старше его. Даше шёл восемнадцатый год. Вся она, хотя росту и маленького, вся светилась круглой девичьей полнотой. На её пухлые губы четырнадцатилетнему Ивану хотелось глазеть без устали, вот он всё и делал, чтобы несколько раз в день её повидать. Летом ли, весной ли – её увидеть легко: то на поле, то на дворе своего дома, то на улице, с подругами. Зимой попадалась на глаза редко. Только вот когда выйдет с подругами побаловаться на снегу, попеть частушки и поплясать под гармонь.

Кстати, на неё же, по наблюдениям Ваньки, глаз положил Толя, деревенский гармонист. Толя был парень видный, чернобровый, с правильными чертами лица и ростом почти как Ваня. Но лет гармонисту было намного больше, он был старше Дарьи. Парень был Толя красивый, но очень уж прилипчив к девкам. Поэтому и Дарья его ухаживания и прочие намёки не принимала всерьёз, видела, что он менял свои увлечения часто, да и слышала от подруг обо всех похождениях прославленного гармониста.

Очень Ванька ревновал, когда видел, какими глазами тот смотрел на Дарью. Хотелось ему, чтобы Толика в деревне не было, чтобы, например, забрали его отсюда в армию, на войну, на завод, в конце концов, которых в губернии тогда появлялось всё больше и больше. Иногда ревность доводила его до того, что он мечтал и готов был треснуть Тольку по физиономии. Однако силёнок могло не хватить, да к тому же что это за причина подростку драться со взрослым парнем? Ведь о влюблённости в Дарью знал на белом свете только он один.

Сама же Дарья принимала его просто за рослого мальчика, соседского сына, вот и всё. Правда, иногда она ловила на себе его долгий любопытный взгляд, но относила это на обычный закон природы, когда мальчик превращается в мужчину, что же тут такого, это вполне понятно. Но чтобы четырнадцатилетний мальчуган, вымахавший в верзилу, был влюблён в девушку на выданье, Дарья в мыслях допустить не могла. Хотя при большем внимании и желании можно было кое-какой вывод сделать. Ведь не просто так относился Ванька к ней не по-соседски внимательно, теплее и нежнее, что ли, чем другие соседи, слишком заинтересованно, со стремлением доставить хоть какое-нибудь удовольствие. Спросит Дарья, выйдя на улицу, о чем-нибудь Ваньку, так он на её глазах, как снег на солнышке, сразу тает, и подробно объясняет, не моргая ресницами и не отрывая от неё глаз, и видно стороннему взгляду, что парень хочет потянуть время.

Боковое окно избы Елиных смотрело прямо на окно пятистенки Крюковых. Дарья имела обыкновение расчесывать свои длинные, доходящие до колен волосы, стоя перед окном, вглядываясь в небольшое зеркало, поставленное на подоконник. Ваня любил стоять у своего окна и наблюдать за нею сквозь прозрачную марлеву занавеску. А при хорошей погоде утрами, когда солнечные лучи падали на собственное окно и можно было быть уверенным, что Дарья не сможет нечаянно увидеть его из-за отражения солнечных лучей, Ваня совсем раздвинув занавеску, садился на табуретку, укладывал руки на подоконник и опёршись на них подбородком, с наслаждением наблюдал за движениями Дарьи. Все в ней ему нравилось: и то, как она, расчесав волосы, собирала на макушке в копну и то, как она, вглядываясь в зеркало, проводила пальцами по бровям, поправляя их и прихорашиваясь, как гла-

дила кожу лица и вообще, как говорится, приводила себя в порядок, хотя в восемнадцать лет едва ли что требовалось дополнительно к её естественной девичьей красоте.

2

Однажды Ванька увидел Дарью в костюме Евы. Произошло это в августе, жара стояла невыносимая. Солнце палило без всякой жалости, и такая погода стояла целую неделю. Для сельского жителя в пору сенокоса такая погодка – клад. Сено не портится, почти сразу за косарями бабы и девки становятся его сушить, потом только собирай сено в валки и стога да отвози. Работать в такой жаре подчас неважно, пот с тебя ручьём и зайдёшь в близлежащий лесок, весь мокрый стоишь под деревом. А каково крестьянину весь день работать в открытом поле, на лугу, на покосе, под обжигающим солнцем! Благо ещё, Господь дал пруды и речки.

К полудню шёл день, и косари, и их помощники – женщины и подростки, кто сено убирал, бегом пустились к Дичковскому озеру – окунуться в прохладу. Купались в озере порознь, мужская публика отдельно, женское, особенно девичье население, – в метрах тридцати-сорока пониже в сторону соседнего села Афанасьёво, где начинался и тянулся на доброе расстояние по полукругу берега высокий и густой камышник. Девки в рослых камышах обычно прятались от посторонних глаз и, воровато оглядываясь по сторонам, сделав шаг-другой к воде, плюхались в нее, когда глубина озера позволяла это делать. Ванька плавал хорошо, он мог небольшое это озеро переплывать в длину и ширину с одного берега на другой несколько раз. Прыгнув в воду вместе с остальными, Ванька, загребая длинными руками в толще воды, неожиданно оказался в месте, где с визгом и звонким смехом барахтались в воде голые, в чем мать родила, девки. Ванька, чтобы вдохнуть воздух, иногда останавливался и осторожно, чтобы не быть замеченным, высовывал нос из воды и делал глубокий вдох. В один из таких моментов, когда он подплыл совсем близко к женскому обществу, он поднял голову чуточку над поверхностью воды и увидел со спины обнажённую Дарью, выходящую из озера на берег. Сделав несколько осторожных шагов, Дарья скрылась в камышах, совсем не ведая, что пара глаз соседского сына Ваньки только что провожала её с тайным восторгом. Эти мгновенья, в которые по счастливой случайности довелось лицезреть обнажённую красоту любимой девушки, стали для парня самыми счастливыми и незабываемыми. И ещё долго плавные изгибы её ног, всей фигуры, сверкающей от не успевшей высохнуть влаги, стояла перед глазами Ваньки Елина, где бы он ни находился, на работе, в ликбезе или дома в постели перед сном.

3

Так молча, про себя любил Ванька Елин соседскую дочь Крюковых Дарью Силантьевну, светловолосую, как и он сам, круглолицую, с небольшой родинкой на правой румяной щеке и с очень выразительной фигурой. В шестнадцать лет Ванька превратился в настоящего мужчину, уже и над верхней губой, на подбородке появились настоящие, хотя и ещё жидкие рыжие волоски, ожидавшие бритвы, голос из звонкого мальчишеского превратился в глухой и уверенный. И интерес к женской красоте, к девушкам, к женщинам стал занимать его больше. Наверно, поэтому, как только выдавался свободный час, Ванька бежал к дому Парфёновых, которые жили на самом конце улицы, по тому же ряду, что и Елины, и Крюковы. Красноармеец Андрей Парфенов, молодой ещё, двадцатипятилетний парень, вернулся на родину без ноги и без одной руки. Он частенько, особенно в тёплые дни, выходил за калитку перед своим домом. Иногда целыми днями сидел на лавочке, прислонившись спиной к своему высокому забору, сделанному из нестроганных досок. Чтобы забыть о своей

беде, Андрей любил рассказывать разные истории, якобы приключившиеся с ним в боях на фронтах гражданской войны, а заодно и приврать. Причем Андрей обладал заметным даром фантазёра. Когда вокруг него собирались парни и мальчишки-подростки, бывший фронтовик не находил ничего лучшего, как рассказывать всякие истории, приключившиеся с ним и с женщинами прифронтовых сёл. Обычно Андрей, завладев вниманием неискушённых зрителей и слушателей, начинал так.

4

– Было это под деревней Охапкино в Брянской губернии. Отряд белогвардейцев прочно удерживал позиции, и никак нам не удавалось захватить это логово врага. Две недели подряд наш прославленный батальон, окружив деревню, не мог и шагу сделать к ней и высидивался в окопах. Как-то вызывает меня красный командир Соколов и спрашивает: «Сможешь ли ты, красноармеец Парфенов, ночью с десятком бойцов незаметно войти в деревню и обследовать, сколько их там, мать их за ногу, закопалось и какие у них силы против нашего правого революционного дела?». «Могу, товарищ командир, посылай меня», докладываю я. Он у нас мужик сурьёзный, с пышными черными усами, посмотрел на меня так строго и кивнул головой: «Иди, красноармеец Парфёнов, выручай наш отряд, спасай от позора, а то сидим сиднем уже две недели у этой деревни, даром харчи жуем, а взять пять десятков домов не можем. Отбери ребят, и как стемнеет, давай по берегу речки и шлепай». А речка эта рядом с деревней протекала, в низинке, а сама деревня стояла над нею, на бугре. В общем, выбрал я себе десять подходящих товарищей, которые, как и я, за революционное дело готовы были и в огонь, и в воду, не боялись ни врагов, ни смерти. И как только на Брянские леса ночь легла, – тёмная, хоть глаз коли, – мы и двинулись в путь, на выполнение важного задания красного командира. Случилось это дело, помнится, в сентябре месяце, бабье лето прошло, наступили прохладные ночи. По-пластунски доползли мы по берегу реки метров этак пятьдесят, остановились, прислушались, – вроде слышны голоса. Иногда вспыхивает огонёк от спички в полуверсте, ну может чуть больше, от нас, а в глухую ночь и огонёк от папирос, если внимательно наблюдать, даже на таком расстоянии заметен. Говорю ребятам, мол, враг охраняет своё логово по всей форме, по суше нам не добратся. Кто готов со мною вместе по воде проплыть незамеченным до ихнего дозора, а там действовать по обстановке? Кто, говорю, боится воды, али болезнь какую за собою знает, те могут идти назад. Да ладно, Андрюха, говорят, чего время зря тянешь, надо по воде, значит, по воде, влазь в реку, мы за тобой. Вот так отвечают мне друзья-красноармейцы. И я при этой поддержке товарищей осторожно, чтобы не поднимать излишнего шума, вошёл в реку. А река Катка там не очень большая, но и не скажешь, что маленькая, шириной примерно метров шесть, а может и восемь, не мерил, не знаю. В общем, посредине река глубокая, Ваньку вон, – он кивал в сторону Елина, – скроет на две головы. Ну, а плавать, вы сами знаете, для меня в любом виде, хоть на спине, хоть боком, хоть как, – пустяковое дело. Когда вошёл в самую глубину, поднял винтовку одной рукой, а другой и гребу. Один раз остановился, оглянулся, думаю, не отстал ли кто, не струсил. Нет, вижу – один за другим, все таким же, как я, манером без шума тянутся за мной. На пути попался у берега большой валун, и остановились у него. Осмотрелись по сторонам, прислушались, вроде не видать и не слышно никого, темень одна. Ну вот, шепчу ребятам, сейчас по одному, сначала я, а за мной и вы все, будем подниматься по склону в деревню, до первой избы. Ползти осторожно, чтобы ни звука от нас. Как только будем у крайней избы, сразу схорониться под заборами или еще в каком подходящем месте. Ну, поползли, значит, мы к деревне. К полуночи моя десятка поднялась к крайним домам и собралась в одном месте, спрятались в яме от сгоревшего амбара, в кустах. Когда последний наш товарищ подполз, говорю: теперь ребята, надо – обследо-

вать каждый дом и запомнить хорошо, кто где что увидит, сколько беляков в каждом доме квартирует, какое оружие при них, лошадей тоже надобно учесть. А ежели силы вражеской в домах мало, и если можно схватить и уничтожить, то обязательно это сделать и без излишнего шума. Разделились на три группы и двинулись. Подошел я со своей группой к небольшому деревянному дому, с хорошим садом. Мы подползли вдоль изгороди кустами к дому и видим в окне свет, вроде бы как от горящей свечи. Я спрятался за большой яблоней и вижу: за столом у окна при свете свечи сидят, вишь, трое беляков и о чем-то разговаривают, часто головы наклоняют над столом. Я приподнялся: оказывается, они разложили на столе карту и рассматривают, пальцами в неё тычут. «Ах ты, контра!» – думаю, – «Это же они против нас, красных бойцов, свои планы строят!». Дал знак ребятам, в несколько секунд мы оказались на крыльце. Потянули дверь – оказалась незапертой, так они себя уверенно здесь держали, что вовсе нас не собирались встречать. Так что мы с ребятами, не будь дураки, в один миг очутились в горнице. А эти трое поначалу и не поняли, кто в них из винтовок-то целится.

А в комнате, кроме этих беляков, оказались еще трое баб, они лежали у стен на кроватях. Двое наших приставили к ним винтовки и велели встать и одеваться, а мы трое наставили свои винтовки на ихних мужей или любовников, не разберёшь, кто кем там приходился.

Двое белогвардейцев, чистенькие выбритые, словно на прогулку с девками собрались, подняли руки кверху, а тот, который был в очках и сидел под прицелом моей винтовки, попытался руку незаметно для меня запустить к кобуре, висевшей сбоку. Слова не сказав, как прикладом дал я ему по башке, бедный враз опустил морду поганую на стол, на эту самую карту.

Дал команду своим – крепко, без шума, связать наших противников, чтобы не смогли дальше помешать нам выполнять задание товарища Соколова. Нашли мои ребята в доме верёвку, засунули кляпы во рты и всех женщин тоже спутали веревками, так что возьмись – мы бы и сами просто так не развязали.

Пошли дальше, и вскоре чисто таким же манером наши две группы, без шума и без единого выстрела, захватили врагов молодой Советской власти. Потом дали условный сигнал нашим основным силам, и через полчаса Соколов со своим отрядом прибыл в деревню. Увидев, какую большую мы провернули работу, он всех нас, прослезившись, расцеловал. Мне лично командир подарил свой наган (правда, я его вскоре потерял) и сказал мне: Андрюха, мол, там белогвардейские сучки, смазливые до опьянения, разрешаю в расход пустить или забрать в личное пользование за твоё революционное геройство. Иди и разбирайся с ними. Прихожу к ним, а они всё в той же избе, – там же, где мы их в плен взяли, но были уже развязаны. Мужиков ихних Соколов допрашивал в штабе, в доме крестьянина-большевика Никиты Волобуева, расстрелянного белыми. Ну, говорю, белогвардейские подстилки, что с вами делать, – расстрелять за то, что против мировой революции и против Красной Армии шли? Или какое-нибудь другое наказание вам назначить? Спрашиваю я и смотрю внимательно на них, приглядываюсь. А у них, вижу, одежда разорвана, и все прелести, как есть, наружу выпирают. Тут и груди, и плечи, и бёдра, даже до самого того места. Да и мордами, смотрю, не обделены, видать, из богатеньких – иначе откуда такая кожа гладкая, да и причёски, или что от них осталось, как у барынек. Как услышали они мой вопрос, – вижу, что не дуры, сразу сами догадались, что их жизнь в моих руках и, бросившись на колени, все трое давай рыдать и голосить: не расстреливай нас, Иванушка! Цыц, говорю, контра! Какой я вам Иванушка? Меня от роду Андрюшкой зовут, а не Ванькой! Крикнул я на них, а сам смотрю на бабские прелести и чувствую, что расстреливать их мне уже не хочется, а желательно было бы их потрогать да погладить. А мне ведь, скажу вам по секрету, женские бёдра всегда нравились, как только гляну, всё в голове идёт кругом, и самогонки, считай, не надо. Но, заметьте, держу себя в руках и наружу со своими мыслями не выставляюсь. А они знай

своё: не расстреливай, мол, нас, Андрюшенька, что хошь с нами делай, только не расстреливай, не знали мы, что они белые были, а так мы за Ленина, за вас мы. Ну, сел я на кровать и соображаю себе: девки наши русские, чего их в расход пускать-то?

Стрелять это бабё не умеет, значит в нас, красных бойцов, стрелять не могли. А что касается – из-за харчей они с врагами нашими, с белыми вожжались, – так это уж судьба их такая подневольная. Природа, видно, так распорядилась, с мужиками вожжаться. Тем более, что мужики-то были русские, не какие-нибудь там немцы.

Подожди-ка, думаю. А если их в нашем отряде оставить? Они ещё молодые, здоровые, пускай помогают, пищу готовят, бойцам одежду стирают, да мало ли работы в отряде для женщин? И бойцов во многих делах освободят! Вот она, думаю, революционная мудрость! Ну-ка, поговорю с командиром, согласится он с моим мнением или нет. А девкам говорю: ладно, раз уж не хотите помирать, пойду просить за вас командира, посоветую ему, чтобы вас живыми в отряде оставил. С кровати-то поднимаюсь, так бабы эти прилипли к моим ногам, целуют сапоги и просят: постарайся, мол, Андрюшенька, спаси нас, ну а мы в долгу не останемся, все мужики тебе будут завидовать. С трудом отцепился я от них и вышел на улицу.

Красный командир Соколов еще вёл допрос с офицерём белогвардейским, как увидел меня из окна, сам вышел на крыльцо мне навстречу и спрашивает: ну, что, мол, революционный герой, красноармеец Парфенов, как решил судьбу помощниц врага, пустил в расход? Я ему и говорю: мол, зачем, товарищ командир, женщин убивать русских, кто же тогда нам детей рожать будет, бойцов мировой революции, если мы своих русских баб будем расстреливать? Давайте, говорю, заставим их служить у нас, под нашим присмотром, пусть искупят свою вину перед мировой революцией, а в отряде им всегда работёнка найдётся. Они, оказывается, за Ленина, только вот не знали, что были с белыми, и в нашу сторону никогда не стреляли.

Командир сразу как бы остолбенел от моего предложения, опустил голову и давай думать. А потом поднимает на меня глаза и говорит: молодец красноармеец Парфенов, у героя и душа должна быть добрая. Согласен, оставь их в живых, но только поручаю их тебе, присмотри за ними и агитрабату проведи, и чтобы ни-ни! – и он даже пальцем мне погрозил. Я, понятно, благодарю командира и – айда к девкам. Роба у меня сияет, наверно, потому что, как только я вхожу в избу, как эти девки кинулись ко мне благодарить: по роже-то моей и узнали, что к чему и что живы остались. Одна у меня гимнастёрку расстёгивает, другая поцелуями осыпает. Мы, кричат, тебе жизнью обязаны, теперь дело за нами. Мне, конечно, приятно, отбиваюсь от них, как могу, да куда там! Они как на меня набросились!.. Ну и пошло у нас дело, поехало!..

И Андрей Парфёнов с ухмылкой рассказывал такие подробности своей боевой революционной жизни, что могли позавидовать самые отъявленные донжуаны и каннибалы женских сердец. А собравшиеся ребята возраста Ваньки Елина с блесками в глазах, с немного подрумянившимися щеками, с раскрытыми ртами слушали полупридуманые, с подвираниями, выбалтываемые Андреем секреты и тайны мужской солдатской жизни и смотрели в рот рассказчику.

5

Ваня частенько ходил слушать Андрея, хотя и понимал, что многое в своём героизме участник гражданской войны приукрашивает, тем более, что выяснялось: Андрей Парфёнов один и тот же случай разным слушателям рассказывал по-разному. Однако после таких рассказов у Ивана целыми сутками не выходила из головы соседка Дарья Крюкова.

Конечно, мог бы Иван, как делали многие, по вечерам прогуливаться в тёмных местах деревни и вдоволь нацеловаться с другими, но он и в мыслях не мог притронуться к губам другой девушки или женщины. Он и жил в мыслях с именем Дарьи. Чем бы ни занимался, где бы Иван ни работал, и даже когда укладывался спать, образ Дарьи проходил перед его глазами и то тревожил, то успокаивал его. Что интересно, – повзрослев, Ваня стал стесняться смотреть в сторону Дарьи, если они случайно встречались на улице или в поле. Он снова, как в четырнадцать лет, искал её глазами, выходил на улицу по вечерам и, устремив взгляд к дому Крюковых, ждал, когда она покажется во дворе. Бывало, Дарья сама приходила к матери Ивана, соседке Пелагее, по каким-либо делам. Встретившись глазами с нею, Ваня Елин выходил на улицу и был спокоен. Но вот незадача: стоило только молодой соседке, посидев с матерью, уйти, как Ване становилось не по себе, охватывали его непонятные тревога и волнение. Думы всякие лезли в голову: а вдруг она сейчас в объятиях, как в скабрёзных рассказах Андрея Парфенова, – у гармониста, или у какого другого ухажёра-ловкача! И уверен он был, что у Дарьи никого всерьёз нет, но всё-таки, когда её не видел, ему являлись на ум всякие немислимые картины. Он уже и по ночам не мог толком спать, допоздна представляя лицо любимой девушки, крепко обнимая её зыбкие плечи, шепча ей на ушко приятные, только им, кажется, двоим понятные слова.

6

Семнадцать лет исполнилась Ваньке Елину, когда вдруг по деревне прошёл слух, что Дарья Крюкова выходит замуж за парня из города Карабанова. Тот работал будто бы на тамошней ткацкой фабрике главным слесарем и, по бабьим сведениям, был очень красивым парнем.

Ваня ходил все эти дни, как сумасшедший, будто подкосили его под самые ноги, будто отняли у него основу жизни. Такой был момент, что опустил он руки, в душе находил полную пустоту. Ничего не понимал и задавал себе странные, никогда прежде не приходившие в голову вопросы: зачем живут люди на земле, кому нужна эта жизнь, которая ставит столько проблем и не решает ни одну? Дома не сиделось, работа не работалась, родная мать, едва молвила словечко, раздражала до невозможности, не хотелось никого видеть и слушать. Ничего ему, Ваньке Елину, на всём свете не было любо. Приходила в голову мысль – уйти из дому, куда глаза глядят, и больше не возвращаться в эти проклятые места, которые отнимали сейчас у него самое дорогое в этой жизни – любовь.

В такие минуты, когда в душе не оставалось ничего, и жизнь казалась бессмысленной, Ваня уходил в близлежащий лес, прогуливаясь между рядами вековых сосен и берез, а над ним успокаивающе звенели птичьи голоса. Иногда он долго задерживался в лесу, в сумерках собирал из мелких веток небольшой костерок, садился около него и, понемногу подкладывая сухой валежник, остановившимся взглядом провожал поднимающиеся вверх языки пламени и трескучие искры. В такие минуты, казалось, ему становилось легче. Возвращался домой поздно.

Глава 5

Свадьба в Наумове

1

Как-то в один из таких вечеров Иван услышал неподалёку голос Дарьи. Она громким призывным голосом кликала свою корову, отставшую, как видно, от стада и не пришедшую вовремя во двор. Не успел Иван прошагать навстречу голосу и десяток метров, как они почти столкнулись в сумерках. Дарья даже испугалась, когда внезапно перед ней появился этакий верзила, но, узнав Ваньку, обрадовалась. Она улыбнулась и, продолжая двигаться вглубь леса, в сторону огромной поляны, где часто пасли скот, спросила:

Не видел ты, Ваня, здесь нашу Терезу? – а про себя Дарья подумала: что это парень на ночь глядя делает в лесу?

Нет, Даш, не видел, – обрадованно ответил Иван. – Хотя, погоди, – припомнил он, – недалеко от моего костра проходила какая-то живность, я не обратил внимание – корова или лось. Иди за мной, наверно, сейчас твою Терезу найдем, жива, небось.

Иван затрепетал, оказавшись рядом с любимой девушкой. Он ускорил шаг, за ним почти бегом, чтобы не отставать от него, вымахавшего вон в какую фигуру и делающего саженные шаги, семенила и Дарья в приятной надежде найти, наконец дуру корову, не желающую своевременно являться домой и зря беспокоящую хозяев. Иван примерно рассчитал, где теперь может быть бурёнка, если она действительно была той скотинкой, что промелькнула перед ним в лесу, – лоси, кстати, тут, словно домашние, тоже часто гуляют на опушке. И его расчёты оказались верными. Вечерок был светлый, луна в небе, во всей своей красе щедро освещала окрестность. Поэтому и Ивану, и Дарье между стволами сосен и редких отдельных берёз отчётливо было видно, как бурая Тереза умеренным шагом брела по лугу, направляясь в деревню, не забывая на ходу то и дело рывком щипнуть траву.

Вот бродяга. Белого дня ей не хватило! – Дарья проследила взглядом за продвижением коровы и успокоилась, убедившись, что это как есть Тереза, собственной персоной, что искать её или догонять не нужно: сама придёт домой.

Дарья подняла голову к небу, вдохнула посвежевший вечерний лесной воздух и, с новым интересом посмотрев на молодого соседа, удивлённо спросила:

Вань, а ты чего тут один делаешь? Ещё и костёр разжигал! Ты чего – хочешь до утра лес сторожить? От кого и от чего?

Ваня на секунду ошарашен от её, журчащего как ручеёк, – весной, в самую теплынь, из-под таявшего снега, – голоса. Он явственно потерял дар речи, отвёл глаза и только царапал ногтем берёсту на спасительном, оказавшемся рядом берёзовом стволе. Так, постояв ещё с минуту под удивлённым и чуть насмешливым взглядом девушки, Иван мучительно выжал, наконец, из себя почти невозможные для него слова:

Говорят в деревне, ты замуж выходишь за карабановского?

Дарья изумлённо вскинула брови и весело и звонко расхохоталась:

Ва-ань! Чего это тебя моё замужество интересует? Ой! Неужели ты сам в меня влюбился?

2

Она сказала это и насильно, испытующе заглянула в его глаза. Ответив на её настойчивый взгляд, он окончательно потерял голову. Многолетняя тайна его становилась прозрачной и видимой всему миру и из отвлечённой мечты прямо здесь превращалась в явь. Оттого, что

любимая девушка разгадала его тайные мысли, его бросило в жар, он почувствовал, как под рубашкой взмок от никогда не испытываемого прежде неудобного положения. Но с другой стороны, ему стало как-то легче, очевидно оттого, что Дарья узнала о его влюблённости. И отступать, выходило, некуда.

Он подумал, встретив её насмешливый взгляд, что она смеётся над ним, потому что ей двадцать один, а ему семнадцать. Где это видано, чтобы взрослые девки мальчишек уважали? Но именно это вдруг пробудило в нём дерзкую настойчивость и уверенность, которые подсказывал ему внутренний голос: а где это видано, чтобы парню в семнадцать лет запрещали любить понравившуюся ему девушку? Разве есть такие законы и правила?

И он, медленно поворачивая голову к ней, глядя прямо в её насмешливые глаза, негромко произнёс:

Да, правда, Даш, я люблю тебя. И знаешь, уже несколько лет.

И, уже несколько осмелев от своих сказанных слов, увидев, как сразу посерьёзнело лицо Дарьи, Иван высказал и остальное:

Ты знаешь, я тебя никому не отдам, ни карабановским, ни кольчугинским, я сегодня на тебе женюсь!

Сказав это, Иван уже, как в омут, в пылу нахлынувших чувств ринулся к ней, обнял её за плечи и неловко поцеловал в разгорячённую необычным разговором щёку.

3

В сумерках ещё нетрудно было заметить, как окаменела Дарья от внезапности событий, как вспыхнула в лице от неожиданного, но куда как искреннего-признания. В деревне ведь такие слова произносятся нечасто. И могла ли не заметить и не оценить их или высмеять обидной шуткой порядочная деревенская девушка, знающая соседа с самых ранних детских лет?

Да, откровенные слова юного соседа не прошли незамеченными для Дарьи, впервые узнавшей о тайной любви, подраставшей за плетнём родительского огорода. По её телу прошёл лёгкий приятный озноб, которого она прежде не испытывала, как будто посетило её странное, пророческое предчувствие о неизбежности дальнейших событий. Тёплая незнакомая волна качнула её сердце и заставила ощутить себя радостной и счастливой. Какие струны её девичьего сердца взволновались от светлых и искренних слов парня и вмиг заставили её серьёзней и в то же время нежнее относиться к Ваньке, к простому соседскому парнишке, вымахавшему не по годам в великана и уже несколько лет молча, про себя, любившего её?

Помимо своей воли она не стала сопротивляться его полудетскому невинному поцелую. Внезапно и в ней вспыхнуло то новое, ответное чувство, которое толкнуло её в его объятия. Еще не зная зачем, но руки её вдруг обхватили парня, касаясь его лица, обжигая его невиданной доселе радостью жизни.

Осмелев, Иван нежно касался губами девичьих рук, потом, заглянув сбоку, поцеловал почти в затылок, в шею и, уже видя, что Дарья не отвергает его, взял её лицо в ладони и стал целовать её улыбающиеся губы.

Но ты совсем мальчишка, Ванюша, – мягко подставляя губы для поцелуя, тихо говорила Даша, – что скажут люди, если узнают!

Пусть говорят, что хотят. Устанут и перестанут, – отвечал он, лишь на миг отрываясь от неё и только сильнее притягивая её к себе за плечи.

Но тебе ещё служить надо в Красной Армии, Ванюша. Ты там, в далёких краях, встретишь молодых, городских барышень, забудешь про меня, влюбишься в новую. У тебя всё это впереди. А я зачем тогда нужна тебе буду, старая? Ты красивый, видный, сильный, девушки табунами будут ходить за тобой!..

Она вдруг отстранилась, оставив ему только свои руки.

Да нет, Даша, – отвечал он. – Я тебя так крепко люблю, что никакая другая девчонка и моложе не нужна мне. Я даже на всех наших наумовских не могу смотреть, когда ты есть. А если и смотрю, то только тебя вижу, правда! Ну а если про армию... Мы же с тобой поженемся сейчас, до армии. А ты ведь подождёшь, я буду приезжать в отпуск, все ведь приезжают. Давай, я сегодня же мать пришлю, будем считать, что сосватает!

Дарья расхохоталась так, что отозвалось и зазвенело в другом конце темнеющей поляны. Обвив его руками, она теперь сама подтянулась к его губам. Ростом она заметно уступала ему, поэтому приходилось ей встать на цыпочки. Но зато и Иван догадался сверху податься навстречу её губам, и надолго прислонить её к берёзовому стволу...

4

Да, дорогой читатель, так неожиданно получилось, что и Дарья мгновенно влюбилась в своего соседа Ваньку Елина. Вышло так, что в один момент жизнь обернулась для неё другой, новой и яркой стороной. Кто бы мог предугадать, что и для Ивана Елина Дарья Крюкова станет осуществимой мечтой, самой прекрасной женщиной на свете, ради которой можно свернуть горы и поворотить реки вспять!

Ну так как же, Дарьюшка, присылать мамку? – снова повторил Иван, заглядывая ей в глаза и уже чувствуя себя намного свободнее, чем до встречи.

Нет, нет, Ваня, рано пока. Потом я тебе скажу.

А чего ж потом? – Иван посмотрел за её плечо и добавил, кажется, лишнее, но не смог удержаться. – Ждёшь слесаря из Карабанова?

Освободив руки, Дарья отвернулась, очевидно, слегка обидевшись на его слова. Но потом, подумав, успокоительным тоном сказала:

Да никакого слесаря нету. Просто приезжал племянник Давыдыча, ну, знаешь Клюевых. Заходили к отцу моему. О чем-то там говорили, потом меня пригласили и спрашивают: не хочу ли на фабрике в Карабанове поработать. На фабрике, мол, лучше работать, чем в поле. Летом жара, а ты в тени, да и в дождь над тобой крыша, да и зимой в тепле. Мол, специальность получишь ткачихи. В общем, агитировал меня для работы. Я уж и не знаю, кто распустил слух, что я замуж собираюсь...

Иван обрадовался, ведь он всерьёз маялся ревностью к этому чужому невидимому, а потому ещё более вредному слесарю, который имел наглость покушаться на руку наумовской девушки. Уж казался ему этот слесарь, собиравшийся увозить к себе Дарью, таким кудрявым красавцем, белокурый и статным, обязательно с большими деньгами. И как его только мысленно ни называл Иван! И нахалом, и буржуем, и вором чужих невест. Даже замышлял, что при его ближайшем приезде встретит в сумерках и пришибёт недавно купленным топором: вот, мол, тебе, не ходи по чужим сениям, не соблазняй наших девушек! Но тут же сознавал, что убить никак не решится, грех это смертный, поросёнка в деревне зарезать не смел, а тут живого человека! Да ведь тогда навек прости-прощай и Дарья! А теперь, услышав от Даши успокоительные слова, Иван взлетел в мыслях, словно на крыльях.

Теперь не надо и деревенских парней подговаривать, чтобы колами мнимого жениха у околицы изметелили, и легко-то на душе и свободно как! Карабановский слесарь теперь показался мирным, дружелюбным парнем, который заботится о своём государстве, поднимает экономику всей губернии, начал на всех чужих невест, печётся о новых рабочих кадрах на своей фабрике. И Дарья-то для Ивана через минуту стала теперь ещё красивее, ещё желаннее. Ну нате вам, держите карман шире, карабановские и кольчугинские слесаря, так вот она и бросилась вам на шею, наше вам с кисточкой!

А чего же ты, Дарьюшка, не захотела в Карабаново перебираться? Там ведь рабочие даже деньги получают и жить где дают, неплохо, говорят, там устраиваются?

А мне уезжать-то из деревни не хочется. В городе жить не смогу, бывала там, знаю. Там все ходят, как очумелые, друг друга не знают, не здороваются даже. Да и шумно. То ли дело у нас в деревне. У нас вот за огородом соловей каждую весну поёт. А в городе соловей поёт разве? У нас от одной тишины душа радуется. Выйдешь с крыльца – слышишь только, как корова мычит да как петух поёт. Ничто тебе в уши не грохочет, никто тебе на ноги не наступает. Сами по себе живём, правда ведь? А на жизнь себе и без города заработаем. Разве не правда?

Это конечно, – степенно склонив голову, отвечал Иван. Он, прислонившись плечом к берёзе, со светящейся улыбкой смотрел, не мог наглядеться на Дашу и смиренно слушал её всё так же, как в начале встречи, журчащую, как ручеек, певучую речь. Когда их взгляды встретились, он заключил её в кольцо рук и привлёк к себе, да и Даша, молча положив голову ему на грудь, прижалась к нему всем телом. Необъяснимое чувство охватило его от её прикосновения. Мурашки пошли по телу и тут же всё успокоилось в нём, стало удивительно тепло и хорошо. Хотелось вот так стоять с нею день и ночь, вдыхать запах её волос, ощущать лицом невидимые лучи её красоты и молчать, молчать в этом густеющем, но разбавляемом лунным светом сумраке.

5

Постояв некоторое время в обнимку, забыв о времени, о доме, они очнулись, подошли к костру и погасили все тлеющие угли. Взявшись за руки, побрели в сторону деревни.

Сейчас, когда приду домой, – произнёс Ваня на ходу, поворачивая голову к Даше, – скажу маме, что был с тобой и попрошу сейчас же сосватать тебя за меня. А чего ждать, Даш, я ведь самостоятельный. Поженимся – и всё.

Дарья улыбнулась.

А ты меня и правда любишь, Ванюша? – Она спросила это, вдруг остановясь. Повернулась лицом к нему и с озорством глядела прямо ему в глаза.

Да, да, очень... Ты моя первая, ты моя единственная, Дашенька!

И он, обхватив её за бёдра, сдвигая по телу ситцевое платье, высоко поднял её в воздух и стал кружиться, осыпая её обнажённые плечи поцелуями.

И она уже ничего не сказала. А только, положив руки на его плечи, смотрела ему в глаза, и видела в них его нежность, какую не увидишь так просто в угловатом деревенском парне. И вспомнилось, как в последние месяцы он при встрече отворачивался и краснел, словно девица. А разминувшись, на некоторое время остолбеневал или осторожно поворачивался вслед, провожая взглядом.

А сейчас он взял её на руки и, прощаясь, спросил:

Завтра, как стемнеет, придёшь сюда, Дарьюшка?

Приду, чего же! Думаешь, боюсь? – отвечала она, звонко рассмеявшись...

6

В тот же вечер Иван сообщил матери, что давно любил Дарью, дочку соседей Крюковых. И оказалось, мол, что и она к нему равнодушна, а потому решили они пожениться. Мать ахнула и застыла на месте. И долго не могла взять в толк, что происходит. Когда же вошла в разум, стала наедине сама с собой соображать. Как же это? Сын ещё как следует мужчиной не стал, с девками ещё не гулял, а говорит о женитьбе, как будто решил окончательно и бесповоротно. Это что же такое выходит, и совет матери уже не нужен?

Ей хотелось видеть Ивана трактористом. В деревне давно ходило известие, что скоро на полях появится железный конь на четырёх колёсах, сена и овса не просит, сам идёт, только руль поворачивай. Парней молодых собирались этому делу учить. Так Пелагея рассчитывала Ивана в ученье пристроить, чтобы профессию хорошую получил. Да вот и в ликбезе учительница Анастасия Петровна рассказывала, мол, товарищ Ленин хочет, чтобы все тяжёлые работы в России делали машины и электричество, а люди стояли бы рядом и смотрели. Так что же выходит – её сын, вместо того, чтобы трактор освоить, жениться собрался? Да и Дарья эта, наверно, так уж сказала, чтобы отвязаться, а он, дурачок такой, поверил ей по простоте и неопытности. Зачем он ей нужен-то? Девушка она – на выданье, даже задержалась малость. Чего в девках-то сидеть, вышла бы замуж, да детей народила, не морочила бы парню голову.

Сидела Пелагея и молча смотрела на Ивана, сидящего за столом и хлебавшего деревянной ложкой свою любимую еду – молоко с крошеным хлебом. Вот уже и съел и облизал ложку. А мать всё сидит – ив одну точку.

Да как же это так, Ванюша, – не выдержала, – не рано ли тебе о женитьбе думать? Успеешь, скоро в армию заберут. Отслужил бы, а потом уж...

Я без неё не могу, мам, – перебил Иван, – а служба в Красной Армии не помеха. Уйду служить, так она ведь здесь, рядом останется, ждать будет. Чего тут такого?..

И теперь уже Иван с Дарьей стали встречаться открыто, не прячась от всей деревни. Пришла она, пришла на следующий вечер туда же, на место первого свидания, как и обещала. И незакатным лунным сиянием стали светиться вечера их любви.

А на двенадцатый вечер прокатилась над ними по небосклону круглая луна, посыпались звёзды небесные в бездонные глаза Дарьи и закружило её и Ивана единой горячей головокружительной волной, и сосны с берёзами заплясали вокруг них в сумраке несусветный танец...

Ты моя жена, Дашенька, правда? – молвил в тот вечер Иван, когда они, не таясь от соседей, расставались перед окнами своих домов. Она в ответ только молча прижалась к нему и отпрянула, повернувшись к дому и уходя неслышно за калитку...

7

Дарья жила в своём доме вместе с отцом. Силантий, схоронив жену, стал совсем слаб. В Наумове он прежде славился самой лучшей самогонкой, которую надо было уметь пить. С нею нужно было справляться и ему самому. Но самогонка оказалась настырнее и сильнее. И хотя и крепкий организм наблюдался у Силантия, но неумеренные пробы, боли в боку сделали своё дело и превратили его в глубокого старика с желтым цветом лица. Он уже и помочь своей дочери по дому ничего не мог, хорошо ещё, что дом собственный своим присутствием сторожил.

Дом и всё хозяйство, стало быть, полностью лежали на плечах Дарьи. Потому и некого было ей спрашиваться в собственном доме о собственной судьбе. Но спросил как-то отец:

А чего это Ванька, Петров сын, зачастил к нам, не скажешь, дочка?

Жених он мой, папа, потому и ходит к нам, – отвечала Дарья, радуясь, что отец ещё интересуется таким делом.

Ну что ж, хороший парень, хороший. Вон какой вымахал, под самый потолок. Дай то Бог...

В деревне их счастливые лица восприняли с подозрением. То, что они ходили под руку по деревне, вроде бы не особенно удивляло. Но вот разница в возрасте особенно взволновала бабью общественность. Вот и получилось, что во всём винили старшую, Дарью. А жалели, конечно, бедного несчастного Ивана, мальчишку, Пелагеина сына...

Ой, ой, ой, Пелагеюшка, что ж ты сыну не скажешь слово материнское? Как же это можно – по всей деревне ходят, пред всеми голубят друг друга, где это видано? А Дарья-то, Дарья-то! Давно замуж пора, а с младенцем связалась! Вот бесстыдница!

Вначале и Пелагея в душе надеялась, что эти разговоры в деревне смогут подействовать на сына отрезвляюще. А спрашивать, была ли у них греховная близость, Пелагея не решалась, никак для этого пересилить себя не могла. Хотя потом уж, вместе со всей деревней, считай, догадалась. Молча слушала бабьи наговоры и пожимала плечами, – мол, бессильна повлиять на сына, всё, что нужно, сыну сказала. Но через некоторое время, привыкнув видеть молодых вдвоём и вроде бы так хорошо подходящих друг к другу, встала на сторону сына и начала решительно возражать:

– И молчи, Митрофановна, чего попусту склонять Ваньку. Ну и на здоровье, пускай ходят. Вот увидишь, хорошей женой будет дочь Силантьева для моего Ванюшки.

Бабам пришлось на ходу перестраиваться, менять тему и разочарованно уходить от разговора...

8

Прошло время, в деревне привыкли к необычной паре. А успокоилось всё через несколько месяцев, когда уже никто слова плохого о них не поминал и когда вся деревня гуляла на свадьбе Ивана Елина и Дарьи Крюковой.

В день свадьбы Ивану исполнилось восемнадцать лет. И он выглядел настоящим женихом. Постриженный, в белой рубашке с вышивкой по воротнику, в новых хромовых сапогах. Вот уж жених как жених! А нарумяненная Дарья вся сияла в белом платье. И голубые глаза её блестели уже не девичьим, а по-бабьи уверенным счастьем...

Свадьба проходила, как и положено – весело и шумно. В Наумове не принято было специально приглашать гостей. Всем было понятно, что в первую очередь обязаны придти на свадьбу родственники жениха и невесты, и ближние и дальние. А уж остальные одноклассники сами выбирали свой жребий – кто приходил по уважению, кто по любопытству, а кто выпить и закусить на дармовщинку. Но каждого гостя по своей категории поди, попробуй, отличи!.. Много пили, веселились, пели, плясали. Кричали молодым: «Горько!». Всё, казалось, проходило хорошо.

Правда, в душе невесты гнездилась тяжёлая тревога. Но Дарья не подавала виду, казалась всем радостной и радушной молодой хозяйкой в своём новом доме. А причина тревоги у невесты находилась по соседству, в её родной избе, где её собственный отец прямо в день, когда всё приготовилось к свадьбе, окончательно слёг с отнявшимся языком. Около него сидели две старушки из дальних родственниц Дарьи, пришедшие по её просьбе, обеспеченные едой и чаепитием во славу жениха и невесты. Они терпеливо ожидали, когда наступит последний вздох того, с кем ещё гуляли по деревне в молодые годы...

Поэтому и не стоило удивляться, что невеста иногда, после очередного «горько!» поднималась из-за стола и, выйдя из Ивановой избы, посещала собственную. Дочь есть дочь, жалость к уходящему отцу то и дело закрывала ей радость счастливого события.

К концу дня, когда гости были сильно навеселе, Пелагея, которая тоже часто заглядывала к умирающему новому родственнику, вошла в дверь с потемневшим лицом. Она подошла прямо к гармонисту Толику, в тот самый момент, когда он, разогревшись от самогона, весь впаялся в свою издававшую виды гармошку, извлекая из неё всё возможное, лишь бы угодить пляшущим парам. Гармошка резко оборвалась, многим сразу стало понятно, что произошло... Правда, кто-то один, с трудом поднимая голову от стола, обрадовался перемене музыки и заплетающимся языком промолвил:

– Толик, а ну-ка, мою любимую!..

И тут же рухнул обратно на стол.

Но и Толик проникся серьёзностью момента. И все другие уже стали выходить из избы и направлялись в дом Крюковых, где на смертном одре лежал его хозяин Силантий Прокопьевич Крюков. По румяным щекам Дарьи, стоящей у изголовья отца, потоком лились слёзы. Она всхлипывала, но не голосила, а Иван стоял рядом, обняв её, и успокаивал, поглаживая по плечу...

Глава 6

Иван да Дарья

1

Через два дня после свадьбы состоялись похороны.

Ни у Ивана, ни у Дарьи не возникало ощущения, несчастье совершилось по их грехам, по досвадебному нетерпению. Но ведь Силантий и сам готовился к отбытию в вечность, поэтому его кончина не стала ни для кого неожиданностью. Всё совершалось естественно неотвратно, как и положено в человеческом мире. Одно только для Дарьи оставалось неестественным – ранняя смерть родителей и особенно отца, который сам укоротил свои дни. И, как бы то ни было предусмотрено самой жизнью, горе надолго повисло на плечах молодой женщины.

2

Священник из соседнего приходского села Афанасьева отпел Силантия и с терпением проводил от дома до самого кладбища. Что делать – таков православный порядок, хотя в церкви Силантий появлялся от случая к случаю, да и по праздникам не всегда, поскольку подчастую успевал опробовать с утра продукт своей выработки. Но в похоронные часы лучше об этом не вспоминать.

Когда молодые мужики засыпали могилу и начали насыпать холмик, Иван укрепил в ногах тестя деревянный, остро пахнувший свежей сосной крест. Дарья оперлась на него обеими руками и приложила лбом к перекрестью. Слезы сдержать не могла, отец уносил с собой всю её прожитую до сих пор жизнь, и как было ей возвращаться в родной дом, она уже не знала...

Но всё же пришлось хозяйке идти сразу с кладбища, со всеми, на поминки. В избе уже вовсю хозяйничали деревенские помощницы. Они расставили два стола, выносили скромную закуску – что есть, начиная с тушёной картошки и солёных огурцов, и кончая городскими конфетами и пряниками. И не стоило бы описывать всю эту печальную процедуру, что всем знакома, если бы на поминках не случились отдельные подробности, которые ни Дарья, ни Иван долго потом не могли выбросить из головы.

На поминках дядя Иванов – Михаил Елин переусердствовал по части самогона, покойный задолго приготовил достаточное количество этого продукта самолично, поскольку хорошо знал потребности друзей, родных и соседей. И вот Михаил под конец поминок, забыв, по какому случаю сюда пришёл, вдруг поднялся за столом и, держа очередной стакан в руке, заплетающимся языком проговорил:

За Силантия, чтоб ему там счастливо жилось!..

В русской деревне не принято произносить тосты на поминках, – ещё не хватало бы чокнуться стаканами да запеть песни, – и общая неловкость в тишине на несколько секунд завладела всем столом. Тут сидевший рядом с оратором Алексей Бутурин насильно опустил его руку со стаканом на стол, но уже настиг Михаила недовольный и сердитый взгляд старшей дочери покойного – Ольги Силантьевны:

Забыл, что ли, где находишься?..

Гости, покачивающиеся от питья и еды, подходя с сочувственными словами к Дарье, после поминок разбредались по домам. Дарья с Иваном оставались в опустевшей избе, но с ними тут же находились и сёстры – старшая Ольга и средняя Маруся. Пока убрали избу

после гостей, Дарье пришлось сполна выслушать, что думала обо всём Ольга Силантьевна: и при Иване, и когда он выходил на крыльцо.

Ольга не одобряла выбор младшей сестры, даже не приехала на свадьбу. Она, будучи на тринадцать лет старше, видела в браке Дарьи и Ивана пустое баловство.

Погуляет он с тобой и бросит, вот увидишь, – говорила она с укором. – Мужем он тебе не может быть хорошим, что понимает этот мальчишка в нашей тяжёлой жизни? Тем более, что баб сейчас после войны намного больше, чем мужиков. Уйдёт к молоденькой – и ты останешься одна. Не ты первая и не ты последняя. Вот так!

Ольга тараторила без устали и вовсе не собиралась доказывать свои слова. Она строила, словно из пулемёта, упрёки в адрес мужа сестры, всего его рода, вспомнила даже историю его матери Пелагеи и старшего её деверя. А потом перешла и на самый главный, очевидно, самый важный для неё и свежий пример.

Вот ты думаешь, что твой дяденька Мишка случайно сегодня с пьяных глаз поднялся со стаканом? Нет, неспроста. Они, Елины, и раньше отца не любили. Помню, была у них какая-то стычка. Приходил дед твоего, хромым хрыч, разбирался с батей нашим. Отец наш на них был обижен, – помню, говорил, что перепутали они сами своё поле, вспахали моё, ещё меня и обвиняли, зачем, мол, я столб вытащил из межи, – там, говорят, столб стоял, мало ли чего и где стояло, кому-то нужно было – вот и свалили столб, я лично ни к какому столбу не притрагивался. И не надо было по столбу запоминать своё поле-то. А они не верили отцу. Мы, говорят, узнали, Силантий, что это ты сделал, вспаши наше поле или дай свою лошадь, мы вспашем. Отец и лошадь не дал и сам не стал пахать. Сказал – я вас не просил трогать мою землю и не договаривался с вами, сами ошиблись, сами и исправляйте свою ошибку. Так за эти слова нашего отца все Елины не любили. А ты вот взяла – да за ихнего шпанёнка и замуж вышла! Где твоя голова была? Бросят они тебя, Дашка, сама лучше бросай его первая, пока детки не пошли. Потом-то с елинскими то поросятами тебя никто замуж не возьмёт!..

Дарье слушать и не взорваться требовалось большое терпение. Она, отягощённая печалью по отцовской смерти, рассчитывала на какое-то понимание и поддержку со стороны сестёр. А тут вот уже и думать об этом не представлялось возможным. Поэтому в конце концов не выдержала и, глянув на улицу в окно, объявила:

– Ольга, давай собирайся. Вон твой муж уже и лошадь запряг. Собирайся, а то далеко вам чесать, не успеете дотемна. Я с моими делами тут сама управлюсь. И с любовью своей разберусь, не беспокойся.

В это время в избу через окно глянула, ища глазами Ольгу, и средняя сестра Маруся. Она помахала рукой, мол, пора, лошадь готова. Не прощаясь с сестрой, Ольга поднялась с лавки, продолжая бормотать под нос, отчитывая младшую Крюкову. Когда за старшей закрылась дверь, Дарья встала у окна и стала наблюдать, как сёстры с мужьями устраиваются на подводе. Минуту постояв так, вдруг вспомнив что-то, она быстро шагнула в другую половину дома и, собрав со столов немного съестных припасов, сложила их в чистое полотенце и выбежала во двор. Подвода с сёстрами и зятьями уже тронулась. Дарья окликнула их, и они остановились. Все, кроме Ольги, смотрели в её сторону. Когда она, добежав, протянула узелок, Маруся схватила почти на лету, поблагодарила, одновременно наказывая сестре посещать могилу отца. Дарья кивнула – стоит ли разговора, без того знаю, и долго махала рукой, пока подвода не спустилась с деревенской горы вниз, в долину маленькой речки...

Тысяча девятьсот двадцать седьмой год для Ивана и Дарьи Единых стал знаменательным. Конечно в их хозяйственном благополучии никаких изменений не виделось, жили, как все крестьяне, не как богатые, а как малоимущие, малоземельные. У них была лошадь, две коровы, одна из которых та самая Тереза, которую Дарья принесла в хозяйство как приданое. Имелось ещё три овцы и небольшое поле. Да добавилось меньше десятины земли Силантия

Крюкова, которую пока обрабатывал Иван. Об этой земле надо сказать особо, обратившись на несколько месяцев назад, ко времени похорон..

Когда сёстры Дарьи приехали из Ярославской губернии на сороковины по отцу, разговор пошёл об имуществе Силантия, что делать с ним, как поделить между сёстрами корову. По настоянию Маруси, Терезу сразу назначили Дарье, потому что ещё при жизни своей Силантий об этом открыто говорил соседке Митрофановне. А та и сообщила после похорон отца дочерям. Ольга сначала взбунтовалась, и всё время смотрела на среднюю сестру: как она – поддержит или поведёт себя по-другому. Не до конца высказав свою мысль, Маруся сразу остановила старшую сестру, сказав – не может быть, чтобы Митрофановна выдумала завещание отца, как говорит Ольга, по настоянию хитрой Пелагеи, всё равно надо его волю выполнить. Пришлось Ольге сомкнуть губы и рассерженными глазами смотреть по сторонам, успокаиваться. А когда очередь дошла до остального имущества Силантия, а было у него ещё две овцы, изба, конечно, и земля, чуть больше полудесятины, Дарья тут сразу вышла из комнаты – как, мол, хотите, так и решайте. Посоветовались сёстры и решили предложить за отцовский дом Дарье оплатить им немного денег. А за землю отдавать в течение нескольких лет урожаем, за доли их, Ольги и Маруси. Овец же сёстры решили забить на мясо, чтобы отметить годовщину кончины отца.

Дарья отказалась выполнить предложение сестёр, по той простой причине, что у неё не было тех денег, которые они просили у неё. А что касается земли, сказала им, мол, тоже вы неправы. Нужна вам земля, нужен вам дом – вот и оставайтесь здесь. Живите и сажайте, и сейте, что заблагорассудится. Кто же будет вам давать денег за дом и за землю, если, говорят, скоро большевики отберут у крестьян и то, и другое, и будут создавать какие-то коммуны! А что касается дома, нам с Ваней, мол, он не нужен, продавайте, кому хотите.

Подумав и поразмыслив немного, – правда, Ольга постоянно дулась на младшую, старалась не слушать её слов, не вмешивалась в её рассуждения, не обращая никакого внимания ни на её присутствие, ни на её мнение, – согласились, что Ольге и Маруське следует выделить по овце. Годовщину отметить за счёт урожая, полученного с поля, а с домом и землёй повременить пока до лучших времён. Мало ли что случится впереди!..

3

Проводив сестёр, облегчённо вздохнули. После их отъезда Иван и Дарья по ночам спали в отцовском доме Дарьи. А Пелагея оставалась в своей пятистенке. Однако с самого раннего утра сын и невестка весь день находились с Пелагеей. Дарьин дом хорошо подходил для ночёвки. Надо было, чтобы в деревне видели: крюковский дом не пустует, молодожёны ходят туда. К тому же и Дарьино приданое – корову – привязывали на старом месте, поскольку во дворе Елиных места для неё не нашлось...

В июле двадцать седьмого года Дарья родила своего первенца – девочку. Назвали её Еленой, в честь покойной матери Дарьи. Ребёнок родился крупным, и, как утверждали повитуха и старушки-соседки, явился сущей копией своей бабушки.

Иван был на седьмом небе. В душе он всё-таки желал мальчика. Даже был уверен, что будет мальчик. Но, когда ребёнок появился на свет живым и здоровым, своё мнение переменял. Тем более, что деревенские бабы, собравшиеся в доме, обсуждая рождение нового человечка, судачили: если первый ребёнок – девочка, – это даже к лучшему: будет кому помогать матери да и других детей нянчить. «Ну, второй-то уж точно будет мальчик, – снисходительно думал Иван про себя. – Подрастёт, будет помогать мне по хозяйству. Уж везде его работать научу!». Он очень часто, входя в дом, если ребёнок спал, подходил к люльке на цыпочках, и, приоткрыв краешек шали, накинутой на люльку, – от мух и комаров, – долго смотрел, любовался девочкой, угадывая в ней то Дарьины, то свои черты. И если она во сне чмокала

губами или хмурила почти невидимые бровки, он повторял её движения, тихо произнося при этом: «Ох, ох, кушать хотим! Ох, ох, на папочку сердимся!».

По вечерам же и ночам, когда девочка без конца плакала и не давала родителям спокойно спать, Иван недовольно переворачивался с одного бока на другой, и, если не получалось у Дарьи, вставал сам и старался успокоить дочку, расхаживал с нею на руках по избе. А если не помогало, значит, что-то тревожило ребёнка, Иван сердился на жену. Передавал ей ребёнка, приговаривая:

– Вот-вот, что значит не наша порода. Это у неё характер вырабатывается точно как у твоей сестры Ольги. Вечно рот раскрыт и языком мелет почём зря. Мальчик бы так не орал. Ты, Даруня, в следующий раз обязательно постарайся мальчика в капусте найти.

Но через год Дарья Силантьевна снова родила девочку. Назвали её Надеждой. При ЖБНБ Иван не высказывал своего недовольства, но разочарование в душе всё равно сидело. «Да что же это такое, всё себе помощниц рождает, а обо мне совсем не думает, что ли? – рассуждал сам с собой Иван. – Неужели у Елиных только девчонки хорошо получаются? Ну вот у Крюковых всё девчонки. У всех моих дядей девчонки. Но почему у деда моего сразу четверо сыновей? Значит, может быть у Елиных и по-другому, по серьёзному?»

Второй девочке он дал имя сам. Может быть, приходила в его голову надежда на хорошую будущую жизнь?

4

Происходили в это время в деревне большие события. Организовали здесь колхоз имени Свердлова. Кто такой Свердлов, никто в окрестности толком сказать не мог, разве только, что был помощником Ленина и раньше его умер, но раз предложили александровские уездные власти, отказываться было не с руки, колхоз назвали. Так Иван записался одним из первых. Правда, пришлось отдать в колхоз всю живность – и лошадь, и коров всех подчистую, а следом и всё в придачу: телегу, хомут, седло, всю сбрую. Одна лишь радость, что самого назначили в новом колхозе пастухом, и поэтому он всё время мог видеть своих коров, свою лошадь. Кто знает, может быть, в колхозе-то девчонки вырастут и сытую жизнь и своё счастье найдут?

Вроде на первое время надежды Ивана на колхоз оправдывались.

В колхозе работали сообща, весело, и без хлеба вроде бы не оставались. К тому же малютка Наденька помогла отцу получить отсрочку от призыва в Красную Армию. Отца двух маленьких детей не взяли, наверно, думали – надо их, двоих, выкормить, вырастить, чем это не армия? Так, наверно, полагали в государственном начальстве, и таких парней не забирали.

Однако вскоре стало работать в колхозе тяжело. Страна взяла курс на всеобщую коллективизацию. Полным ходом, семимильными шагами шла индустриализация, строилось много фабрик, заводов, электростанций, появились на полях новые железные кони, которые сами вспахивали поля, сеяли, а позже и убирали даже. Но их пока ещё не хватало. Поэтому, чтобы двигалась вперёд страна, требовались деньги, деньги и ещё раз деньги. Может быть, поэтому и из колхозов забирали весь урожай, иной раз не оставляя даже на семена. А на семена, – говорили начальники, – забирайте у тех, у кого земли побольше и кто в колхоз записаться не пожелал. Не записался, – значит буржуй деревенский и кулак, а значит и враг ваш, бедных крестьян и пролетариев. Поэтому нет греха, если силой отберёте у него из амбаров то, что имеет, – из хлева – живность, со двора – инвентарь.

И начались в небольшой деревне события, которые никогда там прежде не происходили, и о которых люди даже подумать не могли, что они могут произойти в их всегда спокойной деревушке. Всех, кто не пожелал вступить в колхоз, объявили кулаками и стали уни-

чтожать, хотя они никого не убили, не зарезали, не ограбили на большой дороге. Забирали всё, что они своим тяжёлым трудом нажили: и живность, и дом, и домашний скарб, даже одежду, в том числе старую и рваную, и со всей семьёй отправляли этакого кулака далеко от родных мест на восток, в Сибирь.

Вот и разделилась небольшая деревня на два лагеря – на кулаков и членов колхоза. И оба эти лагеря вели между собой настоящую войну, только что не на открытом поле шли друг на друга две армии, только что не палили из пушек и не пускали друг против друга конницы.

Здесь шла война по-другому, более изощрённо, ещё гнуснее, ещё безжалостнее и несправедливее, чем настоящая открытая война между двумя воюющими сторонами. Если честно признаться, богатой в деревне Наумово была только одна семья – Никиты Шишкина, из здешних крестьян. Дед Никиты, из здешних крестьян, ещё тридцать лет тому назад выбился в люди, выкупил у разорившегося здешнего помещика часть земельных угодий, в том числе пашенные поля, покосные луга и лесные дачи вблизи деревни Наумово. Кое-какие постройки у него находились и в городе Александрове. Кое-кто из деревенских иногда мог наняться у Никиты и работать на сезонных работах в полевом хозяйстве, на покосе или в лесу. Многим он давал хоть небольшой, но заработок. Однако в восемнадцатом году, когда организовывали комбеды, Никита вместе с его семьёй, жившей в городе, куда-то пропал. Прошло несколько слухов. Одни говорили, что Никиту расстреляли ночью в городской бане у реки, где в то время пустили в расход несколько помещиков. Слух прошёл от работниц, мывших там полы и не удержавших язык за зубами. По другим слухам, уже менее вероятным, Никита с семьёй дёрнул за границу или был сослан в Сибирь.

Ну, с Никитой в этой большевистской кутерьме понятно. Всех эксплуататоров ликвидировали, это ясно. А что тогда сказать о семерых наумовских мужиках, нормальных русских мужиках, которые никогда не нанимали батраков, а вместе со своими семьями от зари до зари трудились на поле, на своих скотных дворах и пастбищах, которые даже в лес на вырубку леса ходили вместе с малыми детьми, уже умеющими держать в руках и тянуть на себя пилу? Вот то-то и оно! В число раскулаченных попал и дядя нашего Ивана, Михаил, который прежде не считался в деревне богатым. Даже, было, письмо Ленину подписал вместе со многими бедняками по совету красноармейца и коммуниста Алексея Бутурина. Алексей же теперь стал председателем нового колхоза имени Свердлова. У Михаила в хозяйстве насчитывалось четыре коровы, три лошади, двадцать хвостов овец. Двор свой он обнёс высоким дощатым забором, за которым под навесом стояли и телега, и выездная двуколка и железный плуг, и бороны. Кроме того, земли у Михаила Елина вместе с покосами считалось пять десятин. Откуда оказалось столько? Старший брат после переезда в город Кольчугино продал младшему почти за бесценок свой надел, ещё чуть больше десятины принадлежали зятям Михаила, которые жили в большом доме Ел иных, где родился Ванька. Правда, когда он родился, дом не был такой большой, но когда дочери повзрослели, стали невестами и вышли замуж, семья стала количеством побольше. Тогда Михаил добавил к существующему строению ещё столько же, поставил просторный хлев для скота, новую баню, да и навесами двор обеспечил. Так что вот это богатство, своими руками устроенное, приходилось на шестеро работников, членов семейства.

Михаил был скуп, лишний раз обедать за стол не садился и даже на своих детей приглядывал, чтобы лишний кусок не проглотили. Он и вразумлял своих домочадцев: «Лишнего не ешь, потому что достаток приходит после тяжёлого и старательного труда, и не расходуй зря добро, коли его собрал». Вот таким рачительным крестьянином был Михаил Елин, мало ел, много работал, потому и нажил кое-какое добро, из-за которого новая власть и зачислила его в кулаки-мироеды.

5

И вот как получилось. Если бы Михаил послушался племянника, работавшего уже в новом колхозе пастухом, и вступил бы в колхоз, отдав, конечно, при этом всю свою живность, то семья и сам остались бы жить в Наумове, быть может, и должность какую потом в колхозе получил. Но дядя не послушался. Это было выше его сил – отдавать нажитое. И в тридцатом году всей семьёй, почти босые и голодные, Елины отправились в холодные суровые края. Туда они загремели вместе с шестью семьями, такими же, как и Михаил, трудолюбивыми и старательными крестьянами, которые мечтали иметь большой просторный дом с аккуратным крепким забором, а не с изгородью из осиновых прутьев, большой чистый двор, навес, под которым можно прятать от дождя и снега нехитрый крестьянский инвентарь. Эти мужики трудились, не покладая рук и сызмальства приучали своих детей к серьёзной работе. В меру пили самогон, но оставались трезвыми. И от души радовались жизни, когда заходили в свой двор, полный упитанного крупного и мелкого скота.

Как-то предколхоза и председатель сельсовета со своими помощниками пришли раскулачивать одного из земляков – Егора Рассохина. У того пятеро детей, да жили с ним в доме свои родители и родители жены. Егор был крупный здоровый мужик, говорили, что как-то раз двух волков задушил в лесу. И вот, когда подошла к деревянным воротам компания мужиков, на лай собаки хозяин вышел с ружьём – сразу догадался, о чём пойдёт речь.

Лексей! – крикнул он непрошеным гостям, – только сделаете к дому шаг, пристрелю. А потом уж – будь что будет!

За спиной хозяина дома уже стояли вышедшие на шум дети, самому старшему было пятнадцать лет.

Не дури, Егорка, отдай пока три коровы, и мы уйдём, – ухмыляясь, произнёс Бутурин, а сам, опасливо глядя на ружьё, осторожно сделал шаг вперёд.

Раздался выстрел, правда, в воздух. Дети, сгрудившись вокруг отца, заплакали и умоляли его не стрелять. Вышли и родители, но не решались приблизиться к сыну и зятю, зная, что нрав у него крутой.

И что-то случилось тут с Бутуриным. _Ведь с Егором они друзья детства. Может быть, пожалел детей, что уцепились за отца и тащили его в дом, то ли вспомнил, как Егорова мать в детстве кормила его только что снятым с пчельника мёдом. Но команда Бутурина отступила и вернулась восвояси.

И всё же это было ещё не всё.

В ту же ночь загорелся наспех сколоченный деревянный коровник на пятьдесят голов, куда поместили всех собранных в колхоз коров. Их удалось, в основном, спасти, но две из них пали от пожара. Новая власть не стала выяснять причины пожара, а запылал-то коровник по неосторожности с огнём члена колхоза сторожа Дмитрия, пьяницы и лентяя, а значит, бедняка. С вечера загрузился сторож самогоном и, закрутив из старой газеты самокрутку, завалился отдохнуть в коровьи ясли. От этой самокрутки и понесло огнём сухое сено. Едва не задохнувшись дымом, сторож сразу протрезвел и, сняв телогрейку, пробовал затушить. Но где уж там, – поздно. Он быстро растворил двое ворот. А ветер только с большей силой подхватил пламя. И пошло полыхать. Прибежавшие люди с трудом успели вывести почти всех коров, а сам скоро дельный коровник сгорел почти дотла.

Из Александрова приехала на лошадях милиция, Дмитрия первым делом спросили:

– Не видел никого ночью вокруг коровника?

Сторож заранее понял, чем грозит дознание. И, зная, что произошло днём во дворе Рассохиных, сдвинув на глаза поношенную зелёную будённовку с красной звездой, почесал в затылке и сообщил:

Да, часа за два до того видел я, как какой-то здоровый мужик прошёл вон у того оврага. Не узнал, хоть луна светила, но не разглядел.

Мужик, говоришь? – посмотрел ему в глаза Алексей Бутурин. – И здоровый, говоришь? А молодой или старый?

Вот не рассмотрел, – отвечал сторож, а сам не поднимал глаз и глядел в землю, – но показалось мне, вот твоих годков, Алексей Филимоныч, Ну, думаю, к Дичковскому озеру идёт ночью рыбу вершей ловить. Ан, оказывается, вот зачем шёл...

Что-то сказал Бутурин на ухо милиционерам, они повернулись к деревне и напрямёнонько направились к дому Рассохиных. Увели Егора в Александров, и больше его в деревне никто не видел и о нём больше никто не слышал...

Через два дня четырёх коров и двух лошадей забрали в общий двор, оставили одну корову семье из десяти человек, где четыре престарелых человека, пятеро детей, да одна трудоспособная – их мать, Егорова Нина Карповна. Это восьмая семья в деревне, которую зачислили во враги Советской власти. Ещё четыре семьи зачислили в зажиточные крестьяне, хорошенько почистив их амбары и подполья.

Вот так и вышло, что вся деревня Наумово в тридцать третьем году полностью перешла в колхоз. Занимались льноводством, сеяли рожь, пшеницу, картофель, на малых площадях ячмень, достаточно сажали картофеля, свёклы на корм скоту. Прочими овощами занимались в колхозе в мизерных количествах, только для своих нужд. Зато на приусадебных участках наумовцы получали обильные урожаи капусты, огурцов, помидоров. В то время дожди почему-то шли, словно по расписанию, наумовцев не обижали, потому-то у крестьян кадки с солёными огурцами и помидорами стояли в подпольях и не выводились до весны, ими даже нередко подкармливали скот. А вот в колхозе дела шли худо. Кроме льна, ничего на полях как следует не росло. На трудодни получалось «По сто – двести граммов зерновых, а этого на жизнь не хватало. Так что жить колхозникам приходилось, полагаясь на свой участок возле дома да на корову и овец, которых, вместо обобществлённых, всё-таки пришлось снова на дворе завести. Однако и тут крестьянина так обкладывали налогами, что впору было завывать. Вторую корову заводите не смей, больше половины удоев отдавай государству. Вот и жди крестьянин, лучших перемен, пока страна поднимется, пока построит могучую промышленность. И вот только тогда жизнь станет слаще малины...

Глава 7

Борькино детство

1

Иван Елин пастухом в колхозе стал заметным. Дарья устроилась в колхоз дояркой, мать Пелагея занималась детьми. Так что семья не оставалась голодной, но на что-нибудь другое средств не хватало, только бы свести концы с концами. В тридцать четвёртом году у Дарьи и Ивана родилась третья девочка. Нарекли её именем бабушки Пелагеи.

А ещё через два года пополнилась семья четвёртым чадом, на сей раз наконец-то мальчиком. По такому случаю Иван не пожалел самогону для всех работников животноводческой фермы, ну и сам как следует угостился, да так, что впервые за всю жизнь – до бесчувствия.

Ну вот, наконец-то Дарья и о муже позаботилась, помощника ему уготовила, да и фамилию Елиных надо как-никак продолжать. Разволновался Иван, даже растерялся поначалу, – какое имя дать новоиспечённому мужику. Всё-таки получил мальчишка имя – Борис. Дело в том, что бабушка настояла: «Брат был у меня, Борисом звали, в русско-японскую войну погиб. Унтер-офицером служил и очень ласковые письма домой писал. Давай назовём маленького его именем». И так жалобно просила Пелагея сына и невестку, что они сдались. Хотя Ивану очень хотелось назвать сынишку Петром, в честь своего пропавшего отца, а у Дарьи на уме лежало имя Силантия, в честь другого деда. Ну ладно, коли так, может быть, ещё другого сына Бог пошлёт.

Мальчик, между прочим, родился слабым, крохотным, с малюсеньким личиком, да и всё остальное не поймёшь что, кожа да кости. Болезненный какой-то.

Не выживет, – сразу отрезала деревенская повитуха. Фельдшерица из Александрова наведывалась в деревню раза два в месяц. Но бабы обращались к местной помощнице при родах.

Однако Пелагея, бабушка дитяти, заявила:

Ты, Ваня, не беспокойся. Не верь всякой старушке. Ты у меня тоже в кулак родился, а вот какой вымахал!

Ладно, – сказал Иван, глядя на малыша, присохшего к обнажённой груди Дарьи, – ну, Борис, тогда борись! Мужик всё-таки! Не хуже других!

Крохотный Бориска рос медленно и мучительно, часто болел, сутками плакал. Вся семья по очереди, включая старшую сестричку, носила его на руках, качала, напевала знаменитые «Баюшки-баю», чтобы ребёнок хотя бы на минуту успокоился, вышел из своего постоянного возбуждённого состояния. Привозил Иван и фельдшерицу, и врача из города. Осматривали они дитя, ощупывали то тут, то там. Рекомендовали кормить в одно и то же время, купать в прохладной воде, давали свои советы и уходили. А маленький Бориска, проводив тётю и дядю, снова принимался за своё. Голосил на весь дом и, если дверь оставалась открытой, то на всю деревню. Соседки, услышав голос ребёнка, поглядывая друг на друга, говорили:

Горластый парень у Дарьи. И петуха не надо.

Да больной же он. Где это видано, чтобы ребёнок так по-дурному, столько времени кричал?

Да, видно, на этом свете не жилец...

Однако через шесть месяцев маленький Борька пошёл на поправку, перестал вдруг плакать часами. Кушать стал – только подавай. Бывало, от души выпавшись после очередного кормления, просыпается с лёгким привизгом и – ручонками к материнной груди. И Дарья –

только успевай расстёгивать пуговицы, а Борька уже ручонками вцепился и, захлопнув глаза, прилип к соску.

2

За считанные недели и месяцы Борька набрал упругое тельце, широкие румяные щёки прямо хотелось ущипнуть, а редкие рыжие волосы на головке послушно ложились в ту сторону, куда любили их укладывать с гребешком старшие сестрички. Превратившийся в такого откормленного бутуза, Борька в девять месяцев от роду стал ходить, а ещё через несколько месяцев стал выговаривать первые слова. В год с небольшим, когда кто-то из соседей спрашивал, как зовут его маму и папу, он, не задумываясь, отвечал: «Сетыле, пять». «А кого – четыре?», – улыбались старшие. «Нет, сетыле, пять», – снова отвечал Борька и отворачивался от назойливого дяди или тёти.

Так и пошло по деревне для Борьки прозвище – «Четыре – пять». Выходят вот Дарья с Борькой на улицу в солнечный ясный день прогуляться. Идущая навстречу женщина поздоровается с Дарьей, а сама норовит ущипнуть Борьку за щёчку и при этом приговаривает: «Ну что, четыре – пять, сосём мамкину титю?». В дальнейшем такие фразы соседей стали приобретать для Борьки особое значение. Дело в том, что по прошествии месяцев мать не могла его отучить от груди. Как-то потребовалось отцу и бабушке остаться в своём доме, а Дарье с дочками следовало пожить несколько дней в своём. Надеялись, что Борька, не видя мать, за это время отучится просить грудь. Но куда там! Прошло только полдня, как Борька поднял в доме такой вой, что в ближайших избах переполошились: не режут ли кого у Елиных? Давали ему коровье и козье молоко – отворачивался. Пришлось и дальше, почитай, до трёх лет кормить мальчишку грудью. Видно, поэтому Борька рос упитанным, не по годам рослым мальчишкой. И стыдили его отец и сёстры: «Бугай такой, к маме за титькой!». А ему «хоть бы что, – захочет молока – тащит мамку за занавеску и требует кофту расстегнуть. Отучился только, когда Дарье пришлось по болезни отправиться на восемь дней в городскую больницу. Возвратилась – Борька сидит за столом и ложкой щи наворачивает...

Иван радовался, глядя на Борьку: «Видно, ростом и силой пошёл сын в меня». Да, только вот что-то больно стеснительным рос Борька, боится и прячется, увидев чужого человека.

Это в дедушку Силантия, – говорила Дарья, – царство ему небесное. Он ведь какой был у нас: не очень любил разговаривать среди народа. Всегда стоял в сторонке и слушал, не вмешивался ни в какие споры.

Ну, в нашем роду тоже особо крикливых-то не было. Вот поговорить – да, – о том, о сём, обо всём, что в государстве делается, что в деревне нашей творится. Про это у нас в доме завсегда говорили. Но вот таких боязливых вроде не было...

3

От кого бы ни получил в наследство Борька свою стеснительность, но характером он всё-таки рос своеобразным, незнакомых людей стеснялся, краснел, отворачивал голову, опускал глаза в землю. Но вот дома со своими сёстрами вёл себя нахально. Он быстро понял, что в семье на особом положении. Стоило одной из сестер притронуться к его надутым, как мяч, щекам, как Борька, вытаращив глаза, садился на корточки и издавал такой визг, что отец или мать, зайдя домой, давали шлепков дочери-виновнице, якобы обидевшей малыша. Поэтому и сестры после наказания сначала старались к нему не подходить, а потом и делали ему что-нибудь назло. Но без сестёр Борька скучал, играть ему больше не с кем. Вот он и подходил к девочкам – и то дёрнет за косички, то утащит куклу – и бежать. Прятался

под столом, под кроватью или за печкой. Приходилось сёстрам лезть за ним в тёмный угол и отдирать куклу от него, что опять же заканчивалось визгом и воем...

Так росли дети Ивана Петровича и Дарьи Силантьевны Елиных. Жила семья, хотя и не с большим достатком, но все были живы и здоровы, в доме звенели звонкие детские голоса. А с ними у Ивана и Дарьи соединялся весь смысл жизни.

Старшие девочки учились хорошо, после четвёртого класса ходили в школу далеко, в город. Учителя постоянно сестёр хвалили. Надюшка шла круглой отличницей. Её даже снимали на фотокарточку, и на стенде «Наши отличники» красовался её портрет с испуганными глазками. У Ленки проявился красивый почерк, от которого приходила в восторг учительница русского языка, поэтому Ленку то и дело забирали в военный комиссариат, где она заполняла важные документы. Проявились у девочки и литературные склонности – уже несколько раз в районной газете «Голос труда» печатали её стихи...

В стране происходили большие изменения к лучшему. В колхозе появились новый трактор, грузовая машина. На трудодни стали получать побольше, иногда выходило и деньгами. Построили в колхозе новую ферму, где работали Дарья и Иван, скота тоже прибыло, так что вся семья, несмотря на сдачу молока государству, чего уж там, не страдала и не оставалась без молока.

Жизнь проходила в тяжёлом, но всегда привычном и понятном труде, освещённом для супругов семейными радостями. Чего ещё нужно было крестьянину? В июне старшая дочь Лена блестяще сдала выпускные экзамены и закончила седьмой класс. Вместе с Дарьей и младшими в радостных хлопотах сочинила красивое ситцевое платье – «солнышком» – на выпускной вечер. И на вечере она в этом платье сияла, радуя и преподавателей и соучеников. А наметила поступать в Александровский педагогический техникум.

Надя перешла в седьмой класс и всё время помогала матери на ферме. А после работы – на грядках в своём огороде, взяв под особое покровительство помидоры и огурцы. Младшая, Поля-Пелагея, старательно помогала по дому – подметала и мыла полы. А между делами готовила портфель, тетрадки и букварь – мечтала и в снах видела, как она пойдёт первого сентября в первый класс Наумовской начальной школы.

Вот и Борьке исполнилось пять лет...

Всё это трудовое счастье и мирные хлопоты враз рухнули в июне тысяча девятьсот сорок первого года.

4

О начале войны сначала узнали мужики, которые двадцать второго июня оказались в городе. Приехали мрачные, и после обеда уже по деревне разнеслось, что заберут всех мужиков на войну. Уже в этот вечер бабы в деревне голосили. Они заранее, больше, чем бодрящиеся мужики, почуяли настоящую, а не игрушечную, беду.

Уже на второй день после выступления Молотова по радио четверо мужиков и парней в деревне, получив призывные повестки, собрали вещевые мешки и пешком, сопровождаемые бабами и детьми, направились в Александров, в военкомат. Городской вокзал наполнился шумным народом.

Сначала среди деревенских мужчин ощущалось спокойное настроение: войну скоро закончим, дай вот срок, разобьём фашиста и вернёмся домой. Когда узнали, что Красная Армия отступает, в разговорах и беседах появилась мужицкая злость: мы эту гадину раздавим, ишь чего, сволочь фашистская, задумала – до Москвы дойти!..

И уже, один перед другим, ожидали повестки, готовились, завершали дела, спешили сено косить, управляться с огородами, чтобы не оставить баб и детей до осени, до победы, без урожая. И повестки приходили каждый день. И каждый день раздавалась по всей деревне

гармонь Толяна-гармониста, – уже женатого мужика с двумя детьми. До тех пор играла гармонь, пока Толян самому не пришла повестка.

Первого июля провожали Ивана Елина. В этот день, кроме него, ещё трое из Наумова уходили на войну. Запрягли лошадь, а Польшку и Борьку оставили с бабкой Пелагеей, которая рыдала неотрывно и, прощаясь, повисла на шее Ивана.

Из военкомата Иван шёл в строю, то и дело забрасывая вещевого мешок за правое плечо. Мужиков и парней было много – человек двести. И всё Иван оглядывался, – Дарья с Леной и Надей ехали позади строя на телеге, а их лошадь почему-то то и дело спотыкалась на булыжной мостовой.

На железнодорожном вокзале негде было яблоку упасть. Здесь над бушующей толпой то и дело раздавались громкие команды сопровождающих командиров, женские вскрики и детский плач – всё вместе. И весь этот шум и гам перемешивался с паровозными гудками и с грохотным стуком и лязгом проходящих мимо поездов.

Дарья, бросив поводья и соскочив с телеги, ринулась с девочками в самую гущу и успела-таки схватить Ивана за плечи и последний раз поцеловать. Потом мужики поднялись по одному в товарный вагон, поданный из Карабановского тупика, и вскоре за ними только курился голубой дым, уходящий вдаль, к Москве...

На обратном пути лошадь еле-еле понуро тащила в гору, и Дарье не хотелось её торопить. Всё, связанное с Иваном, от первого свидания в роще до последнего поцелуя на вокзале, вдруг поднялось в её памяти, застлало густым дымом глаза, и она, сидя на телеге, перед самой деревней, вдруг тяжело охнув, повалилась на спину и потеряла сознание. Очнувшись оттого, что девочки, не останавливая лошадь, с громким плачем встряхивали её, пытались привести в чувство.

– Мама! Маманька!..

Опомнилась уже на крыльце дома, где с нетерпением ждали их возвращения свекровь и Польшка с Борькой.

5

С уходом Ивана на фронт жизнь в семье и во всей деревне с каждым днём тяжелела. Уехавших мужиков надо было заменять. Рабочих рук не хватало. Много в деревне легло на плечи женщин и детей, пригодились и почтенного возраста старики.

Через две недели после проводов Ивана Дарья и две старших дочери Лена и Надя поступили работать на Карабановский текстильный комбинат – предприятие переключилось на военную продукцию. В деревню приходили редко, и то на несколько часов, как получалось. Дома остались на хозяйственных работах сама Пелагея и дети – восьмилетняя Польшка да младший, Борька. К тому же Пелагея умудрялась работать и на колхозной ферме, и, если попросят, на полевых работах. И трудилась, проклиная вместе со всеми подлюгу Гитлера, от зари до зари.

Деревня получала очень скудно на трудодни, еле-еле хватало на еду, но никто не жаловался, деревня не вешала нос. Единой душой стремились приблизить Победу. А она, Победа, вот-вот должна была придти, и вот-вот, как все считали, мужья, сыновья и братья должны были возвратиться, разбив где-нибудь под Смоленском наглых захватчиков-фашистов. Помнилось всем, как быстро получилось на Хасане.

Но проходили дни, недели, миновали месяцы, а война приближалась к Наумову. А вскоре зловещие слухи поползли о том, что сдали Москву, что немцы подходят к Дмитрову. Сначала она пришла в деревню военными повестками, теперь с женскими рыданиями прошла по Наумову похоронными листками, и сразу, в одночасье, стало понятно, какое это всенародное горе – война. Потому-то Дарья и дети её, поравнявшись на улице с почта-

льоном Давыдовной, шарахались от неё, боясь, что она потянется за чем-то в свою сумку из чёрного дерматина. Приходя домой, Дарья сразу вопросительно смотрела на свекровь – не пришло ли что-нибудь с фронта. И приходило, и для семьи на время являлась радость.

Иван был на войне жив и здоров, и писал хорошие добрые письма. В каждом письме утверждал, что до окончательного разгрома фашистов остаётся недолго. Служил он в Сорок девятой стрелковой дивизии, где рядом с ним находилось много народу из Александрова, из окрестных городов и деревень. И когда кто-нибудь писал домой письма, то о своих земляках старались что-нибудь да сообщить. Так что Дарья даже и без писем мужа примерно знала о многих земляках. А главное – это то, что муж жив.

Иван Един не только всячески оберегал собственную жизнь на войне, не лез без нужды в пекло, не поднимал лишней раз голову из окопов при обстреле. Но он оказался храбрым солдатом, воевал во взводе разведчиков и всегда ходил по передовым позициям. На его счету было три взятых в плен немца – «языка» и с десятком подорванных грузовиков с живой силой врага. Так-то вот воюют на фронте Елины! Правда, обо всём в письмах с фронта не напишешь, но между строк понимала Дарья много и из писем Ивана, и из писем его земляков. А вообще-то Иван, зная о чём писать можно, а о чём нельзя, больше всё же писал о том, как скучает по дбму и детям, как снится ему свой двор и вся деревня, просил сняться всей семьёй на фотокарточку и прислать, а также требовал, чтобы Дарья в каждый дом зашла и передала привет от мужа своего, который защищает Родину от фашистских захватчиков. Просил Иван, чтобы и Дарья, и мать, и ребятишки берегли своё здоровье и дожидались его с войны.

6

В сорок третьем году Борька пошёл в первый класс Наумовской начальной школы. Научившись писать, он стал, сначала при письмах матери, а потом и самостоятельно, посылать отцу письма на фронт. Бумаги не хватало, мать писала на кусочках и обрывках, которые находила в доме от старых тетрадей, а то и от довоенных газет, маленький кусочек находился и для Борьки. Просил Борька папку как можно скорее разбить фашистов и немедленно приезжать домой. О том, где работают мать и сёстры, сообщать не полагалось, это был военный секрет (а они в Карабанове шили солдатское обмундирование), а вот о своих делах Борька понемногу рассказывал. О том, как за коровой ухаживает, как навоз убирает и выносит на задворки и в огород. О том, что с Пелагеюшкой уже не дерутся, а дружат, и что она помогает уроки ему делать. О том, что арифметику страсть как не любит, хотя считать и научился. О том, что умерла почтальонша Давыдовна, а вместо неё приносит почту Митрофановна, хотя она тоже очень старая и тоже может умереть. О том, что погиб на фронте то один, то другой отец его деревенских товарищей.

Иван бережно хранил письма жены, каракули и писульки сына, перевязанные шнурком, в своём вещевом мешке и, когда выдавалась минута, читал их ближайшим товарищам. Солдаты с улыбками слушали исповеди Борьки и хвалили его: мол, у тебя, Иван, растёт настоящий помощник.

Всё-таки учиться Борька не любил, наверно, в этом весь пошёл в отца. Ещё в начальных классах вёл себя развязно, много дурачился, доказывал своё нередко и кулаком. Как только начинал спорить с одноклассниками по какому-то поводу, сразу же петушился и лез в драку, после чего оба драчуна возвращались домой с синяками под глазом. Особенно с ним трудно было играть в войну, а это, если выпадало свободное время, была как раз самая главная игра у всех деревенских ребят. Обязательно он должен был играть красного командира, и уж совсем не рядового солдата, тем более никогда не соглашался быть немцем. Конечно, в немцы выбирали самых маленьких, которые возразить не могли. По комплекции перво-

классник Борька вышел рослым, толще всех, его ребята признавали верховодом и слушались его, да и девочки его поддерживали. Так что он, когда ему надо, брал своим гонором. Если было не по нему, он поворачивался и уходил из игры. За ним гуртом тянулись и его сторонники. Видя, что игры не будет из-за паршивого характера Борьки, или Ёлки, как его звали в школе, ребята вынужденно соглашались на его условия. И когда он становился главным командиром, игра шла на полную катушку, пока все вдоволь не наиграются.

Ну а в доме Борька стал настоящим хозяином. Всё почти, что связано с печкой и дровами, легло на него: он помогал привезти сушняк и хворост из лесу, сам пилил и колол дрова. И воду с колодца приносил сам, сколько бы ни нуждалась в воде семья. И за коровой ухаживал, кормил и поил, только доить бабушке доверял... Иван Елин словно в сорочке родился – всю войну прошёл почти невредимым. Только в Австрии, на последнем году войны полоснула его пуля наискось в левую руку. Отлежался в медсанбате. И, как только рука стала сгибаться, снова догнал свою часть и продолжал воевать. Там, в Австрии, и закончил войну.

Только что отцвела сирень, весна заметным жаром переходила в лето. В один из июньских дней по тропинке из города Александрова в горку к деревне Наумово шагал рослый усатый солдат в гимнастёрке и красноармейских сапогах. Пилотка по жаре была заткнута за кожаный ремень, раскатанная шинель лежала на левой руке, а вещевого мешок туго топырился за спиной. Сердце у Ивана Петровича Елина, возвращавшегося с войны, скакало так, что он время от времени останавливался и прижимал его рукой. Когда шёл по деревне, вся мальчишечья и девчоночья мелочь повыскакивала с крылец и пронзительно кричала:

– Борька, Полька! К вам красноармеец идёт!

По случайности в этот день выпало воскресенье, и все Елины находились у себя в огороде. Криков детских они сначала не слышали. А когда Дарья, оторвавшись от грядки, выпрямилась, посмотрела на улицу и увидела красноармейца у самого плетня, она, дико вскрикнув, качнулась и рухнула рядом на грядку. И уже через несколько секунд Иван, сбросив с себя и вещевого мешок, и шинель, подхватил её на руки и понёс на крыльцо, осыпая поцелуями. И тут к нему подбежали все – и Борька, и Полька, и Надя, и приехавшая из Московского педагогического института студентка Лена, и старая мать Пелагея. Все повисли на нём, обнимали и целовали, кто сына, а кто отца.

Вот и радость в дом Елиных пришла, вот и война закончилась. Вот уже и не надо по весне собирать на полях гнилую картошку – остаток осеннего урожая, чтобы прокормиться и не помереть с голоду.

Теперь семье Единых можно было привести себя в порядок. Надюша, окончив среднюю школу, отправилась работать на Карабановскую фабрику, ту самую, на которой работала вместе с сестрой и матерью во время войны. Её собирались послать учиться на мастера веретённого цеха. Елена, два года назад поступившая в Московский педагогический, готовилась к очередным институтским экзаменам. Полька с Борькой на летних каникулах с большой охотой помогали матери, бабушке и теперь отцу во всём, что касалось домашних работ. Семью во время войны, как и многих в деревне, спасал огород. Он, кормилец, в ответ на затраченные труды, подавал осенью и огурцы, и лук, и помидоры, и репу, и даже мак и горох на лакомство ребятишкам. Да вдобавок кормились из лесу: ягоды, грибы и орехи помогали пережить фронтową зиму.

7

Несмотря на завершение войны, советский народ находился в тяжёлых условиях. Последствия войны требовали для своего искоренения ещё не меньше десятилетия. Но это десятилетие стремились сократить до пределов четырёх – пяти лет. В деревне Наумово, казалось, ничего не произошло. Та же посреди деревни поднималась зелёная травка, на кото-

рой ползало, кувыркалось и каталось множество поколений наумовских крестьянских детей. Также тихо шептал листвою могучий двухсотлетний дуб, стоящий рядом с деревянной начальной школой.

Возвратились кое-какие мужики в деревню, но многие остались где-то на западе, на Смоленщине, в Белоруссии и на Украине, да и в чужих землях залегли в братских могилах. Сократилось в деревне количество мужиков, но подросли ребята, не захваченные фронтом. Подростала надежда вдов, не дождавшихся мужей с войны.

А жить народу было трудно. В побеждённую Германию уходили эшелоны хлеба, а в целых областях страны народ голодал. И всё равно славил великого Сталина. Радио в Наумове провели – из тарелки, висящей в простенке между окнами избы, слышались известия. И имя Сталина звенело каждый день. Разве можно было не любить Сталина, разве можно было обижаться на него, даже если за половиной буханки хлеба нужно было идти в Александров и стоять там с карточками в очередях? Ну как же, война ведь жестокая прошла. Слава Богу, победили, так чего ж обижаться-то?

Но вот уже и Сталин умер, плакали все в деревне, ждали огромных перемен. Все сразу заговорили о политике. Перечисляли всех руководителей партии и правительства. Каждое слово по радио и в газетах ловили слёту. Траурная музыка из Колонного зала Дома Союзов все дни слышалась по радио, никто не смел выдёргивать шнур из розетки..

А Борька выросел, жадно вслушивался во все политические новости и известия, прилипал к радиотарелке. Ловил районную газетку «Голос труда» и читал из чужих рук. Заставил отца выписать владимирскую областную газету «Призыв». Хоть и скучное было чтение, а всё-таки читал: кто там начальник, кто его сменил, кого там выбрали в Московское руководство.

8

В старших классах Борис стал учиться заметно хуже. Если в младших классах он всё-таки как-никак стремился делать уроки, то теперь, отправляясь в Александров, в школу, он захватывал с собой только одну тетрадь, а книг не носил вовсе. Так все предметы и записывал в одной тетрадочке, которую дома и не открывал. На уроках, правда, учителям отвечал, преимущественно на тройку.

Но примерно с девятого класса Борька вдруг заинтересовался историей. На уроках истории Борька с открытым ртом слушал учительницу Ольгу Петровну, которая рассказывала учебный материал как никто из преподавателей. После её рассказов школьники заметно гордились своей страной – СССР, хотя и жили впроголодь, с их уст не сходили имена революционеров, Сталина, Ленина, Будённого, Ворошилова, Чапаева, Щорса и Пархоменко. С уважением школьники называли имена вешего князя Олега, Александра Невского, царя Петра Первого, полководцев Суворова и Кутузова, адмирала Нахимова, которые укрепляли, строили и защищали великую Русь, умножали её славу и авторитет в мире. И столько беспокойств добавил учительнице интерес Елина к истории! Теперь ей только и приходилось искать дополнительную литературу, чтобы ответить на его многочисленные вопросы: зачем, кто виноват, почему это случилось? На все эти вопросы ученик получал пространные ответы. О каждом великом человеке Ольга Петровна повествовала и сама с увлечением. Вот это Борьке нравилось. Вот это ему было по душе. И он просто влюблялся в великих людей России и Советского Союза, очень гордился победой над Германией, славой всего народа.

В старших классах, возможно под влиянием интереса к истории, Борька Елин изменился характером. Ранее общительный, организатор всех игр, готовый с поводом и без повода доказывать кулаками свою правоту, заводила класса и деревенских мальчишек, стал тихим, задумчивым, безразличным к окружающим людям. Среди товарищей своего возраста

ему было неинтересно. В школе учился так себе, больше тройки не получал, разве вот только по труду, физкультуре, пению и истории ставили ему хорошие отметки, немножко его интересовала география. Остальные предметы не имели для Борьки цены. Прибавлять и отнимать он знал – и баста, зачем голову свою забивать какими-то квадратными корнями, всякими тригонометрическими функциями, которые никакой практической пользы мужику не принесут. Да и пусть ими занимаются специалисты – те, которые от них счастливыми спать ложатся!

После смерти Сталина весна ходила рядом с Борькой из Наумова в школу, в Александров. Из Александрова возвращалась вместе с ним через ручей в Наумово. И когда отцвела в садах сирень, весна с большим трудом пережила вместе с Борькой экзамены за десятый класс. И сказала весна: прощай, Борькино детство!..

А тем временем государство бросало все силы на восстановление народного хозяйства, городов и сёл, фабрик и заводов. Деньги требовались большие, и крестьянину на свой горб пришлось взвалить большие налоги. Каждая корова и овца, каждая курица-несушка обязаны были отдавать свою дань государству. И попробуй – не сдай!

Послевоенная пятилетка поставила перед народом цель – восстановить страну в том виде, в каком она встретила войну. Тяжёлая задача, но пятилетку всё-таки выполнили за три года.

Несмотря на все трудности, советский человек смотрел вперёд с оптимизмом. Начиная с сорок девятого года, к огромной радости народа, начали снижаться цены. Каждый день и каждая неделя приносила какие-нибудь обнадеживающие новости. Рождались и подрастали дети, теперь советскому человеку только жить да жить, приумножая могущество Родины.

Глава 8 юность Бориса

1

Не отличался Борька большими достижениями в школьном учении, закончил десятилетку почти со всеми тройками. Но, слава Богу, закончил. Осталась от школы и продолжилась в дальнейшие годы любовь, но лучше сказать, громадный интерес к отечественной и мировой истории. В отличие от своих одноклассников, по-иному и по-особенному смотрел Борька на историю мира и страны.

Когда узнал, кто такой Александр Македонский, он внимательно приглядывался к нему – надо же, ну прямо сверхъестественный титан, а не человек – если в восемнадцать лет завладел половиной обетованного мира. Когда вспоминал русских князей, то ругал их – что же это, такая сила у них была в руках, а не могли объединиться и на два с половиной века попали в лапы монголам.

Что касается Ленина и Сталина, то перед его глазами в их лицах вставали великие люди, которые всю жизнь и помыслы отдавали делу рабочего класса, всего простого народа. Ведь они так мечтали сделать жизнь всех людей счастливой! Они жизни свои положили, защищая трудовой народ от посягательства буржуазных хищников и их прихвостней.

Борис восхищался судьбами великих людей, за плечами которых были великие свершения, оставшиеся навечно в жизни людей. Уж если они отметились в истории, то навсегда! Однако и тут, раздумывая над их судьбами, он приходил к идее: всё же предпочтительней те из великих, которые своим трудом, постоянной работой над собой, преодолевая трудности, вышли на первые места в Истории.

Вот преклонить надо голову перед Наполеоном, перед Лениным, перед Сталиным. Они достигали вершин власти своим умом, силой, своевременными и правильными мыслями и ораторским искусством. Ну а что, к примеру, представляла собой Екатерина Вторая? Она получила власть, можно сказать, на блюдечке. Ей пробраться в императрицы не составляло никакого труда. А ведь как тяжело подняться к власти человеку простому, даже на самую низенькую ступеньку политической власти! Возьми вот председателя колхоза, и то сможет стать им не каждый колхозник, а только избранный удачник и угодник. Почему же и в верховной власти страны всё время появляются избранные, становящиеся министрами, деятелями ВКП (б), а затем КПСС, одним словом, вождями, хотя прежде их никто и не знал?

Может быть, они какие-нибудь сверхъестественные? Какие-нибудь заговорённые или святые? Может, они и живут не как другие люди? Думают только о народе, как его жизнь сделать всё лучше и лучше, легче и интереснее? Они, может быть, не едят и не пьют, как мы, простые люди, самогонку, в туалет не ходят? Наверно, им некогда думать о себе и о своей семье и о родственниках? Они только что и делают день и ночь, что размышляют, как страну сделать богаче, мощнее и авторитетнее в мире? Ведь не зря солдаты на фронтах Отечественной погибали с именем Сталина. Значит, если бы не было Сталина, его ума и гениальной прозорливости, его полководческих способностей, наша страна ведь могла бы не победить Гитлера и фашизм? Ведь вот – посмотри на их портреты – у них те же уши, те же глаза, что и у нас, обычных людей. Те же руки – а у Борьки они, пожалуй, и покрупнее, и покрепче – с детства много ими поработал, те же ноги – у Борьки они поразмашистее на ходу. Вот, может быть, всё дело в голове? Неужели у них в башке вдвое больше напихано, чем у нас, смертных и простых, которым у Кремлёвской стены ни за что не лечь?

Много и часто задумывался Борька на эти темы. Пробовал намёками и мимоходом поговорить и с другими, более знающими людьми. Но всё-таки ни от кого вразумительного ответа не получил.

Талант, – говорили ему, – талант нужен такой особенный!

Талант? Какой? Они ведь не поэты, не певцы, не художники, не композиторы! – мысленно и вслух повторял Борька, размышляя. – Или может быть, нужно постоянно и упорно бить и бить в одну точку, пока не добьёшься?

2

К окончанию десятилетки Борис Елин и внешне изменился. Молодой человек и ходить стал соответственно новому, изменившемуся характеру. Он немного сутулился и опускал голову вниз, смотря не прямо перед собой, а куда-то в землю. Отцу не нравилась его походка, не нравилось и его поведение, какое-то неживое, боязливое, словно украл что-нибудь и боится, что вот-вот его изловят. Стеснялся он женщин и при встрече с девушками глаз не поднимал, чтобы ненароком не встретиться с ними взглядом.

Да что ты за тюфяк такой у нас, а? Что же ты Единых позоришь? Заболел или боишься кого? – спрашивал отец, когда Борис приходил из школы и, сделав, что нужно по двору и по дому, не выходил на улицу, а взяв какую-нибудь книгу из жизни великих людей, часами не отрывал от неё головы.

Читаешь, читаешь, – удивлялся отец, – а всё равно тройки приносишь. Как это у тебя получается? – и, покачав головой, долго смотрел на жену удивлёнными глазами: мол, кого это мы с тобой вырастили, Дарьюшка?

Наедине отец говорил Дарье Силантьевне:

Надо всё-таки приучить его к своему деревенскому делу, а то – смотри, из него ничего не выйдет, ни шофёр, ни тракторист, ни рабочий класс. Он людей боится и стесняется, как он будет среди людей-то учиться, работать, жить? Вот как закончит школу, сразу беру его на ферму, научу этого дурака, как всерьёз с коровами обращаться. А этак он без куса хлеба останется, как мы помрём. Бог-то ростом и силой не обидел, здоровья на два военкомата хватит, а видишь, как от людей шарахается!..

Силой обладал действительно Борис Елин недюжинной, в десятом классе он был уже вполне здоровый парень ростом под два метра. Широкие плечи, широкие скулы, большой широкий лоб, рыжеватые волосы, уже и бритвой пытался тыркать туда, где наступила пора проявляться усы. Но глаза его, маленькие по сравнению с крупными и широкими чертами лица, прикрываемые пышными рыжими бровями, делали вид юноши каким-то испуганным, боязливым или задумчивым и бесстрастным, а потому и безучастным к своим сверстникам, к их интересам.

Может быть, потому один из его одноклассников, доходивший ростом разве только не до его живота, однажды петушился, возвращаясь вместе с ним из школы, из Александра в деревню:

А чего он, Борька-то? Это он только с виду такой. А повалить его и в глаз ему дать ничего не стоит!

Другой бы на месте Борьки с его медвежьей силой, не задумываясь, дал бы однокласснику-коротышке подзатыльник, от которого тот скатился бы с горки, чтобы другим неповадно было. Елин только глазами смеялся, мирно выслушивал задиристую речь спутника и, послушав болтовню, боком от него ускорял свой шаг и уходил вперёд. А приятели заливались смехом, щупая жидкие мускулы и восхваляя богатырские качества одноклассника-задиры.

3

Борис любил общество наумовского мужика Андрея Парфёнова, того самого красноармейца, инвалида, участника гражданской войны, на болтовню которого приходили в юношестве его отец Иван Елин и его сверстники. Деду Андрею уже было много лет, он уже, в воспитательных целях, отказался рассказывать подрастающему поколению, как брал в плен белогвардейских дам. Но зато он уже рассказывал в подробностях о боях и сражениях, о своих героических подвигах на войне, о том, как брал десятками в плен белогвардейских генералов и бандитских атаманов. Борису нравилось расспрашивать его подробнее о красных командирах, о Чапаеве, о Фрунзе, о Ворошилове, о Щорсе. Дед Андрей так много рассказывал этих историй, что всё село давно уже знало: воевал он рядом со всеми, имевшимися в наличии красными полководцами, которые стали сегодня легендарными. Что Чапаев утонул только потому, что не спросил его совета – переплыть бурную реку или нет. Что вместе с Щорсом не раз сживали за столом и пили самогон, отобранный у Махно. Что выполнял он специальные поручения по очерёдности то Ленина, то Сталина, которые часто звонили ему по полевому телефону. Свесив голову, Борис с серьёзным видом, не перебивая, слушал и словно верил

тому, что рассказывал старый солдат. Хотя другие парни, слушая деда, нет-нет, да и взрывались хохотом:

– Ну, дед, ты дал! Ну уж загнул так загнул! Вот уж заврался в доску! Получается, что если бы не ты, то и Советская власть давно бы ноги откинула, а?

На подобные замечания дед Андрей надувал губы, хмурился и больше не открывал рот, пока скептики не покидали его общество, а их место на лавке под забором Парфёновых не занимали более стговорчивые слушатели вроде Борьки Елина. Вот Борису дед не уставал рассказывать всё, что он просил, с такими подробностями, что щипало душу.

Но откуда деду Андрею было знать, что Борька и в его рассказах выискивал всё то же, своё: как ведут себя в жизни или как могут поступать командиры и вообще люди, поставленные над людьми, на какую-то высоту?

Наслушавшись небылиц Парфёнова, Борис долго ходил под впечатлением услышанного. Трудно было, конечно, в этой трепотне отделить правду от вранья, но Борис то и дело ловил себя на том, что жил жизнью этих самых командиров, находился как будто в пекле сражения, давал указания и приказы, видя себя в роли красного командира с биноклем в левой руке и револьвером в правой.

Идя домой, никого не видел и никого не слышал, если встречался кто-то по дороге и пробовал завести разговор, он в беседу не вступал. Земляк, видя, что сынок Ваньки Елина не ответил на приветствие, изумлённо вскидывал брови и с недоумением провожал его взглядом: о чём может так усиленно думать парень, чего так ушёл в себя?

Странностям Бориса Елина не было границ. Заходя к знакомым, через минуту во время разговора он без предупреждения мог развернуться и уйти, так что народ и не понимал, зачем он заходил и почему рано вышел. Вот такая рассеянность и забывчивость вошли в Борькин характер. Дома он не помнил, куда, раздеваясь на ночь, уложил свои вещи. Носки свои искал с таким раздражением и недовольством на жизнь, словно наступал конец света, и его заставляли босиком бежать на другую планету. Правда при отце старался вести себя тихо, звука лишнего не издавал. Помнил одну неприятность, что случилась полгода назад. Борис как-то набросился на мать, обвиняя её в том, что она куда-то упрятала его тетрадку, где он записывал все школьные задания. Отец тогда стоял под окнами и слышал раздражённый разговор Бориса с матерью. Не стерпев такого тона разговора, Иван Петрович зашёл в дом и, не заходя в комнату, при открытой двери, насупив брови, крикнул с порога:

– Ты, верзила и лентяй, ты как разговариваешь с матерью? Ещё раз услышу в таком тоне, ремнём угощу. В детстве не применял ремень, а сейчас знаешь, как отполосую!

Тогда Дарья Силантьевна, увидев мужа в таком редком состоянии, агрессивно настроенного против собственного ребёнка, заулыбалась, глядя прямо в его лицо, и смягчила обстановку. Пришлось и Ивану Петровичу подмигнуть жене и ответить лёгкой улыбкой.

Короче говоря, Борис Елин в период окончания средней школы слыл в деревне Наумово непутёвым парнем, со странностями какими-то, не вполне ясной головой, не имеющим перед собой никаких определённых целей или, как обычно про таких выражаются в деревне, – ни рыба, ни мясо.

4

Когда Борис оканчивал школу, сестра Пелагея выходила замуж, и в доме Елиных состоялась свадьба. Жениха сестра сыскала в городе Александрове.

На свадьбу явился приятель жениха, Валерий Рогачёв. Его, собственно, и привезли в Наумово, чтобы он выполнил роль шафера на свадьбе. Это был парень невысокого роста, неказистый с виду, весь в веснушках. С Борисом он как-то сразу подружился. При разговоре предложил ехать вместе с ним в город Омск для поступления в институт.

Омск, – это где? – спросил, почесав в затылке, Борис.

Ну как – где? В Сибири, конечно!

Выпив вместе с ним две бутылки водки, Борис держался как ни в чём ни бывало, словно пил не водку, а простой лимонад. На Рогачёва, по-видимому, это произвело впечатление. Ему показалось очень странным, что после первой бутылки Борис вроде как стал заплетаться языком, покраснелся, оживился в разговоре. Однако после небольшого перекура и после второй бутылки он мгновенно отрезвел, посуровел и примолк. Это Валеру очень удивило.

Скромное свадебное торжество подходило к концу, шафер покинул жениха, поэтому Борис и Валера, уединившись в углу длинного, во всю избу стола, не спеша отмечали день сестры и друга.

Да как я могу поступать в институт, когда у меня одни тройки, и то еле-еле в аттестат залезут? – отвечал на заманчивое предложение Борис. – А ведь там экзамены надо сдавать, если вместе подавать на строительный факультет! Была бы только история. А вот по математике и физике – это ты мне брось!

А ты не бойся, я ведь тоже на одни тройки школу заканчиваю. Но у меня там дядя работает преподавателем, понял? Приезжал недавно в Москву, ночевал у нас. Говорит – Валера, не беспокойся, приедешь ко мне в Омск, будешь в студентах ходить. Экзамены, считай, почти формальные, конкурса никакого, каждый год колоссальный недобор. Сдашь документы – и, считай, что студенческий билет в кармане.

Они действительно подружились, потянулись друг к другу, как разноименные полюса магнита. Весь остальной вечер провели вместе, не только за столом. Но и на улице, когда выходили освежиться чистым деревенским воздухом.

Как тут здорово у вас в деревне! – говорил Валера. – Прямо рай какой-то. У нас в Александрове дышать нечем – то мясокомбинат, то «Искож».

У нас тут тоже завод рядом, кирпичный, но от него ничего – ни запаха, ни дыма, – отвечал Борис, сидя на перилах крыльца. – Собираюсь на кирпичный работать после школы. Мужики там хорошо получают. Ну, конечно, вкалывать тоже надо.

Да ты что? Я же тебе втолковываю: готовь чемодан – и айда в Омск! Сдавай-ка экзамены в десятом классе, получай аттестат и отдохни пока дома, то да сё... В конце июля готовься ехать и не дури!..

Борис новой проблеме сразу не поддавался. Он и в помыслах не держал поступать в институт, что такое студенческий билет – он не держал и в понятиях.

Ну дядя-то это твой дядя. А я-то ему не племянник, зачем он мне будет помогать? – возражал Борис, снова уже сидя за столом.

Ну вот тебе снова говорю, не бойся. У дяди нет детей, а меня любит как родного сына, во мне души не чаёт. Каждый месяц денег присылает. То на одежду, то на приличное питание, то на книги. А приедем – что я ему скажу, то он для тебя и сделает, не меньше, чем мне.

Борис задумался и долго смотрел куда-то в одну точку. Разжёвывая только что отправленный в рот кусочек мяса, он вдруг ясно представил себя, свою фигуру в качестве студента Омского строительного института, с портфелем в левой руке разгуливающего по просторным коридорам институтского здания и держащего правой руке огромный студенческий билет. От этой картины у него поприятнело на душе, сердце защемило какой-то новой тоской и ему вдруг всерьёз захотелось послушаться совета своего нового приятеля.

«А кто его знает? – стал размышлять он. – Может, и правда двинуть в Сибирь. Может быть, и правда сдуру в институт поступлю. Этак и человеком стану, инженером. Остаётся вот вопрос, где взять денег на дорогу, на первое проживание. Там уж дальше где-нибудь работать устроюсь, грузчиком вот. Прокормлюсь как-нибудь. А вот с дорогой... Если отец будет против, то, конечно, денег не даст. Тогда попрошу у Ленки. У неё муж учитель, сама преподаватель, получают оба. От Надьки, правда, ждать помощи нельзя, она сама учится, живут на зарплату мужа, у них ещё на шее две старушки, свекровь и мать. Пелагеюшка только вот чуть-чуть сможет помочь, пока в декрет не уйдёт. Рубашку там, туфли парусиновые купить. Но вся надежда на Ленку. Скажу – дай в долг, отработаю потом, верну».

Скажи, Валера, а на что и где будем жить, стипендию будем получать, не знаешь? – спросил Елин. – У тебя-то там дядя, а мне как там жить прикажешь? Отец за мои тройки меня не будет финансировать. Это я знаю. Скажет – пустая затея, это только для умных, скажет. Не поверит, что из меня студент получится.

Да ты не беспокойся. Ещё полтора месяца до отъезда. Поговори с отцом. А если хочешь, я сам поговорю. Если откажется, то у меня мать на железной дороге диспетчером. Ты можешь на разгрузке вагонов заработать на дорогу. Я скажу матери, она тебе будет сообщать, когда денежные работы там начнутся.

Ладно, – наконец согласился Борис. – Поговорю с отцом и с матерью, а тебе скажу, как решили. Поеду я с тобой, но хорошо бы и вправду наверняка поступить. Представляешь, как домой возвращаться, если будет всё наоборот. Меня по крыльцу размажут!

Ну, не бойся!

И новые приятели приступили к разработке деталей будущей поездки в сибирский город Омск...

5

Свадебные гости выпили последний раз и закусили, вечером вразнобой расходились и разъезжались. Пелагеюшку с женихом или мужем Юрой торжественно, с песнями проводили в такси, поскольку они, совершенно трезвые, под конвоем мужниных родителей отправлялись в квартиру жениха.

Когда, уже поздно, к ночи, стали собираться спать, Борис решил поговорить с матерью о своём будущем. Тут же сидела Лена, старшая сестра, преподавательница московского техникума.

Свадебные гости выпили последний раз и закусили, вечером вразнобой расходились и разъезжались. Пелагеюшку с женихом или мужем Юрой торжественно, с песнями проводили в такси, поскольку они, совершенно трезвые, под конвоем мужниных родителей отправлялись в квартиру жениха.

Когда, уже поздно, к ночи, стали собираться спать, Борис решил поговорить с матерью о своём будущем. Тут же сидела Лена, старшая сестра, преподавательница московского техникума.

Услышав намерение сына по поводу учения в институте, Дарья Силантьевна сразу же взглянула на дочь: Лена для родителей была главным авторитетом. Шутка ли – преподаёт в машиностроительном техникуме, мать двоих детей, муж – учитель физики, пользуется всеобщим уважением, похоже, что скоро станет директором школы. Муж у нее мужчина добрый, очень уважал трудовых людей – родителей жены. Всегда, приезжая в деревню, помогает по хозяйству. Не чурается никакой работы, в огороде копается, забор починил, крышу отремонтировал, теперь крыша новая шиферная серебром на солнце сверкает. И материал-то закупил на свои деньги, а когда Иван Петрович заикнулся насчет возврата денег, только улыбнулся и сказал: «Положи, отец, деньги в карман, у тебя в руках они надёжнее». Иван Петрович только крикнул стеснительно в кулак и отошёл в сторону. Прямо-таки по душе был Ивану Петровичу его старший зять, он гордился им, когда на работе заходила речь о зятях и невестках. Только Романа Васильевича Иван Петрович и Дарья Силантьевна ставили в пример, хвалили самыми теплыми словами. Почти как сына уважал и любил зять Иван Петрович. Да что там как сына! Вон и родной-то сын, Борька, в последнее время то и дело раздражает отца, нервирует своим странным поведением. Стал каким-то скрытным, весь ушёл в себя, дома порученную работу делает бегом, – да и садится за книжки. И хорошо бы книжки были какие приличные, учёные, а то все про царей да королей, про великих людей. Никак не видно, чего хочет Борька, к чему стремится, к какому делу его душа лежит. Поэтому и хотелось Ивану Петровичу, чтобы сын-то единственный хоть немного набрался от Романа Васильевича.

Короче говоря, из всего семейства, из детей и зятьёв, только Ленка да Роман Васильевич имели у родителей авторитет непререкаемый. Потому-то и Борька постарался открыться матери при Ленке, имея в мыслях поездку в Омск.

Глядя на брата, Ленка просияла от радости. А отец-то ей постоянно твердил, что нет у Борьки ничего за душой и в голове, что из Борьки ничего путного не выйдет! Если только вот, опять же, вслед за отцом пастухом пойдёт с кнутом по деревне. Да и сама Елена Ивановна как педагог, замечая увлечения брата и несколько странное его поведение, было засомневалась: выйдет ли из него что-то стоящее? Хотя, казалось бы, что, пока она была рядом с домом, Борька рос сообразительным, смыслёным, любознательным и живым парнишкой. А вот в последнее время, когда она приезжала домой, никак не шёл ни на какие разговоры и контакты, махал рукой и уходил в сторону, не поговоришь с ним и не побеседуешь. Говорил: «Не волнуйся, Ленка, все нормально, нечего меня дёргать и проверять!», – и, слегка улыбнувшись, уходил из комнаты.

Теперь же, услышав своими ушами разговор брата с матерью об институте, Елена обрадовалась. Оказывается, братишка не совсем простой фрукт, себе на уме. И планы у него серьёзные, нужные и стране, и самому. Каждому понятно, что в Советском Союзе во главе жизни будут сидеть именно те, кто имеет диплом о высшем образовании, только такие люди могут выходить на главные роли в государстве.

Ну и молодец, Боречка! Давай мы с Романом будем заниматься с тобой дополнительно. Готовить тебя к экзаменам! – Елена Ивановна даже сама заволновалась, переводя глаза то на Борьку, то на мать.

А ты сперва выясни, сможет ли он учиться, знает ли он вообще что-нибудь из школы! – попросила мать. – Ведь в институт, это такое дело!

Ничего, мама, – улыбнулась дочь. – Знания – дело наживное. Захочет человек – гору свернёт, а добьётся своего. В учебных делах главное – это своё желание, желание и желание.

Короче говоря, я тебя, Борька, поддерживаю. Мама тоже, надеюсь, и отец, я думаю, поможет, – Лена выжидающе посмотрела на мать.

Дарья Силантьевна, опустив голову, задумалась.

Вот отец-то согласится ли. Он же уже и с председателем колхоза поговорил, чтобы после школы Борьку взяли на ферму.

Да что ты, мам, поговори с отцом, неужели он будет против учения сына. Втолкуй ему, что надо парню в люди выходить. Я и сама поговорю. Будет возражать – Ромка побеседует. Да и Надюшку, и Пелагейку подключим.

Нет, дай я сначала поговорю. Посмотрим, что он скажет...

Разговор с мужем об учении сына в Омске Дарья Силантьевна начала вечером следующего дня, когда он вернулся со своей работы.

Чего, чего? – Иван Петрович едва не поперхнулся, уписывая за столом гороховый суп. – Борька? Учиться хочет? Да ты что, мать, в уме? Он же балбес! Опоздал, надо было раньше об этом думать. Он же сколько будет пятью пять не знает. А тут в институт поступать! Ну, мы с тобой неучи, так все почти в то время такими были. А ему десяти лет было мало, дурака провалял! Теперь не вернёшь!

Дарья Силантьевна выдержала паузу и, подкладывая мужу новый кусок хлеба, тихонько приступила снова.

Вань, Ленка вон поддерживает. Говорит – если надо, поможем. Говорит, если сейчас возьмётся за ум, упущенное наверстает и поступит.

А-а-а! Вот оно что! Вы уже без меня всё решили? А теперь мне докладываете? Значит, так, Даша. Зря свои деньги на этого разгильдяя тратить не буду. Раз решили поступать – поступайте, как хотите. – Он, строго насупив брови, взглянул на жену, встал и отправился проверять скотину. На пороге задержался. – Я перед председателем повинюсь, тем более свободного места на ферме нету. А он хотел уважить мою просьбу и взять его временно на третью бригаду. А потом туда, где освободится. Так что вот тебе и фунт изюму!

Когда Иван Петрович через некоторое время возвратился со двора, из горницы вышла Елена и попробовала отца вразумить. Она приводила всякие доводы из своей педагогической практики, примеры из своих наблюдений, когда не все отличники и золотые медалисты получают институтские дипломы. И даже, наоборот, прежние лодыри вдруг спохватываются и на всех парах летят к вожделенному, даже порой и красному, диплому. Вот, мол, как происходит в институтах, это ведь тебе не школа!

Однако, не взирая на авторитет старшей дочери, Иван Петрович сказал, что лично он умывает руки, – хочет Борька учиться, пускай учится, но денег он на это мероприятие не даст. «На все другие дела – пожалуйста, берите последнюю копейку. А на Борькино учение не дам, бесполезное это занятие».

6

И Ленка, и мать подумали-подумали – и решили – отца по Борькиному учению больше не тревожить и не пытаться склонять на свою сторону.

Постановили – постараться до Борькина отъезда наскрести нужную сумму денег. Так-то будет надёжнее и по делу. Надюша дала слово приобрести будущему студенту обновку, а Роман Васильевич с Еленой Ивановной взялись нести основную ношу, финансировать будущего инженера, а то и учёного. Мать Дарья Силантьевна тоже обещалась незаметно от мужа откладывать в сторону энную сумму денег. Так что до отъезда в Омск у Борьки, по всему видать, должна была собраться нужная сумма. И теперь можно было не думать о ночной дефицитной разгрузке вагонов на товарной станции Александровского вокзала.

Но вот что удивительнее всего – Борька вдруг стал усиленно заниматься науками. Пока Роман Васильевич и Ленка находились дома, благо у них был период отпусков, он и к ним приставал со многими вопросами. Просил – помогите, мол, в том или другом. Конечно, сразу выяснилось, что у будущего строителя база знаний после школы покоилась почти на нуле.

Но женскую часть семьи уже ничто не пугало: раз задумал Борька, надо помочь ему преодолеть такой новый, но такой выдающийся для него рубеж. А стремление его заметили уже все.

7

И вот, когда прошёл месяц с небольшим, Борис Елин и Валера Рогачёв сели в поезд на Казанском вокзале. Борис впервые ехал в дальнем пассажирском поезде, и сначала даже не представлял себе, как будет выглядеть для него эта дорога. Но постепенно стал втягиваться в железнодорожный быт. Прежде всего, молодые люди занялись главным делом: заняв свои места на полках плацкартного вагона, сразу же достали книги и углубились в изучение предметов – только тех, по которым принимают экзамены.

Если правду сказать, только Борис, обхватив голову руками, старательно вникал в учебно-школьные премудрости, пытаясь запомнить каждую формулу, которая так не интересовала его прежде, в школе. А что касается Валеры, то, похоже, его эти формулы вовсе не интересовали. Зато он с интересом наблюдал поведение соседей со всех сторон, ещё занятых поиском своих мест, расфасовкой своих вещей и прочими мелкими моментами бытового устройства. Конечно, Валеру интересовала не вся публика, а та, что помоложе, и, больше всего, женская часть. Вот он и следил внимательно за каждым таким предметом, глядя, как он, этот предмет наблюдений, мечется по вагону, то приводя в порядок свои чемоданы, то несясь сломя голову к проводнице за водой и чаем, то с оханьем взбираясь на свою полку, где уже ожидает его вполне мягкий полосатый матрац с будущими ночными причиндалами. Подумать только, как увлекательно! Особенно, если открытые части тела этого предмета, налитые силой и девичьей полнотой, так и протестуют против искусственного сокрытия. Так что Валера то и дело, незаметно для других пассажиров, толкал коленом Бориса, глазами или кивком головы указывая на проходящих, достойных внимания девиц.

Борис, пару раз действительно отвлекшись по его знаку от книги и глянув туда, куда просил товарищ, сразу охладел к его занятию, не видя в нём никакого смысла.

Да что ты, Валер, – наклонившись к приятелю, тихо сказал он, – ты же поступать в институт едешь, а не на танцы. На, почитай алгебру, чем балдеть на девок впустую.

Да ладно тебе, разве можно в такой обстановке сосредоточиться, – коварным расхолаживающим шёпотом возражал Валера. – Видишь, какие туда и сюда ходят! А мы, как только приедем на место, как только устроимся в общежитие, сразу и книгами займёмся. Никуда от нас книги не денутся! А тут ведь жара, как в бане. А в бане ведь книги не читают, а?

Видя, что приятеля от учебника не оторвёшь, Валера продолжил свои эстетические наблюдения.

Между тем поезд оставил далеко позади себя столицу и, набрав крейсерский ход, вышел на бескрайние просторы России.

А Валере через некоторое время вдруг крупно пофартило. Одна из барышень с очень элегантной фигурой и не менее соблазнительными глазами, возвращаясь от проводницы со стаканом чая в руках, обворожительно улыбнулась ему и, кроме того, как явно показалось Валере, подмигнула ему. Вот уж от этого нестойкое любвеобильное сердце Валеры дрогнуло и сразу растаяло, как сахар в том же горячем чаю. Не успела девушка спрятаться в дальнем купе плацкартного вагона, как Валера, не в силах усидеть на месте, встал и стал задумчиво прохаживаться по вагону в поисках этой прекрасной барышни. Примеченная незнакомка

нашлась в предпоследнем купе, где она восседала не одна, а с такими же молодыми барышнями-подружками, тоже красивыми и привлекательными не менее, чем сама. Девушки о чём-то оживлённо разговаривали и не заметили, как Валера, расплывшись в улыбке, стоит над их головами и наблюдает за их торопливой и жаркой беседой.

Через несколько секунд взгляды Валеры и той прелестной барышни, из-за которой он оказался здесь, встретились. Девушка, прекратив спор с подружками, повернулась в его сторону и, во второй раз награждая незнакомца сахарной улыбкой, кивнула головой.

– Садитесь, пожалуйста. У нас места много, хватит всем, – произнесла она приятным ласковым голосом.

Валера, поблагодарив, уселся на краешек нижней деревянной полки. Наступила пауза, остальные девушки тоже смолкли и стали в упор глазеть на пришельца, почему-то выбравшего их купе наиболее приятным местом времяпрепровождения. Когда Валера только ещё направлялся на поиски прекрасной незнакомки, он в мыслях своих рассчитывал, что её найдёт, познакомится с нею, узнает о ней как можно больше, расскажет о себе, о своём городе Александрове, о том, куда и зачем он едет, ну и вытребует, конечно, у неё адресок, чтобы переписываться. Но, как только присел в обществе бойко разговаривающих девиц, все слова и мысли, что только трепыхались в голове, как бабочки, вылетели из головы, а язык как бы перевязало. Он забыл даже, какие слова нужно говорить при знакомстве, и вообще, что нужно сказать собеседницам. Словно впал в спячку, однако чувствовал, что не надо сидеть истуканом и глядеть прямо перед собой, а начать разговор. Изнутри краснея, он уже почувствовал, что девушки заметили его смятение, и теперь одна из них, самая маленькая ростом, полненькая сама по себе и кругленькая лицом, со смешками в глазах наблюдает, как на его носу собираются мелкие бусинки пота. Белая рубаша взмокла на спине и вокруг шеи, чтобы почувствовать себя свободнее, Валера расстегнул воротничок ещё на пуговицу, подёрнул со спины рубашку, чтобы охладеть.

Ирина, – глянув ему в глаза, представилась прелестная незнакомка: видимо та, ради которой ему пришлось терпеть эти временные неудобства, решила таким образом выручить его из неясной ситуации, подав шест на спасение. – А вас как зовут?

Валера Рогачёв, – улыбнувшись девушкам, с заметным облегчением ответил парень.

А меня Люда.

Вера, – широко улыбнулась полненькая и круглолицая девушка. Остальные, как одна, были стройны и тонки, да и, как показалось Валере, на одно лицо.

А как вашего друга зовут? Видно, очень целеустремлённый человек. Сколько раз проходила мимо, голову от книги не поднимает. Сразу видать, отличник, студент какой-нибудь? Отличники – они такие – у них книгу из рук не отнимешь. Они от одной книги довольны жизнью. Правда ведь? Ирина произнесла это, глядя то на Валеру, то на подружек.

– Его Борисом величают. Прямо вот Годунов, – сообщил Валера, уже чувствуя себя посвободнее, чем прежде, но с некоторой ревностью. Ведь Ирина, которая с первого взгляда ослепила его своей красотой, интересовалась в первую очередь не им самим, а каким-то увальнем Борисом, этаким столбом, который и на девиц-то стесняется посмотреть. А он-то подумал! Это что же получается? Она им, Валерой, как средством для знакомства с Борисом, так что ли? Эта ревность уже заскочила ему в мозг, Валера впервые почувствовал в Борисе некоего конкурента. И уже у него появилось желание – представить Бориса перед девицами, особенно перед Ирой, тем самым пустым и никчемным парнем, которым, по его мнению, Борис и является на самом деле. Ведь, кроме приятной внешности, никакого содержания внутри. Так что пускай до Иры сразу дойдёт, что Валера выше, солиднее, практичнее, а также щедрее и добрее, чем его увальень товарищ. Это уже не говоря о том, что благодаря именно его, Валеры, деловым качествам, благодаря его плану и руководству Валеры, этот олух сейчас сидит на верхней полке и читает книгу, в которой ничего не поймёт. А если будет вести

себя нормально, то, может быть, с его же помощью, ещё и студентом станет... А то будто мы не знаем, кто такой Борис Елин! В школе – двоечник, в деревне – пастуший сын. Как всё-таки девушки ошибаются, выбирая себе парней! Предпочтение, по своему легкомыслию, отдают в основном внешней оболочке мужчины, а не его содержанию, не его силе ума, не его внутренней энергии и прочим невидимым вещам. Как можно сравнивать меня с Борисом? Деревенский парень – он и есть неотёсанная деревенщина, из его сельского рода нет в округе никого, ни единой яркой личности, кем можно было бы гордиться. То ли дело Рогачёвы! Первый секретарь горкома – Рогачёв. Из рода Рогачёвых вышли военные, полковники, даже генералы, два директора школы в Александрове, начальник железной дороги мой родной дядя. Отец мой покойный командовал полком в войну. Куда уж сравнивать меня с Елиным!

Так рассуждал Валера под прессом внезапно вспыхнувшей ревности. И вся эта самодовольная мешанина пронеслась у него в черепной коробке за какие-то мгновения между фразами в разговоре с девицами.

– Да, вы знаете, Борис у нас выдающийся знаток по части общеобразовательной школьной программы. Его разбуди среди ночи – он сразу вам ответит, чем отличается синус от биссектрисы, а тот же самый Борис Годунов от Стеньки Разина. Только вот пока не студент. – Валеру, как он и сам чувствовал, что называется, понесло. – Я ему говорю – мол, зачем тебе, Боря, книги разглядывать, да ещё в поезде. Ты ведь и так всё знаешь. Открываю любую страницу, начинаю читать, – и Боря тут же продолжает наизусть, что в учебнике написано. Ну, если бы он стихотворение стал наизусть читать, я это понял бы сразу, – любитель русской поэзии. Это бывает часто. Но вот чтобы математику или физику так выучить, что без запинки весь учебник шпарить, – такое я вижу впервые. Нигде не читал и нигде не слышал о таких людях ничего подобного. Вот уж феномен так феномен! Вы сейчас сможете сами убедиться, я его сейчас позову.

Он, выговорившись, неспешно поднялся, разглядывая всех девочек ещё внимательнее. И убедился окончательно, что прекраснее и нежнее среди всех своих подружек всё-таки Ира, и ещё раз Ира. Она, кроме своей красоты, излучала такую душевную теплоту, что Валере хотелось обращаться взглядом только к ней и любоваться ею, наслаждаться её смешливым ласковым разговором, её прищуренным взглядом, когда она смотрела на собеседника, её величавыми и строгими жестами, когда она то одной, то другой рукой поправляла свои длинные распущенные волосы, норовящие то и дело закрывать при тряске вагона самое красивое из лиц, которые когда-нибудь приходилось увидеть Валере.

Валера чувствовал, что он влюбляется в эту девушку, хотя и явилась она перед его взглядом лишь несколько часов назад. И знакома-то она ему всего лишь с четверть часа. Только, видя, – не тупой ведь! – что его незначительный рост, невзрачное веснушчатое лицо не являются объектом особого интереса девушки, он из-за ревности свою злость адресовал совершенно ни в чём не виновному Борьке. Но ему казалось пока, что если сюда, в кампанию девушек, зайвится Борька, то Ира убедится, что у амбала Борьки, кроме роста и смазливой физиономии, всё пусто, что она разочаруется в нём и переключится на него, Валеру. Вот тогда уж он своего не упустит.

Он уже в мыслях строил планы – во что бы то ни стало не потерять её из виду и, шаг за шагом, добиться её расположения. А потом и предложить свою безграничную любовь до гроба. Валера уже мечтал о ней, не учитывая интересы и самой красавицы Ирины. И возникало в его представлении единственное препятствие – в лице Бориса Елина. И вообще-то с ним дело обстоит вовсе не безнадежно – только бы уговорить нелюдимого товарища бросить на время учебники и последовать вслед за ним в предпоследнее купе плацкартного вагона, где устроились барышни. Вот тут-то и совершить над ним тайный и лукавый замысел.

Оставил Валера красавиц продолжать свои полусекретные разговоры. А сам направился в своё купе. Долго уговаривал он Бориса сделать перерыв в чтении и пойти с ним по приглашению девушек в их кампанию и отдохнуть, весело проводя время. Однако Борис вначале отнекивался, ссылаясь на то, что в обществе девушек, тем более симпатичных, никакого отдыха не получится, а только он ещё больше устанет. Ибо в женском обществе он с давних пор чувствует себя не в своей тарелке. Не может, мол, поддерживать тему разговора, краснеет, мол, когда они смотрят в его сторону и не может подобрать нужные слова, когда они что-нибудь спрашивают.

– Зачем, Валер, я тебе нужен? – говорил Борис. – Тебе-то ещё лучше! Ты там среди четырёх девок, вот и чувствуй себя, как петух в курятнике!

Чудак Борька. Не знает он, что Валера потому и приглашает его в этот курятник, чтобы через полчаса девицы стали от Бориса зевать. И вот уж тогда Валера останется единственным надзирателем их сердец. А самое главное, что Ира пойдёт уже с ним на контакт, оценит его по-настоящему, минуя его веснушки, и не будет вспоминать о Борисе. Поэтому обязательно, хотя бы на аркане, следовало притащить Бориса в девичье купе. И Валера уже стал нервничать, изощряясь в уговорах. А упрашивать приходилось тихо, чтобы не мешать соседним пассажирам. Упорный отказ Бориса выводил Валеру из себя. И он от злости начал повышать голос. А из-за этого уже получил предупреждение от старушки, которая, сидя напротив вместе со своей малолетней внучкой, усиленно и аппетитно, со злонамеренным хрустом, уминала с хлебом и солью свежие огурцы.

Тогда, разгневанный замечанием старушки и устойчивой тупостью Бориса, Рогачёв, отпрыск благородных партийно-хозяйственных кровей, пошёл на крайнюю меру: встал перед представителем крестьянства на колени, лишь бы только тот согласился осчастливить своим присутствием предпоследнее купе.

Надо сказать, что пассажирами в вагоне оказались больше женщины да дети, а мужиков можно было пересчитать по пальцам. Из молодых мужиков видны были двое – трое, не проявлявших к девушкам никакого интереса. Так что Валера оставался главным претендентом на внимание Иры, если, после кратковременной демонстрации, убрать Бориса. И, – представьте себе – до самого Омска, до которого несколько суток пилить да ногих красавиц, – а впереди ещё вечер, ночь, день, и так далее.

А за это время Валера планировал наладить хорошие, устойчивые, почти близкие отношения с девушкой. Тем более, что и девушки, как оказалось, направлялись по комсомольской путёвке в Омск, на строительство крупного нефтеперегонного комбината. В общем, перспектива у Валеры с Ирой намечалась очень даже приличная.

Увидев, что Валера, то ли в шутку, то ли всерьёз, встал на колени с опущенной головой, – пока, мол, он не скажет согласительное слово, Борис, наконец, сдался. Он закрыл учебник, отложил его в сторону и поднялся.

Только я там побуду недолго. И при девках задерживаться не проси, – сказал он, приподнимая товарища за плечо.

Тот, сразу заблестев глазами, мгновенно поднялся и, держа Бориса одной рукой за рубашку, а другой удерживаясь, чтобы не упасть при качке вагона, привёл, наконец, друга в купе к девушкам.

Вот наш будущий выдающийся академик строительных наук Борис Елин. Встречайте! – с некоторой иронией и почти невидимой для постороннего глаза и для самого Бориса ухмылкой произнёс Валера, по-эстрадному, словно конферансье, представив Бориса девушкам.

Борис неуверенно, через силу строя на лице улыбку и краснея, поздоровался. А в это время Валера, приподнявшись на цыпочки, с трудом доставая до его плеча, нажимал на него

рукой, усаживая его на свободное место. Пришлось присесть на свободное местечко около девушек.

Начались расспросы девушек. Бориса засыпали вопросами – откуда он, куда и зачем едет, где учился, на самом ли деле был самым преуспевающим в школе и давно ли женат. Однако получилось так, что на все заданные вопросы больше за Бориса отвечал Валера. Словно спрашивали не Бориса. А его самого. И вот тут Валера в душе обиделся на девушек ещё и потому что Борисом, оказывается, они заинтересовались основательно. Ведь ему лично столько вопросов они не задавали. А этот увалень молчит и на вопросы не отвечает, сидит в их обществе, словно на углях. Только дай ему команду вернуться на своё место, он сразу обрадуется и побежит, словно с поля битвы. Но эту обиду Валера оставил в глубине своей души, не показывая окружающим.

Прошло уже несколько минут, а за Борю отвечал и отвечал Валера. Девушки интересовались Борей, а отвечал один Валера. Кроме того, он как бы от имени своего товарища умудрялся задавать и свои вопросы.

Борису ничего не оставалось делать, как молча поглядывать то на Рогачёва, то на девушек – ему даже стало интересно наблюдать эту одностороннюю игру, которую ведёт его земляк. Зачем же он так настойчиво уговаривал его придти сюда, если напрочь выключил его из разговора? Разве не мог в таком случае вообще обойтись без него?

В первое время для Бориса это было даже удобно. Он стал чувствовать себя в этом купе немного посвободнее. Но через некоторое время ему всё это надоело. И он, попрощавшись, вернулся на своё место.

8

За окнами вагона стали еле различимы столбы и деревья, ночной туман окутывал чуть поблёскивающие болота, а за неширокой опушкой высокий еловый лес уже проглатывала без остатка надвигающаяся тьма.

Молодая проводница, включив в вагоне внутреннее освещение, похаживала по вагону, держа в левой руке сразу несколько стаканов чая, и предлагала пассажирам. Борис попросил себе горячий, дымящийся паром, с лёгким запахом берёзового веничка, стакан, стал понемножку размешивать сахар и, обжигая губы, наслаждаться этим скромным вагонным удовольствием. После выпитого чая он помедлил, поглядывая на завершающих вагонный день пассажиров. Потом он снова принялся за книгу, а одновременно поджидал Валеру, потому что негоже было без него начинать нехитрую вечернюю трапезу, которой снабдили его дома родители.

Однако время проходило, окрестные пассажиры, закончив ужин, начинали понемногу укладываться спать. А Валеры всё не было и не было. Скоро свет в вагоне отключили совсем, оставив редкий ночной, и Боря, так и не поужинав толком, заснул.

Утром его разбудило вагонное радио. Передавали последние известия. Борис, открыв глаза, сразу протянул длинную руку к верхней полке. Увы, Валеры там не было. Вот те раз! Боря быстренько встал и увидел, что постель не смята. Как её с вечера заправили, так и осталась.

«Это что же, – мелькнуло в голове, – Валера так и не ночевал? Уж не свалился ли с поезда?»

Он тут же, бросив на плечо полотенце, направился в сторону туалета, но не ближайшего, а того, другого, чтобы по пути от девушек выведать о Валере.

Проходя мимо купе девушек, Борис краем глаза заметил, что Валеры здесь и в помине нет, девичьи полки приведены в скрупулёзный порядок, а все девушки в сборе.

«Чудеса в решете!» – подумалось Елину.

Борис, заходя в укромную кабину для утреннего ритуала, услышал донёсшийся из открытой двери тамбура приглушённый голос Валеры и сразу успокоился: «Жив деятель! Никуда не делся!».

Через некоторое время Борис, закончив утренний умывальный сеанс, постоял напротив своего купе у окна.

Понаблюдав, как убегает назад, в его деревенское прошлое, всё новые и новые картины природы, поля, деревни и сёла со скоро промелькнувшей полуразваленной церковью, с утренними заботами каких-то людей, которые, не обращая никакого внимания на мчащийся поезд, пашут, пасут скот, топят печки, очевидно, готовя семейный завтрак.

Потом, в предвкушении как раз своего завтрака, Борис снова присел на свою постель и углубился в чтение учебника физики.

9

Но тут и появился Валера, со странно перекошенным, не выспавшимся лицом, с красноватыми, как у кролика, глазами. Он бухнулся рядом с Борисом на постель. Загадочно улыбаясь, посидел молча. А потом, заговорщицки, словно только что, спасая вселенную, совершил героический поступок, стал тихо рассказывать товарищу на ухо о своих ночных похождениях. О том, как всю ночь, пока Борька дрых и видел свои примитивные деревенские сны, он, Валера, целовал и держал в своих собственных руках, стоя в тамбуре вагона, самую красивую девушку Советского Союза. Ирину, значит.

Прямо так и...? – поинтересовался Борис, искоса глянув на приятеля.

Ну да, – многозначительно отвечал Валера, не стараясь в себе удерживать тайну. Он одновременно снимал рубашку и успевал ронять прямо в ухо товарищу восхищённые слова насчёт умения Иры целоваться, по поводу её ладной фигуры и тонкой талии. Даже насчёт её упругого восхитительного бюста, от прикосновения к которому было потерял сознание. Поднявшись на свою вторую полку, прикрывшись простыней и положив голову на подушку, он попросил товарища встать и уже тут, тоже ему в ухо, продолжал рассказ о ночном походе с девушкой а тамбуре ночного вагона. Веки у него слипались, рассказ терял связность, но, даже закрывая глаза, он продолжал балаболить о своих будто бы ночных приключениях.

Наконец Борису, только из-за приятельской вежливости слушавшему Валеру, надоели его словоизлияния и назойливо-таинственный шёпот. Он попросил его на секунду остановиться, пока он сходит за горячим чаем. А когда вернулся, Валера непробудно спал.

10

Через некоторое время пассажиры вагона закончили свой утренний туалет. Убрали со своих столиков разложенные для завтрака продуктовые запасы. Проводница, шаркая венником, отработала коридор около Бориса и вскоре добралась до другого конца вагона.

И тут, к большому удивлению Бориса, к нему подошла та самая красавица Ира, которая, по словам Валеры, приняла активное участие в его ночных похождениях. То есть целовалась с ним напропалую в тамбуре всю ночь.

Борис с неожиданно возникшим ревнивым чувством придирчиво осмотрел лицо Иры и вдруг с удовольствием отметил, что взгляд и прекрасное лицо Иры находились в превосходном, свежайшем состоянии. На этом лице, спокойном и умиротворённом, не было и намёка на какое-то ночное бдение. Не было похоже, чтобы эта девушка под грохот колёс поезда простояла в обнимку со случайным парнем в тамбуре всю ночь. Внезапная догадка осветила его лицо. Борис кое-что понял. Стало ясно, что Валера простоял всю ночь с другой девушкой. И наверняка из какого-нибудь другого вагона. Очевидно, всё так и было.

Борис молча улыбнулся гостье. Ирина тепло и, кажется, радостно поздоровалась. Присев на кончик полки, она поинтересовалась делами Бориса. Попросила его книги, пролистала, поохала, восхищаясь мнимым умением Бориса разбираться в этих трудных и непонятных, так надоевших в десятилетке и вообще тяжело усвояемых женской головой вещах, а именно математических и физических задачах.

– Я в школе вообще терпеть не могла этих точных-водосточных наук, – сообщила она Борису. – А математику пуще всех. И ещё эту, с чертежами, геометрию. Треугольники, многоугольники, пирамиды разные там, пирамидоны. Вот зачем нам всё это нужно? Ну, кто пойдёт в инженеры там, в учителя, конечно, им нужно, ничего не скажу. А вот нам-то зачем такую тоску с ними устраивать? Нам-то всем зачем терпеть такую муку? В жизнь это мне всё не пригодится. А нам надо давать минимум знаний по всем предметам, чтобы ориентироваться могли: прибавил – отнял, умножил – разделил. Чтобы вот захотел побольше узнать – нате, пожалуйста, поступай по специальности, никто тебе не мешает. Правда, Боря? – она после беглого пролистывания закрыла очередной учебник, положила книгу на место и, не изменяя улыбчивому настроению, взглянула на Елина.

Борису было непонятно, почему Ира, придя сюда, не заинтересовалась Валерой. Ведь, казалось, ещё при нём, в том купе, тот всё сделал, чтобы Иру привязать к себе, это было видно по его взглядам. И если они всю ночь были вместе, она должна была хотя бы взгляд бросить на него, спящего... С другой стороны, если он всю ночь провёл с другою девушкой, а говорил об Ирине, значит, капитально в неё влюбился? Разберись с ними, попробуй! Но, судя по её поведению, его товарищ интересуется её не больше, чем точные-водосточные науки? «Так что же это? – подумал Борис. – Выходит, она пришла сюда из-за меня?». Он обдумывал, что ей сказать на её вопрос, хотя и был-то это вопрос не такой уж серьёзный и основательный.

От мысли, что мог понравиться такой красивой девушке, он изрядно смутился, его широкие щёки зарумянились, глаза сами по себе опустились в вагонный пол. Почему-то, видя в разговоре с незнакомыми девушками, что он им нравится, он чувствовал себя неловко. Сам он ругал себя за эту черту характера, которая у него стала появляться после седьмого класса, и чем дальше, тем проявлялась всё больше и больше. Неслучайно он завидовал тем парням, которые, хотя и не обладали броским внешним видом, тем не менее умели быстро войти в контакт с женщинами, рассказать какую-либо историю или байку, чтобы тем самым их рассмешить и расположить к себе, чем и добивались поставленных целей.

Борис возмужал в то время, когда в стране не хватало мужского населения, поскольку война унесла сотни тысяч жизней, главным образом, мужчин. Мужиков в его деревне можно было по пальцам сосчитать. А баб и девок – почитай, вся деревня. Следовало ли удивляться, если на Бориса посматривали и вдовы, и подростки за войну девчонки, так и не вышедшие замуж, и сверстницы хохотушки. А он, превращаясь при этом в красную морковку, опускал глаза и больше не мог их поднять.

Вот и сейчас в вагоне. Ему теперь семнадцать лет. Он выглядел красивым здоровым парнем перед хрупкой большеглазой девушкой. Но, как в детстве, не мог даже слова подобрать, чтобы удовлетворительно ответить на заданный вопрос и тем самым завязать разговор. Ведь и вопрос свой Ира поставила исключительно для этой цели. Видя, что Борис вроде бы не расслышал её простой вопрос, Ира снова попыталась завязать разговор, на сей раз спросила, на какой факультет он собирается поступать в Омском политехническом институте.

Вчера же Валера сказал, что мы оба на строительный подадим документы, – недовольно буркнул он, не удостоив гостью взглядом.

Услышав в его голосе пренебрежительный оттенок, и, возможно, нежелание общаться с ней, Ира тихо встала и, ничего не сказав, ушла к своим подружкам.

Однако часа через два – три она вернулась. Её задело за живое, что этот широкоскулый верзила пренебрегает ею, несмотря на её видимые знаки внимания. Она к этому не привыкла. Она привыкла к другому, – к тому, что парни и женатые люди всё время ищут с нею общения, всегда пытаются переброситься хотя бы словом. В строительном управлении, где она работала до отъезда целых два года после восьмилетки, все парни и даже большие начальники всегда искали уединения с ней, чтобы заглянуть в её крупные голубые глаза, полюбоваться её фигурой и осанкой. А этот грубит и не желает приличной девушке лишнее слово сказать. Вот другой, его товарищ, сразу оценил её и глаз не сводил до самой полуночи, она это хорошо заметила.

Вот эти обстоятельства заинтриговали Иру. И ей хотелось узнать причину подобного невнимания Бориса. Однако и вторая попытка начать общение с ним не увенчалась успехом. Подсев к нему поближе, почти в касание, Ира увидела, что в книге осталось мало страниц, и с восхищением заметила ему, что он быстро изучает предмет – вон почти уже выучил физику.

Борис только отодвинулся в сторону окна, чтобы не касаться Иры вовсе. Потом подумал и произнёс:

Моя задача вот сегодня ещё одну книжку повторить, – и, не поднимая головы, он левой рукой дотронулся до стопки книг, лежащей перед ним сбоку на вагонном столике.

Но пора бы и перерыв устроить, – заявила она хозяйски-доброжелательным тоном, – в каждом деле отдых требуется, – она как бы не заметила безразличный ответ Бориса.

Я не устал, – отрезал Борис, как ножом.

Настроение девушки испортилось, и она, покрепче сомкнув губы, встала и покинула общество бестолкового парня.

11

После обеда, поближе к ужину, Валера наконец-то издав какой-то приветственный возглас, таким образом подал сигнал о своём существовании. Опустив руку к плечу Бориса, сидящему под его спальным местом, он спросил:

Который час?

Получив ответ, растянулся на своей полке, а потом, подперев подушкой подбородок, стал через вагонное окно обозревать пролетающие мимо природные окрестности.

Борь, я есть хочу, – устав от своего занятия, Валера мигом спрыгнул с верхней полки. Натянул рубашку и, всунув голые ноги в белые спортивные тапочки и прихватив из своего маленького чемоданчика мыло, зубной порошок и щётку, побежал в сторону умывальника. Для него утро началось именно в это время.

Борис к приходу товарища принёс для него и себя крепкий наваристый чай. И друзья сели за ужин.

Не успели будущие академики проглотить что-нибудь, как в их купе снова появилась Ира с одной из своих подружек. Увидев, что парни ужинают, девушки отпрянули было назад. Но Валера, разжёвывая кусочек колбасы, и издавая по этой причине непонятные звуки, схватил Иру за руку и головой пригласил её и подругу присесть. Гости послушались и присели. Парни предложили им попробовать домашней деревенской еды, где в основном фигурировали сало, хлеб и огурцы. Валера встал, чтобы бежать за чаем для гостей. Но девушки отказались, от всего, попробовав для приличия по свежему зелёному огурчику.

На сей раз Валера стал рассказывать о том, каким замечательным секретарём комсомольской организации он был в своей школе, в Александрове, какие актуальные проблемы поднимал в докладах, сделанных им на пленумах и собраниях городского комсомола. О том,

как его доклады и поднятые проблемы хвалили старшие товарищи, руководители городской организации КПСС.

Борис не знал даже, что его товарищ был комсомольским вожаком в школе, впервые услышал от него только сейчас. Но делать было нечего, оставалось только слушать и не мешать его болтовне. Ведь в этой болтовне Валера нет-нет да и призывал в свидетели Бориса.

Вот Боря может подтвердить, – говорил он, заглядывая в глаза товарищу, и Боря согласно кивал головой.

Зачем все эти полувыводки Валере нужны, Борис не понимал. Неужели девушке, если ей понравился, так важны все эти общественные поручения? Ведь если понравился, то и без твоих докладов девушка обойдётся. Во всяком случае, так должно быть. Так рассуждал Елин, слушая, как беспрестанно, красиво и правдоподобно врёт девицам его товарищ. Вот ведь с кем, вот ведь с каким деятелем придётся жить бок о бок пять лет подряд, если поступишь в институт! Борис и сам бы не поверил его рассказам, если бы Валера так часто не призывал его в свидетели – подтверждать, что было и что не было.

А ты тоже комсомолец? – среди беседы спросила Ира Бориса.

Нет, я учился не слишком хорошо, и меня не принимали, – ответил чистосердечно Борис. Здесь обе девушки вопросительно вытаращили глаза. Только что вчера вечером Валера повествовал им всем о выдающихся способностях Бориса. И о том, что он учился на самые самые пятёрки.

Валера, увидев удивлённые глаза девушек, быстро понял опасность и постарался сгладить недоразумение.

Боря у нас самый скромный человек на свете, – заявил он, широко улыбаясь. – Его не из-за успеваемости не приняли в комсомол. А из-за поведения. Это сейчас он, как ягнёнок, серьёзными делами занят, потому и притих. А так он буйный очень. Силища в нём – не знает куда девать, целый склад мускулов. Вот он и раздавал в школе беспокойным школьникам щелчки да подзатыльники, кому надо. Лишь бы дисциплина на уроках держалась. А учителя этого никак не понимали, что он им помогал. Вот на приёме в комсомол и нажил себе противников.

Девушки слушали молча.

Но ничего, Боря, – глядя на него покровительственно и со смеющимися глазами, продолжал Валера. – Как вот только поступим в институт, сразу тебя в комсомол примем. Там ведь не знают о твоих проделках и затрещинах. В школьной характеристике об этом ни слова.

Короче говоря, Валера всюду валял дурака, рассказывая девушкам разные небылицы с участием Бориса, стараясь, видимо, выдавать желаемое за действительное. Однако Ира в основном смотрела на Бориса, не слушая речи Валерки и время от времени задавая вопросы только Боре.

Борис отвечал нехотя и кратко, затем Валера принимал эстафету и продолжал отвечать вместо товарища, придумывая всякую ерунду, лишь бы девушки были довольны, лишний раз улыбнулись и не спешили удалиться.

Но, видя, что Борис и на этот раз глух к её стараниям, Ира, скоро разочаровавшись, покинула общество молодых людей. За нею поднялась и подруга.

Да ты что сидишь, как индюк, надувшись? Ты что не смотришь на девочек? – возмущённо накинулся Валера на Бориса после ухода приятных гостей. – Они с тобой поговорить хотят, она же специально подругу привела, чтобы с тобой поближе познакомиться. А ты в книжку уставился. Неужели она тебе не понравилась?

Кто? – повернулся к Валере Борис.

Ну, подруга Иры, отличная девица, всё при ней. Не разглядел что ли?

А ты, значит, Ире понравился, да? – задержав на товарище взгляд, спросил Борис.

Ну, ясное дело, я ей нравлюсь. Ночью мне говорила. Сначала мне она не приглянулась. А потом, когда позвала в тамбур, там я её поближе разглядел. Ну, а к утру, откровенно говоря, она и мне понравилась, – произнёс Валера и, на секунду задумавшись, замолк. А потом мечтательно и с сожалением продолжал. – Девушка первоклассная, высший класс, за неё можно и жизнь отдать, а за один поцелуй гору свернуть.

Вот ещё чего не хватало, – сердито высказался Борис, – Мы ведь с тобой учиться едем. А не выбирать невест. Чего сейчас о них думать, голову без толку лишними мыслями забивать? Давай сначала в Омск приедем, в институт поступим, а потом уж и займёмся этими делами. Если время будет, конечно.

Ну ты даёшь! – засмеялся Валера. – Смотри, сколько их вокруг. Ведь все они мучаются, всем им хочется, чтобы мужики их потискали, а ты, как монах, сиднем сидишь! В институт мы с тобой всё равно поступим, это я тебе гарантирую. А вот таких девушек, как сейчас тут у тебя под боком, уже прямо на постели, высиживали, уж не найдёшь.

Почему же не найдёшь? Они ведь тоже в Омск едут, там и работать будут.

Вот-вот. А чтобы в Омске связь не разрывать, надо их здесь, в поезде, хорошенько прижать и получше подготовить. Контакты наладить, чтобы потом никто их не отшил. Непонятно, что ли? Такие девушки быстро найдут себе, кого надо, если ты на них индюком будешь пушиться.

Если ты, Валерка, планируешь дружить с девушками надолго, то я не хочу, чтобы ты из меня делал посмешище, – не глядя на приятеля, но с заметным волнением в голосе заявил Борис. – Я бы смолчал, если бы ты не показывал меня чёрным, а себя белым. Ты прекрасно видишь сам, что Ира на тебя не обращает внимания. А ты из-за неё готов своего друга при девках приложить, с которым пять лет жить рядом собираешься. Я уже со вчерашнего вечера, как ты повёл себя так странно, математикой и физикой заниматься не могу. Всё думаю, ради чего ты меня таким клоуном выставляешь перед ними. Думай сам, как по-другому к Ирке подойти. Хоть все ночи в тамбуре стой, мне какое дело. А за меня ты не беспокойся. Не поступлю в институт, так пойду на стройку, туда, где эти девки собираются работать. Хуже не будет. Там тоже люди нужны.

Валера остолбенел и пошёл по веснушчатому лицу красными пятнами. Он вытаращил на соседа глаза и сначала ничего не мог ему сказать. Его сразило то, что у этого тихони, стеснительного парня из деревни, хватило мозгов, чтобы разгадать его поведение. Неужели он понял и его тайную игру с намерением: принижая личность Бориса, постепенно, по ступенькам, подниматься в глазах

Ирины и добиваться её расположения? Он краснел оттого, что этот Борька оказался не таким уж простым фруктом, из которого можно лепить, что хочешь. Значит, не такой уж он тупой и тяжелоподъёмный.

Замечание Бориса было настолько справедливо, что Валерка не сразу сообразил, что нужно делать. Но всё-таки решил, что извиняться и просить прощения за якобы не вполне обдуманное слово и действия при девушке, в которую влюблён, это уж слишком, и означает здорово унижить себя перед другом. Поэтому он выбрал другой вариант поведения:

Да что ты, Борь, это ведь просто так, в шутку. Чтобы время провести. Ведь пришли девки – надо же их как-то развлечь. Ты-то ведь молчишь и молчишь, мне что делать прикажешь? Я и не думал, то ты всё это воспримешь в таком негативном смысле. Я ведь говорил не специально, без всякого умысла.

Для смеха можно анекдоты рассказывать, – обиженно буркнул Борис, выслушав витиватые объяснения Валерки.

Наступила молчаливая пауза. Борис делал вид, что изучает свои книги, перелистывая их по одной. Иногда долго вглядываясь в какую-нибудь страницу.

Валера в это время, уже посерьёзнев, про себя размышлял, что его, в общем-то, безобидный поступок стал на деле причиной появления трещины в добрых отношениях с Борисом. И чем дольше он про себя рассуждал об этом и вспоминал свои слова и предпринятые шаги, тем всё больше признавался себе, что поступил нехорошо и даже неприлично по отношению к Борису, к которому ещё на свадьбе расположился ввиду его доброго и тихого поведения. Признаваясь в своей неправоте, Валера в то же время и обвинял Бориса в его, как ему казалось, излишней нетерпимости и официальности к нему. «Чтобы добиться девичьего внимания, можно и такие, и почище фокусы придумать. Лишь бы дали положительный результат. Я, например, не обиделся бы, если бы он сам поступил так по отношению ко мне. Принял бы за игру и не увидел бы тут ничего особенного», – раздумывал Валера. И чем больше думал, тем больше считал инцидент исчерпанным и не стоящим выеденного яйца. Через некоторое время Валера таким образом успокоился и направился в другой конец вагона, к девицам. С этого момента Валера до конца поездки пропал там, в предпоследнем купе, в обществе всесторонне приятных барышень.

С Борисом почти не общался, да и практически они не виделись, хотя и ехали в одном купе. Боря пока ещё не мог окончательно простить Валере его легкомыслие и клоунаду. А Валера уже не хотел больше тревожить Борю, раз уж он такой обидчивый и непонятливый. К тому же Валера, занятый серьёзными сердечными делами, перепутал день и ночь, то есть бодрствовал ночью и драл днём. Борис же вёл нормальный и правильный образ жизни – ночью, как все порядочные люди, отдыхал, а днём и утром занимался книгами и наблюдал пролетающие заоконные окрестности...

Поезд в Омск прибыл поздним вечером. Вот тогда после долгого перерыва друзья снова заговорили.

– Боря, возьми и мой чемоданчик, пожалуйста, – попросил Валера, проходя мимо своего купе к выходу. Его руки были заняты сумками и чемоданами, впереди и позади его шли девушки – Ирина и её подруги.

Поздоровавшись с Борисом, оживлённая компания прошла к выходу, в тамбур, за ними поплёлся и Елин. Проводив девушек до такси, Валера не стал обмениваться с ними адресами, поскольку у девушек адреса пока не было, но телефон и адрес свой Валера дал девушкам ещё в поезде.

Борис настаивал подождать до утра на вокзале, но Валера убедил Бориса, что дядя и его жена отличные люди, и если они заявятся к ним даже за полночь, не обидятся. А будут даже рады.

Ты знаешь, и дядя Митя и тётя Клара, его жена, меня, как сына любят. Одно время уговаривали мать, чтобы она разрешила им усыновить меня... Так что, Борька, не бузи, мы с тобой ко мне домой идём, а не в гости, – заверил Валера Елина, забыв вообще о том, что произошло в поезде.

12

Действительно, услышав голос племянника, дядя Митя на том конце провода обрадовался его приезду. Спросил о здоровье сестры, матери Валеры, велел никуда не отлучаться и ждать его у главного входа в вокзал, около уже закрытого киоска «Союзпечати». Ждать дядю Митю пришлось недолго. Оказалось, жил он в доме, прямо против вокзала, на другой стороне широкой, ярко освещённой улицы. Выглядел дядя Митя лет этак на пятьдесят пять – пятьдесят восемь. Он был высок и строен, лишь немного сутулился при ходьбе. Удлиненное сухощавое лицо излучало тепло и доброту. Обняв Валерку, он долго не выпускал его из объятий, разглядывал и ворошил рукой ему вихор. Поздоровавшись очень тепло с Борисом, он вопросительно взглянул на племянника.

Валера изложил ему краткую биографию Бориса и извинился перед дядей, что не смог заранее сообщить, что едет вместе с товарищем.

Дядь Мить, мы с Борькой вместе хотим поступать, – закончил он.

Узнав, что Елин из его родных мест, дядя Митя очень обрадовался, спросил, как поживает его наумовский знакомый, Никита Ярославцев.

Борис рассказал печальную правду о Никите: он не возвратился с фронта Отечественной. Дядя Митя посерьёзней и задумался.

Да-а. Проклятая война унесла многие жизни. Многих хороших русских мужиков, – с сожалением произнёс Дмитрий Никитич, глядя куда-то вдаль. – Я ведь с ним вместе рос, знал, как родного брата, хороший был человек.

Он встрепнулся, как бы отгоняя воспоминания:

Ну ладно, ребята, потопали, до дома недалеко. Сейчас Клара Константиновна тревожится и наверняка уже через окно смотрит, идём мы или нет, – и направился от вокзала. За ним спешил Валера. А поодаль Борис.

Как мама? – не оглядываясь, спрашивал Дмитрий Никитич племянника. – Ноги-то сильно беспокоят?

Всё так же, дядя Митя. Лекарство, что вы прислали, тоже не помогло. Гудят у неё ноги и гудят, особенно при перемене погоды.

Вот-вот, не слушается она меня. Ей здесь, в Сибири надо жить. Здесь природа стабильная, относительно, конечно. А ей, видите ли, не хочется оставлять родные места. Да и Москва, мол, рядом. Для неё, видишь ли, Москва под боком важнее, чем собственное здоровье. Никак не могу её сагитировать переезжать в Омск. Может, ты, Валерка, теперь её сможешь убедить. Поскольку здесь жить будешь. Поживёшь, увидишь прелести омской природы и напишешь ей, переманишь. Я со многими знакомыми врачами разговаривал. Надо ей или сюда переезжать, или на юга. Так врачи советуют. А на югах у нас с тобой, Валера, друзей и родственников нет. Потому остаётся только Омск.

Не успели дядя с племянником обсудить один из важных семейных вопросов, как все трое вошли в подъезд пятиэтажного дома и по широкой лестнице поднялись наверх. На третьем этаже дверь одной из квартир была уже полуоткрыта – их ждали. И дверь раскрыла настужь и прислонилась к косяку, встречая их, немолодая женщина в полосатом мохеровом халате. Полное круглое лицо женщины сияло улыбкой. Как только все трое мужиков поднялись на лестничную площадку, хозяйка квартиры всё с той же сияющей улыбкой двинулась им навстречу, приговаривая:

Валерка наш, Валерка приехал! Какая радость, дождались, наконец! – И, обняв парня, женщина поцеловала его три раза в щёки. – Ну и вырос ты! Вырос, возмужал. Разве это тот самый хилый мальчик, что был? Жених, тут нечего и говорить!

Увидев рядом с Валеркой незнакомого парня, Клара Константиновна обняла и его, ничего не спрашивая, догадавшись, что Валерка приехал не один и явно с другом.

Как там мама, ничего? – спросила Клара Константиновна, пропуская мужиков впереди себя. Она захлопнула и заперла за собой на замок дверь. Здесь же, в передней, нашла для парней тапочки, переделанные из старых летних сандалий. Её вопрос фактически не требовал ответа, потому что впереди предстояла более основательная беседа с Валеркой.

В трёхкомнатной квартире тёти Клары царил идеальная чистота. Через открытые двери Борису было видно, как аккуратно и со вкусом расставлены кровати, диван, стулья. В доме было хорошо и уютно.

Однажды Борису в Александрове как-то пришлось побывать в квартире у одного школьного товарища. Его родители служили какими-то там большими начальниками. Мебель в квартире собралась новая. А комнаты напоминали забитый вещами склад, некуда

ногой ступить. К тому же, по следу пальца по столу, слишком явно замечалось, что хозяйка по несколько недель не берёт в руки тряпку.

Здесь же всё виделось наоборот. Обои на стенах в прихожей улыбались, краска на стенах в кухне сияла, словно вчера провели ремонт. По всему виделось, что хозяйка, тётя Клара, очень домовитая и аккуратная женщина. В деревне мать Бориса Дарья Силантьевна тоже в свободную от работы минуту не выпускала тряпку из рук, проходила по всем углам и закоулкам. Но даже с наумовским домом чистоту и уют этой омской квартиры Борис сравнить бы не смог. Борису нравились чистоплотные женщины, и он имел привычку оценивать, кто чего стоит, именно по порядку и чистоте в доме. И, несмотря на свой, ещё ничтожный жизненный опыт, он готов был клятвенно утверждать, что ленивая женщина, не заботящаяся о чистоте домашнего очага, не может быть ни добрым человеком, ни хорошей хозяйкой, ни хорошей женой и матерью. Так что тётю Клару он с первого взгляда занёс в список самых лучших и ответственных женщин и не ошибся...

13

Угостив приезжих горячим сладким чаем и бутербродами с сыром, тётя Клара сама присела за стол в кухне вместе с ребятами. Подробно расспросив о семейных делах Валерку, стала заботливо и трогательно знакомиться с Борисом. Заметно было, что она от души рада приходу в дом этого неуклюжего, нестандартного парня и считает сейчас, после знакомства с ним, своим долгом помочь ему и поучаствовать в его судьбе, раз уж обожаемый ею племянник привёз своего друга с собой.

Клара Константиновна вместе со своим мужем преподавала в Омском политехническом институте математику. До экзаменов оставалась всего одна неделя, и добрая женщина решила по-домашнему проэкзаменовать новоприбывших абитуриентов. В случае слабых знаний, а это можно назвать очевидным, она взялась подготовить их к вступительным экзаменам по всей форме, чтобы ребята получили хотя бы положительные оценки.

У нас в институте обычно каждый год бывает недобор, но с двойками всё равно не берём. Поэтому прямо с завтрашнего дня я буду заниматься с вами по несколько часов подряд. Сначала ведём теорию до обеда. А после обеда перейдём на практику. Задачи и примеры будем решать.

Борису слова хозяйки очень понравились. Однако его волновал во всём этом один момент. Он считал, что Валерка, наверно, будет жить с ними, потому как он словно родной сын при них, а ему после сдачи документов придётся устроиться в общежитие. И за подготовку, наверно, тоже придётся хозяйке платить, чего он не сможет при скудных финансовых средствах. При мыслях об этом лицо у Бориса нахмурилось и стало заметно озабоченным. Не прошло это и мимо взгляда Клары Константиновны. Она явно догадалась о внезапно испортившемся настроении парня, и потому, глядя на мужа, произнесла, скорее для Бориса, чем для мужа:

Мить, пусть ребята поживут у нас. Мне будет легче с ними заниматься. Да и для них полезно. Пусть не теряют время на дорогу и прочие дела. Им всё это время надо хорошенько позаниматься. Иначе студенческого билета им не видать.

Конечно, конечно, дорогая. Если только они не против? И Валерка, и Борис будут жить у нас, разве они могут отказать такой прекрасной даме, как ты! Правда ведь, парни?

Парни дружно кивнули головами в знак согласия. Причём Борис не только кивнул, но и немного покраснел и вскинул глаза на Валерку. А тот, дожёвывая бутерброд, снова замахал головой, как лошадь. Но лошадиное помахивание головой Валеры Клара Константиновна восприняла как должное, потому что Валера так или иначе должен оставаться у неё на жительство: её дом – его дом. Но её интересовало согласие Бориса. Понравился ей этот

скромный, даже чересчур тихий парень со слегка испуганными глазами, которые как бы спрашивали – не надоел ли он своим присутствием хозяевам такой чистой и уютной квартиры. Клара Константиновна взглянула на мужа, и тот, сразу перехватив её взгляд, не заставил себя ждать.

А Борька-то чего молчит? Не уважает красивых женщин, что ли? – со смешком в глазах спросил Дмитрий Никитич.

Борис Елин, чуточку покрасневший от горячего чая, от чрезмерного внимания совершенно незнакомых, но очень добрых людей, сначала глянул на Валерку, потом на тётю Клару, которая в это время с доброй и искренней улыбкой смотрела на него, и наконец с трудом выдавил из себя:

Да, конечно, огромное спасибо!

Тётя Клара, довольная, словно это она сама сдала трудный вступительный экзамен, отчего улыбка ярче засветилась на её, ещё хранящем красоту лице, потянулась к чайнику, чтобы повторить для гостей чайную заварку. И как только наполнила чашки кипятком, предложила ребятам распорядиться самим, а сама извинилась, поднялась от стола и ушла готовить комнату для ночлега.

Вскоре хозяева и гости, перебросившись несложными фразами, пожелали друг другу спокойной ночи и разбрелись по своим местам. Молодые люди, осовелые от вагонной усталости, от сердечного приёма и сытной еды, немного поговорив, уснули глубоким убойным сном.

14

На следующий день парни бесстыдно проснулись только к обеду...

Вот с этого момента для абитуриентов Омского политехнического института началось настоящее ученье. Как сказал бы бюрократ, – кропотливый труд по искоренению пробелов и по овладению знаниями в объёме средней школы под пристальным и чутким контролем Клары Константиновны и Дмитрия Никитича Каракозовых.

Первые уроки показали заслуженным преподавателям глубокую бездну, в которую провалились все знания, накопленные приятными мальчиками из Подмосковья за десять лет своей школьной жизни. Они напрасно потеряли эти десять лет и так же напрасно протирали на партах купленные на отцовские деньги штаны.

Чтобы парни смогли показать на экзаменах хотя бы минимум знаний, позволяющих им увидеть свои фамилии в студенческих списках, Клара Константиновна и Дмитрий Никитич придумали для своих подопечных жёсткую ускоренную программу подготовки к экзаменам. Эта программа не давала будущим студентам расслабиться и забыть цель своего приезда в сибирские просторы. Распорядок дня уплотнили до немыслимых в другое время границ. Исключили свободное брожение по городу, а также походы в кинотеатры и прочие культурные заведения. Время между уроками, или занятиями, так называемые перемены сократили до пяти минут. Десять минут давали на большую перемену. За обеденным столом сибаритствовали не больше пятнадцати – двадцати минут.

Если преподаватели отлучались по своим служебным делам, то заранее задавалось столько примеров, что одно переписывание с учебника на тетрадку занимало всё это время свободы, не разгуляешься. А ведь ещё надо их решать, записать решения.

Короче говоря, юные абитуриенты находились как бы взаперти, словно в темнице, и не могли не подчиниться суровому диктату этих бескорыстно, искренне помогающих тебе людей. А как же иначе, если добрые люди постановили сделать из безформенных шалопаев и двоечников настоящих, мыслящих людей!..

Ну что ж! За семнадцать дней Каракозовы сумели привить бывшим двоечникам уважение и даже любовь к ученью и основательные знания, которые помогли подмосковным парням стать студентами Омского политеха!

15

Оба приятеля стали первокурсниками строительного факультета.

И вот наступило первое сентября!

Борис и Валера, уже настоящие друзья, отправились в институт, разодетые, по студенческим понятиям, в пух и прах, – а это означало – в светло-коричневые костюмы и новые парусиновые туфли. По случаю поступления сына в институт отец Бориса был настолько изумлён, что, получив телеграмму, немедленно отправил, телеграфом же, сыну-студенту полторы тысячи рублей.

С сияющим радостными лицами они окунулись в шумную студенческую толпу и с трепещущими сердцами открыли массивные двери политеха, направляясь в фойе, где на стене уже висело расписание занятий по факультетам и курсам.

С громкими криками, топаньем и прочим шумом новоиспечённые студенты восторженно обсуждали новые дисциплины, которые, согласно расписанию, предстояло осваивать, расспрашивали друг друга, где, на каком этаже или в каком корпусе та или иная аудитория. А некоторые молча и сосредоточенно, заметно бравируя новыми вечными ручками, записывали в свои тетради порядок занятий. Толпа у расписания скопилась огромная, не все могли взять то, что нужно им в первую очередь. Поэтому приходилось понемногу, по мере ухода впереди-стоящих, приближаться к самому вожделенному стенду, на котором аккуратно хорошим каллиграфическим почерком, на белом, прекрасного качества ватмане, красовался студенческий план институтской жизни. Особенно трудно и неудобно приходилось коротышкам вроде Валерки, которому такое испытание самолюбия доводилось переживать не впервой. Парень некоторым особо рослым студентам доходил до груди, поэтому для него настоящей стеной вставали спины, то мужские, то девичьи. С девичьими, конечно, иметь дело бывало приятнее, но рослые парни не раз заставляли его взывать, наступая ему на ноги. Впрочем, Валера так же страдал и от высоких девичьих каблуков.

Борис застал Валерку крепко зажатым между двумя высокими уверенными девушками, причём Валерка не знал, радоваться ему или вырываться, спасая жизнь. Спас его Борис, который благодаря своему высокому росту успел раньше его записать расписание занятий своего курса и своей группы. Вытащив помятого Валерку из мятущейся толпы, Борис отправился вместе с ним искать аудиторию номер пять. По пути новички расспрашивали встречавшихся работников института и всех, кто попадался в коридорах...

Первый день занятий, прослушивание первых лекций и участие в первых семинарах показали Борьке, что институт – это уже не средняя школа, где при желании можно и дурака повалять, а самые настоящие трудовые будни, в какой-то мере почище, чем сенокос или уборка картофеля в колхозе. Тут надо попотеть по-настоящему, чтобы не осрамиться перед такими же, как ты, парнями, перед семьёй, перед которой взял на себя какую-то ответственность, а также перед самыми добрыми и бескорыстными на земном шаре людьми, каковыми для него стали Клара Константиновна и Дмитрий Никитич...

Программа лекций по математике в первый же день ученья была до того обширна и уплотнена, что за два часа лектор вспомнил всю математику средней школы. Да ещё порядком добавил новой информации. Борис, когда шёл на лекцию, подумал, что всё так же будет, как и в школе первого сентября, – поговорят с учителями о том, о сём и особенно о том, как провёл лето, и на этом расстанутся.

Всё оказалось по-другому. Преподаватель, с бородой, как у Маркса, вошёл в аудиторию, поздоровался, представился, записав свои реквизиты на доске. Сразу же, не расхолаживая публику, начал лекцию и рассказывал в таком темпе, что казалось, будто его у подъезда ждала пожарная машина, и он, прочитав лекцию, быстро наденет блестящую каску и побегит тушить пожар. Он рассказывал притом с такой уверенностью, что парням и девушкам, включая Бориса и Валерку, казалось – он таким образом говорит:

– Я свой предмет знаю хорошо, а вы все тут просто дураки! И чего я тут с вами время теряю?

Борис не привык писать так быстро и не мог за ним успевать. Намечал только некоторые слова и фразы. А остальные пропускал. Только некоторые моменты удавалось зафиксировать хорошо. После лекции пытался прочитать написанное. Но увы! – не смог свой же почерк разобрать.

Ещё хуже получилось на следующий день, когда начали изучать начертательную геометрию. Почти всё, что сказал преподаватель на лекции, Борьке не вместились в голову.

Вот и пришлось обратиться за помощью снова к Кларе Константиновне, и та в очередной милосердный раз назначила своим подопечным дополнительные занятия.

И теперь только Борис Елин почувствовал, что всё это происходит не во сне, и что он по-настоящему поступил в институт.

Глава 9 Омский студент

1

Как и предполагалось, Валерка стал жить у своих, как бы приёмных, родителей, а Борис устроился в общежитие института. Общежитие находилось недалеко от дома, где проживали хорошие, добрые люди Каракозовы. Поэтому-то Валерка часто пропадал у Борьки, а Борька бывал чуть пореже в квартире Каракозовых.

Старательности и трудолюбия у Бориса, если уж он захочет, не отнимешь. Теперь уже он поставил перед собой цель – во что бы то ни стало окончить вуз. Всё теперь складывалось хорошо: соединялись вместе великая родительская забота, помощь преподавателей четы Каракозовых, потому и появилась у парня уверенность, что институт он всё-таки закончит и получит какие надо «корочки», то бишь диплом. Но это и возможность учиться основательно и приобрести нужные в дальнейшем знания – уж не так, конечно, как в школе.

Очень скоро ещё одно обстоятельство позволило Борису подняться в своих собственных глазах. На четвёртой неделе учёня урок физкультуры провёл новый преподаватель. Николай Иванович Рябушкин, высокий, худощавый с впалыми щеками и острым носом, словно клюв у орла, ещё достаточно молодой. Когда закончились занятия по бегу на стометровку по программе, Николай Иванович предложил Борису записаться в секцию волейболистов. Волейбольная команда политехнического института славилась своими победами не только в масштабе института и города, но и в области и в Российской республике. Об этом Борис узнал ещё раньше, чем агитировал его Николай Иванович. Во время посещений консультаций к экзаменам Борис услышал много хороших слов от абитуриентов, которые в перерывах, покуривая на лестничной площадке этажа, в так называемой курилке, рассказывали друг другу все узанные новости об институте, гордились, что поступили в такой престижный в здешних краях институт как Политех и с восторгом, стараясь удивить друг друга, сообщали о больших победах институтской волейбольной команды на спортивных площадках.

А из тебя, Боря, между прочим, выйдет хороший спортсмен-волейболист. Ты ведь и ростом вышел и силой удара тебя Бог не обделил, – так уговаривал Бориса тренер и преподаватель.

Да что вы, Николай Иванович, у нас в деревне некогда было и в волейбол-то играть. Я и мяч-то видел всего несколько раз в своей жизни, какой уж из меня спортсмен! – Кем-кем, а уж участником легендарной институтской команды он себя вовсе не представлял. Видя, что преподавателя эти выкладки не обескуражили и он всё-таки с интересом приглядывается к нему, Борис снова возражал, выкладывая дальнейшие аргументы:

Вы сами понимаете, у нас в деревне свободного времени не бывало, там не до волейбола. То сено надо заготавливать, то картошку полоть, то за коровой ходить. Так что из меня спортсмен, как китайский император.

Да ты не бойся, Борис, ты овладеешь техникой, научишься, потренируешься, всё придёт. Давай, соглашайся. Это тебе и для себя нужно. Спорт дисциплинирует человека, волю укрепляет. И, я тебе гарантирую, учиться будет веселее. Приходи послезавтра после занятий на тренировку. Сюда же, на стадион. Посмотришь. Не понравится – будь по-твоему. А понравится – вылепишь из себя настоящего волейболиста.

Елин слегка улыбался настойчивости тренера, который не понимает, кого вербует в секцию. Он неуверенно, в знак вежливости, чтобы закончить этот бесполезный разговор, кив-

нул. «Потом забудет, – подумал он о тренере, – мало ли у него забот, да и с моим ростом в институте хоть пруд пруди, это я ему просто под руку подвернулся».

Ну, смотри, не опаздывай на тренировку. В спорте самое главное – дисциплина, – улыбнулся тренер. Кажется, он остался доволен видимым согласием парня, похлопал его по плечу и, высоченный, ускорил свои аршинные шаги и быстро опередил группу студентов, уходивших со стадиона к автобусной остановке.

А ты чего ломаешься, как мятный пряник? Такое дело тебе человек предлагает, а ты – я, видишь ли, деревенский, мяча не видел, сено косил...

Валерка, шедший рядом и оказавшийся свидетелем разговора с Николаем Ивановичем, недовольно и с возмущением во взгляде, посмотрел на Бориса.

Голова садовая! Будешь играть в волейбол за институт, и тебя никогда не отчислят из института. Непонятно, что ли? Будут делать поблажки. Ведь как никак, честь института защищать будешь на просторах Родины. Я об этом знаю. Рассказывали недавно ребята-старшекурсники.

Ладно, посмотрим. Но играть-то я всё равно не умею! Где и когда я играл в волейбол? В футбол ещё мы в деревне на лугах гоняли. А волейбол...

Ну так что же? Ты же будешь тренироваться! Смотри, как тебе повезло! У тебя же все параметры внешних данных подходят. Остаётся только руками размахивать.

А они что у тебя – короткие, что ли? Уж чему-чему нас тётя Клара научила – математике! Так неужели Рябушка толкать мяч не научит? Я и то уж немного в школе и во дворе играл. А что? Давай, учись играть, будешь потом капитаном институтской. Потом меня возьмёшь в команду, уговоришь Рябушку, чтобы нас с тобой не разлучал. Будем ездить с тобой по советским городам, будем казённые деньги в гостиницах проживать и в столовых на талоны харчеваться. Чем плохо?

Ну ты даёшь! Ладно, ладно, будет тебе! – усмехнулся Борис маниловским мечтам своего друга.

Хорошо, хорошо. Пока закончим это разговор.

Друзья, не заметившие в беседе расстояние и время, быстро юркнули в автобус, ещё не успевший закрыть двери.

2

Через день, когда закончились лекции, Валерка напомнил другу о тренировке по волейболу. Борис, уже позабыв о разговоре с тренером, равнодушно махнул рукой и соорудил гримасу: мол, я забыл и тебе не советую вмешиваться в чужие дела. Однако едва Елин успел выйти из аудитории, как увидел, что в коридоре его поджидает Николай Иванович Рябушкин собственной персоной. Светясь улыбкой, как солнышко в ясную погоду, Николай Иванович приветственно протянул рослому первокурснику руку, – для студентов первого курса это невероятная честь! – а другой похлопал удивлённого и смущённого студента по плечу:

Борька, не забыл, что сегодня у тебя экзамен по волейболу? На городском стадионе «Локомотив»?

Не ожидавший подобного внимания от уважаемого в институте человека, Борис на секунду замешкался, не зная, что ответить на этот шутливый, но прямодушный намёк: такой поворот дела вовсе не соответствовал его сегодняшним намерениям. Но, видя дружеский взгляд на себе тренера, он размяк и ответил:

Нет, нет, Николай Иванович, не забыл. Вот сейчас выпью стаканчик чаю и отправляюсь на стадион.

Вот-вот. Правильно, молодец! А то я думаю, вдруг парень забыл в суете тяжёлой студенческой жизни. Отправляйся, и я скоро там буду.

Мгновенно напустив на лицо строгость, Николай Иванович кивнул головой, видимо, в знак одобрения обязательности студента. И жирафьими шагами отошёл в сторону, взяв курс в направлении на кафедру физ воспитания.

Ну, Борька, везёт тебе, – изумлённо вытаращил глаза стоявший рядом Валера. Глядя вслед уходящему тренеру, он добавил:

Смотри-ка, сами преподаватели к тебе на поклон идут. Ты уж смотри, не подводи! Давай-ка скорей в буфет, а оттуда на стадион. И я с тобой, так и быть, приду. Посмотрю на твой первый урок. Тебя поддерживать буду!

Ну, пошли, – усмехнулся Елин и торопливо, не глядя на земляка, двинулся к лестнице, на первый этаж.

3

Волейбольная команда института, собравшаяся на стадионе «Локомотив», по количеству игроков или тренируемых выглядела внушительной. Студенты здесь были все, как на подбор, рослые, крепкие и весёлые. Вообще говоря, здесь собралось несколько команд, и ещё столько же шумной студенческой и окрестной дворовой публики пришло поболеть или просто поглазеть на игру своих любимых игроков. И тренеров насчитывалось несколько. А среди них главный – Николай Иванович Рябушкин.

Вот раздались сразу несколько судейских свистков, и народ, мгновенно оторвавшись от беспорядочных мотаний на турниках и с мячом по площадкам, молниеносно построился в своих командах. Молодёжь на поле крытого стадиона разделилась на четыре команды, заняв две отведённые для волейбола площадки. А новички, изъявившие желание изучать азы большого, модного в те годы спорта, под руководством Николая Ивановича Рябушкина, недалеко по указанию тренера разделились на две группы. По обе стороны волейбольной сетки они приступили к первым урокам мастерства.

Новички отрабатывали умение бить по мячу руками, но не ладонью, как это делали многие, – коровьим шлепком, а кончиками пружинящих пальцев. Конечно, самым неумелым игроком в команде новичков оказался наш Борис Елин. Как раз он прикасался к мячу всей поверхностью ладоней, и звук удара по мячу раздавался глухим мягким шлепком, словно автор удара три дня не завтракал, не обедал и не ужинал. Отчего от души накачанный мяч, сопровождаемый взрывом смеха окружающих, падал в двух шагах от новоявленного спортсмена. Своеобразный игровой почерк будущего волейболиста все воспринимали с весельем, но только не сам Елин. Борис этот смех воспринимал очень тяжело. Он краснел, отчаянно переживая своё неумение бить по мячу. При неудачах он то косил глазом в сторону тренера Рябушкина, то лихорадочно высматривал среди болельщиков своего друга Валерку. А встретившись с ним взглядом, перекашивал лицо и старался потом увильнуть от мяча. Однако Николай Иванович всё видел и не давал Борису ни расслабиться, ни спрятаться от мяча. Он терпеливо подавал команды:

– Петров, подавай мяч к Елину! Вы тоже не чемпионы! Елин, подавай мяч к Неверову!

И, хочешь или не хочешь, – через считанные секунды мяч снова оказывался в руках нашего новичка.

Но вот что удивительно – к концу занятий Борису Елину всё-таки удалось научиться ударять по мячу должным образом! За что от Николая Ивановича он получил вполне искреннюю похвалу!

Действительно, сначала Борис боялся мяча и, когда он по воздуху, словно коршун, летел на него, он инстинктивно закрывал глаза. Но, то ли в нём спала и проснулась неуёмная энергия, то ли отчаяние оттого, что ни на что не годен по-настоящему, но он стал относиться к мячу, как к своему кровному врагу, и кулаком что есть силы посылал мяч через сетку

в поле противника. Да так, что никто там укротить или отбить его не мог. Удары у Едина получались сильными, мгновенными, да и непредсказуемыми, и, как ни странно, всё чаще попадали в цель.

4

Чудеса, да и только, – буквально за считанные недели тренировочных игр Борис так увлёкся волейболом, что оказался одним из лучших игроков институтской волейбольной команды. Через месяц, поощряемый Рябушкиным, используя долгие и упорные тренировки, он перешагнул все промежуточные группы, игроки которых постепенно наращивали свою классность. И его вскоре перевели сразу в сборную институтскую команду, и не в запасной, а в основной состав, приносящий победы Политеху.

В первокурснике Борисе Елине за максимально короткий срок раскрылся недюжинный талант спортсмена волейболиста. Институтские дела, кажется, теперь тоже стали идти веселее. Став известным в институте спортсменом, – а о нём институтская многотиражка написала целый очерк: о том, как, меньше чем за месяц, одарённый студент стал полноправным членом прославленной в городе и области спортивной команды, – Борис стал ещё упорнее трудиться над заданиями, аккуратно посещать и выслушивать лекции преподавателей. У него появился новый стимул к занятиям, о чём он прежде никогда бы не думал. А дело в том, что в практике Политехнического института неуспевающим студентам не позволялось участвовать в соревнованиях между разными институтами. Да к тому же Борис поставил перед собой целью стать не просто инженером-строителем с дипломом, а взять от преподавателей как можно больше знаний, чтобы потом, в работе после окончания института, не краснеть перед своими подчинёнными рабочими.

А всё-таки молодцы Каракозовы, особенно Клара Константиновна! Они тоже вносили существенную лепту в инженерное воспитание Бориса, постоянно помогали ему, ну и, конечно, Валерке, в наиболее трудных моментах по своим предметам. В результате первый семестр друзья-студенты закончили с одной тройкой по начертательной геометрии (вот предмет противный!), а по остальным в зачётных книжках красовались одни и те же циферки – четвёрки...

В конце марта в Омске ещё бушуют холода, скрипят морозы, метель и пурга не прекращаются сутками, словно это в январе, в середине зимы. Однако, несмотря на невыносимую, несносную погоду, народу в крытом стадионе «Локомотив» собралось много. Болельщиков со стороны Политеха и со стороны строящегося нефтеперерабатывающего завода собралось на трибунах до отказа – заполнился огромный пятитысячный стадион. Все билеты были распроданы, все места заняты. Встреча на первенство города между институтом и строящимся заводом завершала зимний сезон в городской спартакиаде.

Валерка Рогачёв сидел на третьем ряду, на самом краю многорядного зала, обрывающегося здесь для узкого прохода болельщиков. Здесь вокруг сидели однокурсники, пришедшие поболеть за свою родную команду. Политех сегодня выходил на финишную линию и готовился принять чемпионский титул. Уже третий год подряд студенты Политеха удерживали за собой титул чемпиона города по волейболу. И сейчас у болельщиков института не оставалось сомнений, что победа будет за их командой. Правда, нефтяники за последний год тоже сделали хороший рывок, и теперь стали серьёзными конкурентами будущих инженеров. Мало ли что возможно!

5

До начала встречи оставались считанные минуты. И вдруг Валерка, до сих пор вместе с товарищами обсуждавший возможный ход матча, повернулся вправо и остолбенел, прикусив язык. Он увидел то, что тайно готовился увидеть, но о чём не сказал Борису.

За проходом, прямо рядом с собой, он увидел девушек, устраивающихся на свои места в том же, что и у него, опоясывающем весь зал, третьем ряду.

Одна из девушек, в салатовом пальто с белым пышным песцовым воротником, показала Валерке чересчур знакомой, и он стал рассматривать её пристальней. В это время девушка аккуратно, обеими руками сняла с головы пушистую шапку, представ перед парнем во всей своей красе. Поправив правой рукой волосы, она повернула голову к подругам, в сторону, противоположную Валерке. И тут же лицо Валерки, узнавшего и девушку, и её подруг, вспыхнуло яркой краской. Он не ожидал такой удачи. Она всё-таки пришла!

Да, да! Почти рядом с Валеркой сидели его старые знакомые, – девушки, с которыми он и Борис встретились несколько месяцев тому назад в поезде, по пути сюда, в Омск.

Да, да, это была Ира, красавица Ирина, которая так прожгла сердце парня, что он ради неё на время поступился дружбой с Борисом. И вот оказалось, что, разлучившись с нею, он всё же не забыл о ней.

Иногда, правда, вспоминал он о своих поступках в поезде, о своём настырном желании во что бы то ни стало поцеловать её в прекрасные, чуть припухлые губы. Вспоминал и о том, что его доводило до белого каления невнимание к нему Ирины и постоянные расспросы её о Борисе, который, в свою очередь, оставался нем и глух к её словам. А ведь это была красавица-комсомолка, которая по зову партии отправлялась в Сибирь, на стройку новой пятилетки, на нефтеперегонный завод! Заодно вспоминал Валерка, как нахально и самозабвенно он врал Борису, сам поверив в своё враньё, что всю ночь в тамбуре целовался с Ирой. Специально вдохновенно врал, чтобы отсечь товарищу дорогу к ней, малодоступной красавице, чтобы приберечь её для себя, на десерт, на будущее.

И вот, увидев её, он не в первый раз почувствовал в себе новый прилив прежней влюблённости. И в сердце его приключилось что такое непонятное, что заставило его забыть, ради чего он находится в этом огромном стадионе-зале. Оно, это непонятное, заставило его, повернув шею, не отрывать взгляда от Иры, которая, разговаривая тихо о чём-то с подругами, улыбалась, словно излучала своим лицом мягкие вспышки света.

А лицо её, снова казавшееся дорогим и желанным, находилось очень близко от него. Валерка и Ира сидели друг от друга в каком-то метре.

Ира, привет! – вскрикнул Рогачёв, весь сияя от вспыхнувшей радости. Получилось это негромко, но достаточно, чтобы смогла услышать соседка по правую руку.

Ира моментально повернулась на голос и, встретившись глазами с Валеркой, тут же заулыбалась.

Валерочка! Коллега по поезду! Здравствуй, дорогой!

Рогачёв вовсе подвинулся к ней, на самый край скамьи, а Ира, тоже сдвинувшись к нему, сообщила подругам о встрече с давним знакомым. И головы подружек обратились к Валерке, тепло и искренне адресуя ему весёлое и звонкое «Здравствуйте!».

И сразу Ирина стала спрашивать о делах, где они с другом живут, как учатся, что делают в свободное время и как всё-таки поживает тот трудолюбивый парень Борис, который в самую июльскую жару, в вагонной тесноте и духоте умудрялся не отрывать головы от учебников.

Да вот же он – восьмой номер, в синей майке! А белые – это ваши, если вы сейчас на Нефтянике. Здесь так нефтеперерабатывающий завод называют.

И он показал рукой на волейболистов, которые, только что выстроились, чтобы поприветствовать друг друга и вступить в игру.

Да что ты говоришь! Значит, у Борьки твоего талантов уйма? – удивилась Ира, услышав новость о Борисе-волейболисте.

Ну я же тебе говорил!

Поискав глазами восьмой номер среди синих игроков, Ира долго внимательно изучала изменившегося Бориса. Он заметно возмужал за эти месяцы, похудел лицом, словно избавился от прежней деревенской расхлябанности и вялости. В вагоне девичьему глазу было ясно, что по растрёпанным волосам редко гуляет расчёска. Теперь же, даже на расстоянии, была заметна очень идущая ему причёска полубокс, которым потчуют парикмахеры всех цивилизованных парней. Да и сам Борис, показавшийся Ире тогда, в поезде, каким-то мало-подвижным, тяжелым на подъём человеком, сейчас стоял в шеренге спортсменов, живо разговаривая с соседями, быстро взмахами руки реагируя на приветственные возгласы знакомых студентов.

«Да-а, совсем Борис изменился», – подумала Ира. И спросила:

А давно Борис играет в волейбол?

Да-а-вно, уже больше полугода, – растёгивая верхние пуговицы пальто, с гордостью отвечивал Рогачёв. – Талант спортивный у Борьки. Талант, Ирочка. Раньше к мячу боялся притрагиваться. А вот за месяц усердно потренировался – и нате, пожалуйста, – вышел на самые первые роли.

Раздался свисток судьи – и игра началась. Валерка и Ира на время прервали свой разговор и стали внимательно наблюдать за ходом игры...

Упорная встреча закончилась со счётом три – два в пользу команды Политеха.

Спортивные руководители города горячо поздравляли победителей, вручали переходящий кубок и прочие награды.

Теперь Валерка и Ира продолжили разговор. Когда народ расходился, обсуждая прошедшую игру, Рогачёв пригласил Иру и её подружек в гости – к себе и к Борису в общежитие Политеха, – ну, например, в предстоящее воскресенье.

Девушкам предложение показалось интересным, и они с весельем согласились.

6

Ну, а Борис после победоносного завершения игры, получения наград и выслушивания всяческих дифирамбов должен был присутствовать вместе с командой на банкете, организованном городскими властями в честь победителей.

Получив награды, команда студентов отправилась в самый знаменитый ресторан города Омска под названием «Сибирь».

Борис Елин первый раз в жизни вошёл в учреждение подобного рода и был откровенно восхищён роскошью убранства, сногшибательной красотой огромного зала. С высоких потолков в нескольких местах свисали причудливые пышные хрустальные люстры. Всю поверхность пола застилали дорогие ковры, и только в нескольких местах на стыках из-под ковров выглядывал дорогой красноватый паркет. На окнах дорогие занавеси и богатые шторы создавали несказанно приятные спокойствие и уют, прочно усаживая посетителя на выбранный стул и создавая ему соответствующее настроение. К тому же, с картин, исполненных лучшими местными художниками, на посетителей смотрели лица и пейзажи, умиряющие человеческую суету...

Большой оркестр находился в состоянии полной готовности. Столы ломились от разнообразных и вкусных яств. Народ понемногу собирался. Но никто не усаживался пока на свои места. Все почему-то толпились в фойе ресторана и около двери. На вопросительный взгляд Елина, впервые участвующего в таком, с его точки зрения, королевском вечере, старший коллега по команде, похлопав его по плечу, сказал:

– Рано, Борька, рано. Никто не имеет права садиться, не положено. Сейчас ждут председателя областного комитета по спорту, а с ним, говорят, будет аж самый первый человек в области, первый секретарь обкома Кирилл Егорович Кирченко...

Через некоторое время, действительно, в таком шикарном, как и зал, фойе появились долгожданные гости и дорогие гости, одновременно они же и хозяева события. С ними пришли и ректор института Владимир Севастьянович Пашков, и завкафедрой физкультуры Марина Петровна Петрушева. А рядом с ними все увидели и двухсаженного Николая Ивановича Рябушкина.

Вот о них двоих нам придётся сказать особо.

7

Петрушева, немолодая, но сильная женщина, мастер спорта по толканию ядра, в свои годы даже занимала видные места в общесоюзных соревнованиях. Окончив институт физкультуры в Новосибирске и защитив диссертацию, она в Омском политехе работала преподавателем на кафедре физвоспитания, а через год стала заведовать этой же кафедрой. Она-то и задумала создать настоящую институтскую волейбольную команду, благо этот вид спорта вошёл в моду. Мечтала Марина Петровна о всесоюзной славе такой команды.

И судьба подбросила ей на кафедру через министерство списанного по возрасту волейболиста всесоюзного значения Николая Ивановича Рябушкина. Они сразу, с первых дней, поняли друг друга. Николай Иванович организовал секцию, куда стал набирать лучших, способных ребят. И вскоре команда состоялась и дала о себе знать и ректору, и руководству города. В первый же год команда Политеха заняла второе место среди институтов области. А через год завоевала первое место.

Тогда и ректорат стал не на шутку помогать кафедре выращивать спортсменов. Премировал игроков, давал кое-какие поблажки игрокам, помогая сдавать хвосты в свободное от соревнований время.

Но, когда команда прославилась и стала разъезжать по стране, выработали и своеобразную тактику отбора. Неудачников студентов перестали допускать к играм. Поэтому любой игрок сборной никогда не забывал о своих главных обязанностях студента и делал всё, чтобы не нахватать хвостов и лишних хлопот по передаче зачётов и экзаменов.

Вот почему на банкете в честь победы волейболистов Политеха и Петрушева и Рябушкин присутствовали наравне с ректором и парторгом института, и об этом хорошо знали самые знатные и властьдержущие люди города.

8

Когда первый секретарь обкома вместе со своими помощниками трогательно поздравился с представителями Политеха, то вся верховная компания в сопровождении весьма молодой и симпатичной женщины – директора ресторана Екатерины Давыдовны торжественно двинулась к столам. Только после этого весь приглашённый народ, включая спортсменов, которых Екатерина Давыдовна успела отгеснить в дальний угол, с обрадованными лицами пристроился в хвост колонны уважаемых персон.

Спортсмены уселись после всех на оставшиеся свободными места: каждый сверчок знай свой шесток. А когда весь приглашённый народ занял свои стулья и кое-кто даже начал опробовать дармовую еду, первый секретарь торжественно встал и предложил первый тост за чемпионов области по волейболу, за спортсменов Политеха, которые в тяжёлой борьбе за первенство смогли который год удержать за собой почётный чемпионский титул.

– Ребята! – говорил он, отечески-ласково и чуть свысока поглядывая на притихших студентов. – Под руководством ваших уважаемых преподавателей и тренеров, институтских

коммунистов, своим упорством, своим трудолюбием вы добились выдающихся результатов во всенародно любимом спорте – волейболе. И я вам скажу: вы молодцы! Вы молодцы ещё и потому, что вы не просто спортсмены, прославляющие свой институт, свой город и область. Вы герои ещё и потому, что пока вы преуспеваете в своём студенческом ежедневном труде, а по существу в каждом из вас живёт будущий инженер, руководитель серьёзных производств: заводов, фабрик и строек. Вы – будущие командиры рабочих коллективов. Я лично уверен, что из каждого вашего спортсмена выйдет прекрасный настоящий советский руководитель, ибо уже сейчас в вас заложена неуклонная воля к победе, к лучшему результату. Именно для этого наша партия, наше советское правительство ежегодно выделяют миллионы рублей на развитие спорта. Всё наша советская власть делает для того, чтобы в вас, таких молодых и красивых людях, воспитать свою надёжную опору, способную отстаивать интересы нашего общества везде и всюду, где это потребуется. Вы знаете, какое значение имел спорт в жизни наших людей, сумевших в тяжёлых условиях Великой Отечественной войны победить фашизм. Любая победа, можно сказать, выковывается и сейчас, в том числе и на спортивных полях и площадках. Поздравляю вас с победой ещё раз и желаю вам ещё много и много трудовых и спортивных побед!

С этими словами Кирилл Егорович немного потряс в воздухе небольшим фужером с водкой и под аплодисменты присутствующих залпом отправил его содержимое по назначению.

Борис Елин, как и его товарищи по команде, с открытым ртом, стараясь не пропустить ни единого слова, слушал краткую речь областного предводителя и тарасил глаза на него с восхищением и гордостью за то, что областью руководит такой умный и прекрасный коммунист-патриот.

9

С восторгом ловя каждое сказанное слово Кирилла Егоровича, наш студент всё-таки внимательно всматривался в человека такого высокого ранга, увиденного им впервые. Кирилл Егорович выглядел нормальным, хорошо побритым мужчиной, не слишком отличавшимся обликом от других пришедших с ним мужиков. Правда, одет он был в чудесный торжественный синий костюм в какую-то особенную искру, какого не увидишь ни на студенте, ни на преподавателе. Светло-серый жилет красиво оттенял ослепительную белую сорочку со скромным и нежным розовым атласным галстуком. Всё на нём казалось просто, красиво и, как говорят в народе, чин по чину.

И Елину подумалось, что следует запомнить, как одеваются на такие случаи первые лица в области – мало ли когда пригодится. Ведь подсказать, в случае чего, некому. Ещё ему подумалось к концу речи первого, что в Кирилле Егоровиче, в его фигуре, в его лице, в его руке, держащей фужер, нет ничего, чего не было бы в других людях. Весь он был достаточно обыкновенным: немного лысеющий лоб с откинутым назад и чуть набок по левому волос, чуть повислые щёки, несколько укрупнённый в картофелинку поблескивающий нос. Заметно углублённые круги под глазами, – наверно, от огромных, свалившихся на его плечи, трудов. Только вот его поведение, когда он с некоторым пренебрежением кивал сидящим рядом людям, его несколько важноватая и небрежная посадка за столом, когда он чувствовал и ловил бросаемые на него взгляды, – давали понять окружающим, что он в этом ресторанном зале не случайный и не зависящий ни от кого человек, а даже, в какой-то мере, уверенный хозяин здешнего положения.

И эти все детали, относящиеся к первому лицу области, не укрылись от такого жадного деревенского наблюдателя, каким явился сюда Борис Елин.

Но он пока находился на высоте восторга и, поскольку прежде не видел никакого начальства, кроме председателей сельсовета и колхоза, внутренне радовался событию. В душе благодарил Рябушкина, сделавшего из него, деревенского бревна, приличного спортсмена. А в результате – вот, пожалуйста, – его величество случай позволил ему сидеть за одним столом с большим человеком, с членом ЦК партии, имя которого с почтением произносили все горожане.

Временные обитатели ресторанный зала, навёрстывая в еде, с удовлетворёнными лицами то и дело бросали свои взгляды на главного областного руководителя. Почти все они помнили, что и как пишут о нём в центральных и местных газетах. Даже московские газеты не раз писали о Кирилле Егоровиче как о руководителе, сумевшем за полтора года своего секретарства искоренить все недостатки, сложившиеся при прежнем первом секретаре. Нового хвалили за то, что он смело восстановил ленинские нормы руководства большой областной партийной организацией. Газеты отмечали его за коммунистическую принципиальность, с которой он восстанавливал в области трудовую, хозяйственную и партийную дисциплину.

По словам газет, область в течение последних месяцев уверенно выходила (куда именно, никто не говорил, но тогда было принято так писать) по всем направлениям социалистического соревнования и занимала первые по Союзу или отраслевые места.

В чём всё это заключалось, никто толком не мог сказать. Жизнь основной массы людей за это короткое время не изменилась, зарплата не увеличилась, товаров в магазинах как не было раньше, так не прибавилось и сейчас. Прежний первый секретарь, снятый, как говорится, с треском, новой должности не получил и, оказавшись для родной партии ненужным, после ежедневных неприятных размышлений о бренности судьбы, вскорости скончался.

Строительство нового нефтеперерабатывающего завода, начатое ещё при нём, продолжалось, правда, немного активнее, но и то с притоком новых средств, выбитых из центра: по слухам, государство стало лучше финансировать эту стройку. Но уже местные газеты вслед за московскими утверждали, будто новый завод – это детище товарища Кирченко. И что он готов сдать этот завод за два года, хотя по проекту на строительство его отводилось три года с гаком.

Основная масса людей относилась к Кирченко с некоторой настороженностью, без особой теплоты, поскольку не видела в нём каких-то выдающихся качеств, присущих крупному политическому деятелю. А ведь область, которой он руководил, своей территорией несколько раз покрывала некоторые европейские страны.

Однако на своих строгих и серьёзных лицах большинство присутствующих изображало ещё и восхищение и преданность, а также желание слушать его бесконечно, словно секретарь изрекал из своих уст самые что ни на есть недоступные никому прежде мысли и идеи. Как будто после этих слов, завтра уже утром, в городе и области начнётся всеобщее благоденствие и неуклонное улучшение жизненных условий.

Даже вот ректор института, пожилой человек с профессорским званием, делал вид, что наконец-то ему посчастливилось встретиться с умным, знающим и почти великим человеком.

Что же говорить о деревенщине Борисе Елине?

Борис, то и дело управляясь с непривычно вкусной едой, всматривался в Кирилла Егоровича, наблюдал за ним, за его манерой держать столовые приборы, за умением пользоваться ими. Каждая мелочь очаровывала Бориса в первом: как говорил хозяин области, как поворачивался всем корпусом или головой то вправо, то влево, как смеялся, как поднимал густые рыжеватые брови, как поправлял очки, съезжавшие часто ближе к концу носа. Как отправлял в рот кусок сельди, как держал фужер, вставая или садясь во время объявления

тостов. Всё это юному студенту казалось каким-то интересным, недостижимым, таинственным и великим, приближенным к чуду.

Борис мысленным взглядом рассчитывал расстояние между собой и всеми сидящими, с одной стороны, и первым – с другой, и видел, что эта дистанция – огромная. Но он тут же видел и угадывал силу и возможности его персоны.

Вот она, – так понимал Борис, – могучая тайна его должности, – сегодняшний пир, подчинённые люди вокруг, возможность отведать казённых харчей в этом сногшибательном заведении. Здесь и желание и слово этого не слишком молодого, светлого, немножко курносого человека.

Впервые в своей жизни Борис, хоть и ненадолго, всего-то на несколько часов, видел круг других людей, иную жизнь, пищу, непохожую на студенческую, другую обстановку, другие интересы, другие слова и другие лица, которые не привык видеть в своей, ещё сравнительно короткой жизни.

Такая жизнь в этом кругу людей показалась ему интересной, богатой впечатлениями, насыщенной и весёлой, до которой деревенскому парню никогда не дойти. Ну что ж, царская жизнь не для простых людей, пронеслось в его сознании. Это всё опять то же: всякий сверчок знай свой шесток.

10

Однако Борис из того богатого вечера вынес самое главное для его пытливого студенческого ума. Главное, – он узнал, что существует другая жизнь. Более достойная жизнь человека, к которой надо стремиться. Которую нужно приближать своим каждодневным трудом. И ещё студент сделал для себя вывод, что не все люди в стране могут быть допущены к богатой и роскошной жизни. Что не все люди и могут добиться этого благополучного и сытого положения. Несмотря на то, что партия и газеты, преподаватели в институте в один голос твердят, что все люди равны и все люди должны и достойны жить безбедно.

Ведь вот что получается, рассуждал сам с собой Борис, – первый секретарь и его молодые помощники почти каждый день выступают с докладами где-то перед трудовыми коллективами, награждают коллективы и отдельных работников, проводят инспекционные и контрольно-ревизионные проверки, присутствуют при пуске тех или иных новых производств и всегда имеют возможность за казённые деньги отведать такую изысканную еду, которой простой гражданин и труженик и в глаза не видел и даже названия не знает. Чтобы жить по-человечески в этой жизни, надо обязательно дружить с представителями властей. А ещё надёжнее самому стать участником этих властей, на худой конец почаще быть в среде этой категории людей. И надо учиться, надо учиться основательно, чтобы в этой жизни добиться каких-то заметных успехов. Так что без диплома никуда проходу не будет – такое про себя заключение сделал Борис Елин...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.